

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ
«ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

№ 2 (26)

Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год

Москва
2017

VESTNIK
MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES
LEGAL SCIENCES

№ 2 (26)

Published since 2008
Quarterly

Moscow
2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И.М.</i> председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации
<i>Рябов В.В.</i> заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е.Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д.Л.</i>	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Пашенцев Д.А.</i> главный редактор	доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
<i>Северухин В.А.</i> зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР
<i>Борисова Н.Е.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Ефимова О.В.</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Ростиславлев Д.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент
<i>Ростокинский А.В.</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Ситдикова Л.Б.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Пряхина Т.М.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Чурилов С.Н.</i>	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
<i>Безносикова О.И.</i>	ответственный редактор Юридического института ГАОУ ВО МГПУ

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9113

© ГАОУ ВО МГПУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

- Головина А.А.* Правовой суверенитет и мировое право 8
- Звонарев А.В.* Развитие общественно-политических взглядов
П.И. Новгородцева в конце 1917 – первой половине 1918 гг. 15
- Кривенький А.И.* Сближение правовых систем в праве Евросоюза
и его влияние на формирование глобального права 25
- Северухин В.А.* Доминирование исполнительной власти:
современные проблемы 32
- Терновая О.А.* Пределы свободы и ограничения конкуренции
по законодательству Франции: история и современность 44
- Тымчик В.И., Булгакова О.А.* Современная модель
международных отношений в контексте международного права
и событий в Сирии 52

Публичное право

- Бабаева Ю.Г.* Малозначительность взятки больше
не обсуждается? 58
- Куксин И.Н., Ростокинский А.В.* Предприниматель
как специальный субъект уголовно-правовых отношений 64
- Лавицкая М.И., Тимофеев С.В., Ефремова О.В.* Дискурс
о терроризме в современном мире: анализ с точки зрения
теории секьюритизации 81

Частное право

- Ефимова О.В.* Договор специального банковского счета
эскроу 89

Трибуна молодых ученых

- Калмыкова А.Д.* Гражданское общество и публичная власть: особенности взаимодействия 94

Научная жизнь

- Бочкарев С.В.* Проект Конституции 1848 г. Э. Лабулэ (перевод с французского и комментарий) 99
- Пашенцев Д.А.* Обзор научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, прошедшей 27 апреля 2017 г. в Юридическом институте Московского городского педагогического университета 109

Критика. Рецензии. Библиография

- Дорская А.А.* Рецензия на монографию Н.М. Ладнушкиной, Д.А. Пашенцева, С.И. Феклина «Образовательное право: вопросы теории и практики» (Рязань: Концепция, 2017. 240 с.) 113
- Северухин В.А.* Рецензия на монографию А.Д. Керимова, И.Н. Куксина «Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса» (М.: Норма: Инфра-М, 2017. 96 с.)..... 116

- Авторы «Вестника МГПУ», серия «Юридические науки», 2017, № 2 (26)..... 121**

- Требования к оформлению статей 126**

CONTENTS

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

<i>Golovina A.A.</i> Legal Sovereignty and World Law	8
<i>Zvonarev A.V.</i> The Development of the Social and Political Views of P. I. Novgorodtsev at the End of 1917 – the First Half of 1918.....	15
<i>Krivenkiy A.I.</i> The Approximation of Legal Systems in the European Legislation and Its Impact on the Formation of Global Law	25
<i>Severukhin V. A.</i> The Dominance of the Executive Power: Contemporary Issues	32
<i>Ternovaya O.A.</i> The Limits of Freedom and Competition Restrictions in the Legislation of France: History and Modernity	44
<i>Tymchyk V. I., Bulgakova O.A.</i> The Modern Model of International Relations in the Context of International Law and Developments in Syria.....	52

Public Law

<i>Babayeva U.G.</i> The Insignificance of Bribes is no Longer Being Discussed?	58
<i>Kuksin I.N., Rostokinskiy A.V.</i> Entrepreneur as a Special Subject of Criminal and Legal Relations.....	64
<i>Lavitskaya M.I., Timofeev S.V, Efremova O.V.</i> The Discourse on Terrorism in the Modern World: an Analysis from the Point of View of the Securitization Theory.....	81

Private Law

<i>Efimova O.V.</i> The Special Contract of the Bank Block Account	89
--	----

Tribune of Young Scientists

<i>Kalmykova A.D.</i> Civil Society and the Public Sector: Features of Interaction.....	94
--	----

The Scientific Life

<i>Bochkarev S.V.</i> The Draft Constitution of 1848 by E. Laboulaye (Translated from French).....	99
<i>Pashentsev D.A.</i> Review of Scientific Conference in the Memory of Professor F.M. Rudinsky Held on the 27th April 2017 in Law Institute, Moscow City University.....	109

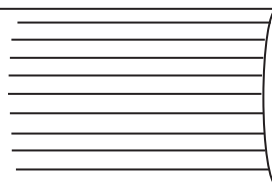
Critical Survey. Reviews. Bibliography

<i>Dorskaya A.A.</i> Review of the Monograph by N. M. Ladnushkina, D.A. Pashentsev, S.I. Feklin «Educational Law: Theory and Practice» (Ryazan: Contseptsia, 2017. 240 p.)	113
<i>Severukhin V.A.</i> Review of the Monograph by A.D. Kerimov, I.N. Kuksin «Strong State as a Determining Factor of Social Progress» (Moscow: Norma, Infra-M, 2017. 96 p.).....	116

«MCU Vestnik», a Series “Legal Sciences” / Authors, 2017, № 2 (26)	121
---	-----

Style Sheet	126
--------------------------	-----

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А.А. Головина

Правовой суверенитет и мировое право

В настоящей статье рассматривается концепция мирового права (как правовая основа мирового государства) в ее исторической и современной геополитической интерпретации, отмечается кризис данной концепции в современном трансформирующемся миропорядке, в связи с чем категория государственного суверенитета вновь выходит на историческую авансцену (во всех его измерениях, включая правовой суверенитет).

Ключевые слова: государственный суверенитет; правовой суверенитет; мировое право; мировое государство; глобализм; антиглобализм.

После распада СССР и устранения идеологического конкурента в лице коммунизма, либерализм в его глобалистской, эспансионистской интерпретации остался, по сути, единственной конкурентоспособной «утопией», к которой предлагалось двигаться всему прогрессивному человечеству. На волне оптимистичных прогнозов о «конце истории» и полной победе западной концепции мироустройства все большую популярность стал получать тезис о том, что суверенитет — устаревшая категория, анахронизм, а будущее — за глобальной повесткой. Тенденции глобализации, дополнявшиеся несомненным успехом европейского интеграционного проекта, казалось, давали все основания для такого утверждения.

Однако в силу ряда причин объективного и субъективного характера эта повестка (неожиданно для многих ее приверженцев) забуксовала. Брекзит (и разговоры о чуть ли не дюжине других «экзитов» — грекзите, португекзите и т. д. [3]), победа на выборах в США Д. Трампа (одним из первых решений которого всего через несколько дней после инаугурации стал «запуск» выхода США из Транстихоокеанского партнерства (ТТП)), усиление позиций правых партий в ведущих европейских странах стали наглядными симптомами этого процесса.

Американским аналитикам Яну Бреммеру и Нуриэлью Рубини пришлось констатировать: в мире больше нет стран или блоков, способных следовать «глобальной повестке дня»: «в последние несколько месяцев группа стран — ведущих экономик мира — превратилась из слаженного оркестра в какофонию. Этот мир больше не мир G-7 («Большой семерки»), не мир G-20. Это мир G-0» [7].

В этих условиях становится очевидно, что национальный суверенитет (суверенитет государства) еще далеко не готов так просто сдавать свои позиции натиску глобализации и наднациональных интеграций.

Одним из наиболее важных измерений национального суверенитета, наряду с экономическим, политическим, демографическим, идеологическим и др., мы считаем правовой суверенитет, под которым можно понимать самостоятельность и независимость государства в принятии юридически значимых решений (в том числе в выборе правовых моделей, отвечающих национальному правовому менталитету и национальным правовым традициям; в заключении или незаключении тех или иных международных договоров, либо заключении их со своими оговорками; в противодействии экспансии правовых моделей зарубежных государств в том случае, если они противоречат национальным интересам и т. д.) (см. также более подробно [11]).

У концепции правового суверенитета и сегодня остается немало конкурентов, каждый из которых в той или иной мере оспаривает «право государства на право» — на возможность государства самостоятельно и независимо от других акторов принимать общеобязательные правила поведения, регулирующие общественные отношения. Среди таких конкурирующих концепций, на наш взгляд, можно назвать следующие: мировое право, сетевое право, теневое право, электронное право, неоанархизм, неолиберализм, сервисное государство, концепция разделенного суверенитета; метанормативизм (этим термином мы предлагаем обозначать правовую парадигму, обосновывающую возможность существования права вне законодательства и, соответственно, возможность существования неправового закона, т. е. издаваемого государством закона, который якобы не имеет отношения к праву).

Одной из наиболее антиномичных к концепции национального правового суверенитета является концепция так называемого мирового права, которое рассматривается как правовая основа формирования в будущем мирового государства.

Об опасности реализации этой концепции говорил еще И. Кант, один из первых мыслителей, который в своих изысканиях обратился к данной категории. Современный немецкий исследователь д-р Гельмут Вагнер комментирует воззрения классика на эту проблему следующим образом: «Почему Кант, как и другие его современники, например, аббат Сент-Пьер (1658–1743) и Жан-Жак Руссо (1712–1778), не видел в мировом государстве, монополизировавшем всю власть, достаточной гарантии для поддержания мира? Потому что оно, хотя и было бы в состоянии заботиться о мире, одновременно препятствовало бы “самостоятельности государств”, которая необходима для блага человечества, согласно кантовскому принципу: “Человек хочет согласия, но природа знает лучше, что хорошо для его рода, а именно — раздор”». В собственных произведениях Г. Вагнера эта идея нашла выражение в следующих словах: «Существование суверенных государств неизбежно ведет к военным конфликтам. Но с точки зрения здравого смысла оно лучше, чем их слияние, где одно государство будет возвышаться над другим, что приведет к власти универсальной монархии.

Ибо законы по мере увеличения власти правительства все больше и больше теряют свое значение, разрушив основы добра, впадают в конце концов в анархию». Кант к этому добавил, что правда состоит в том, что каждое большое государство стремится к тому, чтобы господствовать над всем миром и таким образом заботится о поддержании мира. Но, говорит он, «природа хочет иного». Она пользуется «двумя средствами, чтобы удержать народы от смещения и обособить их — разнообразием их языков и религий». Важно для свободы, чтобы «церковный двор» создавался не «деспотизмом» одного государства, а «самым оживленным состязанием» между всеми общественными и государственными силами, чтобы прийти к миру «на основе “согласия”» [4: с. 53].

Однако, несмотря на вполне аргументированные предостережения великого философа, в XX и XXI вв. концепция мирового права и мирового государства завоевала определенную популярность и появилась в дискурсе некоторых ученых и геополитиков.

Из недавно встретившихся нам примеров: Т.И. Виноградова, со ссылкой на отдельных российских и зарубежных авторов, писала в 2004 году, исследуя понятие политического управления: «Политическое управление представляет собой сферу взаимоперехода политики в управление и обратно, область корректировки проводимой политики и принятых управленческих решений под действием конкретных обстоятельств и условий их реализации, включая диалог с обществом. Спрос на политическое управление в таком понимании обоснован процессами глобализации, когда требуются управленческие структуры, способные быстро реагировать на новые проблемы и ускоренно оценивать те или иные перспективы. Действительно, данная концепция предполагает постепенную трансформацию структур государственного управления и местного самоуправления старого типа — иерархичных и бюрократичных — в гибкие и комплиментарные административные структуры нового типа. Саму глобализацию часто рассматривают как новую форму политической власти. Соответственно возникает и такой феномен, как *global governance* («глобальное политическое управление»). Он означает развитие специализированных международных организаций, таких как Лига Наций, ООН, Совет Европы и др. Создание этих «первичных мировых государств» является процессом создания определенных институтов, но, в отличие от более ранних «мировых государств», они возникают постепенно, на основе соглашений» [5].

Однако на настоящий момент иллюзии такого рода разбиваются о реалии практики. Действительность со всеми ее противоречиями оказывается, как и всегда, богаче и сложнее любых умозрительных схем и абстрактных прогнозов.

Некоторое время назад прообразом «мирового парламента» предлагалось считать, например, ООН. По этому поводу президент Института Ближнего Востока Е.Я. Сагановский справедливо замечает: «Организацию Объединенных Наций, основанную 26 июня и начавшую работу 24 октября 1945 года — преемницу Лиги Наций, общественное мнение рассматривает как мировой парламент. Судя по результатам деятельности ООН, нет ничего более далекого от действительности, чем

такое восприятие этой малоэффективной бюрократической структуры, живущей по своим, далеким от реальной жизни законам. Дорогостоящие миротворческие структуры ООН никого ни от чего не защищают. Комиссии и комитеты занимаются не осмысленной деятельностью, а интригами, выбиванием и осваиванием бюджетов. Организация коррумпирована, чиновники торпедируют самые серьезные и неотложные проекты, политкорректность, возведенная в степень, доведена до абсурда. ООН, пережив эпоху противостояния военно-политических блоков, когда она служила полем битвы идеологических систем и платформой для диалога сверхдержав в моменты, когда их противостояние заходило в тупик, во многом — раритет мироустройства, сложившегося после завершения Второй мировой войны. Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея выпускают резолюции, которые никто не выполняет и на которые мало кто, помимо участников процесса, обращает внимание» [8: с. 375].

Более того, на наш взгляд, сегодня приходит понимание, что концепция мирового государства (и, соответственно, мирового права) не только не оправдывает себя, но и несет угрозу развитию многополярного мира, при том, что чем меньше полюсов, тем меньше устойчивость, как это доказала новейшая история. В отсутствие центров сдерживания велик риск появления глобальных гегемонов, которые реализуют свою политику, игнорируя интересы и потребности других стран, что в конечном итоге пагубно отражается на интересах всех игроков. Неслучайно прошедшие в 2016 г. выборы президента США показали назревание в этой стране, долгое время акцентировавшейся на глобальной повестке, острейших внутренних проблем, а победивший кандидат пришел к победе с лозунгом «Сделаем Америку великой снова», тем самым констатируя, что сегодня она уже таковой не является.

Ю.А. Тихомиров задается справедливым вопросом: «Можно ли считать оправданными предсказания мыслителей прошлого и современности о формировании универсального правового регулятора в виде “метаправа” [5: с. 187–198] или образования по призыву Святого Духа универсальной интегративной юриспруденции вместе с системой мирового права [2: с. 9–11]. Сохраняет ли силу марксистское предвидение отмирания права? Ответ дать очень трудно, поскольку в мире развиваются такие разные, но и взаимосвязанные “правовые потоки”, как национально-государственное право, глобальное и региональное международное право, корпоративное регулирование общественных объединений, саморегулирование на стыке норм права и морали. Главное — стремление согласовать эти “потоки”, а не поглощать их во взаимном противоборстве, найти путь к гармонии в мире, в обществе и в человеке» [10: с. 232].

В другой работе этот автор отмечает: «Похоже, что Римский клуб, всегда уповавший на “революцию сознания”, ошибся в своих прогнозах мягкого “растворения” государственно-правовых регуляторов в общечеловеческом регуляторе. Однако эта проблема имеет исторический смысл, поскольку человечество всегда сталкивалось с решением задач упорядоченности социальной и личной жизни и покушениями на жизнь и свободы людей, наций и государств.

Правопорядок всегда противостоит насилию, хотя право и использует принуждение в легальных процедурах и для достижения устойчивости правопорядка и миропорядка, обеспечения публичных, коллективных и личных интересов. Насилие же вне правовых форм всегда оказывается разрушительной силой, ограничивающей и ликвидирующей права и свободы людей, подавляя гражданское и национальное самосознание, ограничивая и даже разрушая суверенитет государств» [9].

Концепция мирового права прямо антагонистична концепции правового суверенитета, поскольку подразумевает растворение индивидуального во всеобщем, при том, что такое всеобщее, по факту, понимается не как результат согласования волей, а скорее как неограниченная экспансия другого индивидуального.

В связи с этим различного рода предсказания неизбежности мирового государства и мирового права, к которым когда-нибудь придет прогрессивное человечество, можно рассматривать в том числе и как элемент попыток своего рода «программирования», подспудного навязывания именно такой желаемой модели будущего. Однако здоровое чувство самосохранения, присущее жизнеспособным сильным государствам, позволяет к такого рода попыткам относиться с известной долей скепсиса.

Похоже, осознание того, что победа «единственно верного учения» либерализма и концепции мирового государства / мирового права отодвигается на неопределенный срок, все больше приходит к западным мыслителям.

Так, одна из недавних книг Генри Киссинджера (Henry Kissinger) называется «Мировой порядок» (World Order). Ее название западные эксперты считают в определенной степени ироничным, потому что, как сказал сам Киссинджер, сейчас мирового порядка попросту не существует. Наши современники настойчиво и порой отчаянно ищут концепцию мирового порядка, и пока крупные державы — в частности США и Китай, но не только — не достигнут некоего соглашения, касающегося их ролей на мировой арене, «хаос будет угрожать» всем. Детали этого соглашения пока остаются неясными и потребуют от политиков всего творческого потенциала и изобретательности, на которые они только способны. Но в одном Киссинджер абсолютно уверен: «Ни одна страна, будь то Китай или США, не способна в одиночку играть роль мирового лидера так, как это делали США непосредственно после окончания холодной войны» [1]. Что касается господства США, пишет американское издание National Interest, «всегда было ошибкой говорить об “американском империализме”, имея в виду то же, что имеется в виду при упоминании о российском или британском империализме. Однако конец антикоммунизма как значимой силы в международных делах привел к уменьшению влияния Вашингтона на мировой арене и повлек за собой последствия, очень похожие на последствия краха более традиционных империй. Либеральный дух, который был основой первенства Америки, теперь выглядит довольно слабой защитой перед национальной, этнической или религиозной идентичностью — даже внутри западного альянса» [1].

Таким образом, национальный суверенитет во всех его измерениях (включая правовой суверенитет) сегодня триумфально возвращается на повестку дня, еще раз подтверждая тезис о том, что многие исторические и геополитические процессы развиваются по спирали.

Литература

1. *Барри Гьюэн*. Сила Америки в эпоху беспорядков: пер. с англ. // Портал «ИноСМИ». URL: <http://inosmi.ru/politic/20160822/237600376.html> (дата обращения: 22.08.2016).
2. *Берман Гарольд Дж.* Мировое право: экуменическая юриспруденция Святого Духа // Представительная власть. 2005. № 1 (61). С. 13.
3. В Оксфордский словарь добавили «Грекзит» и «Брекзит» // Информационное сообщение РБК от 27 августа 2015 г. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/55defca39a7947235b49c5a0>.
4. *Вагнер Г.* Дилемма Канта — его «мировое государство». Как можно представить себе сегодня мировое сообщество? // Пространство и время. 2012. № 3. С. 52–60.
5. *Виноградова Т.И.* «Хорошее политическое управление» (good governance): к вопросу о роли центров публичной политики // Публичная политика 2004: сборник статей / под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2004. С. 8–19.
6. *Джантаев Х.М.* Человечество — как субъект метаправа // Евразийский юридический журнал. 2014. № 5 (72). С. 187–196.
7. *Леонтьев М.* Глобальный «Экзит» // Официальный интернет-сайт «Изборского клуба». URL: <https://izborsk-club.ru/9800> (дата обращения: 07.07.2016).
8. *Сатановский Е.Я.* Котел с неприятностями. Ближний Восток для «чайников». М.: Издательство «Э», 2016. 540 с.
9. *Тихомиров Ю.А.* Новые векторы регулирования — «другое право»? // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 5–15.
10. *Тихомиров Ю.А.* Право: прогнозы и риски: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Инфа-М, 2015. 240 с.
11. *Тихомиров Ю.А.* Правовой суверенитет: сферы и гарантии // Журнал российского права. 2013. № 3. С. 5–20.

Literatura

1. *Barri G'yue'n.* Sila Ameriki v e'poxu besporyadkov: per. s angl // Portal «InoSmi». URL: <http://inosmi.ru/politic/20160822/237600376.html> (data obrashheniya: 22.08.2016).
2. *Berman Garol'd Dzh.* Mirovoe pravo: e'kumenicheskaya yurisprudenciya Svyatogo Duxa // Predstavitel'naya vlast'. 2005. № 1 (61). S. 13.
3. V Oksfordskij slovar' dobavili «Grekzit» i «Brekzit» // Informacionnoe soobshhenie RBK ot 27 avgusta 2015 g. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/55defca39a7947235b49c5a0>.
4. *Vagner G.* Dilemma Kanta — ego «mirovoye gosudarstvo». Kak mozjno predstavit' sebe segodnya mirovoe soobshhestvo? // Prostranstvo i vremya. 2012. № 3. S. 52–60.
5. *Vinogradova T.I.* «Xoroshee politicheskoye upravlenie» (good governance): k voprosu o roli centrov publichnoy politiki // Publichnaya politika 2004: sbornik statej / pod red. A.Yu. Sungurova. SPb.: Norma, 2004. S. 8–19.
6. *Dzhantayev X.M.* Chelovechestvo — kak sub'ekt metaprava // Evrazijskij yuridicheskiy zhurnal. 2014. № 5 (72). S. 187–196.

7. *Leont'ev M.* Global'ny'j «E'kzit» // Oficial'ny'j internet-sajt «Izborskogo kluba», URL: <https://izborsk-club.ru/9800> (data obrashheniya: 07.07.2016).

8. *Satanovskij E. Ya.* Kotel s nepriyatnostyami. Blizhnij Vostok dlya «chajnikov». M.: Izdatel'stvo «E'», 2016. 540 s.

9. *Tixomirov Yu. A.* Novy'e vektory' regulirovaniya — «drugoe pravo»? // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 4. S. 5–15.

10. *Tixomirov Yu. A.* Pravo: prognozy' i riski: monografiya. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: Infa-M, 2015. 240 s.

11. *Tixomirov Yu. A.* Pravovoj suverenitet: sfery' i garantii // Zhurnal rossijskogo prava. 2013. № 3. S. 5–20.

A. A. Golovina

Legal Sovereignty and World Law

This article deals with the concept of «world law» (the legal basis of the «world state») in its historical and contemporary geopolitical interpretation, the crisis of this concept in the modern transforming world order, in connection with which the category of state sovereignty re-enters the historical stage (in all its dimensions, including the legal sovereignty) is shown.

Keywords: state sovereignty; legal sovereignty; world law; world state; globalization; anti-globalization.

А.В. Звонарев

Развитие общественно-политических взглядов П.И. Новгородцева в конце 1917 – первой половине 1918 гг.

Статья посвящена эволюции взглядов П.И. Новгородцева в критический период развития российской государственности. Показаны взгляды ученого и политического деятеля на Учредительное собрание, на международные отношения и вопросы внешней политики. Сделан вывод о существенном влиянии революционных событий на мировоззрение ученого.

Ключевые слова: П.И. Новгородцев; революция; Учредительное собрание; партия кадетов.

В 2016 г. исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося российского юриста и известного дореволюционного общественного деятеля Павла Ивановича Новгородцева (1866–1924), оставившего заметный след в истории России первой четверти XX в.

П.И. Новгородцев — профессор Московского императорского университета, доктор юридических наук, один из основателей конституционно-демократической партии, депутат I Государственной думы, подписавший Выборгское воззвание. Согласно приговору суда, состоявшегося в декабре 1907 г., депутаты Думы, подписавшие Выборгское воззвание, были приговорены к трехмесячному тюремному заключению, и им было запрещено заниматься «парламентской» деятельностью. Во многом этим объясняется уход П.И. Новгородцева от партийной работы в предреволюционный период. Ограничение избирательных прав и, как следствие, невозможность его дальнейшего участия в выборных органах государственной власти отодвигает Павла Ивановича от активной политической деятельности и, по выражению П.Н. Милюкова, он становится идеологом кадетского движения [9: с. 79].

Однако обстоятельства, порожденные революционными событиями 1917 г., вновь выдвигают П.И. Новгородцева в руководство партии кадетов. После начала в Петрограде Октябрьского вооруженного восстания руководство кадетской партии постепенно перемещается в Москву, куда переезжает и П.Н. Милюков, остановившийся на квартире П.И. Новгородцева. Здесь же проходят совещания первой в Москве подпольной антисоветской организации — «девятки» [5: с. 8]. Активный участник предвыборной кампании, Новгородцев избирается в Учредительное собрание по списку кадетов от города

Москвы [13: с. 354]. Получившие всего несколько мест в собрании кадеты не могли рассчитывать на проведение своих собственных решений. Однако это не мешало им придерживаться собственной линии поведения. Основные положения тактики кадетов были изложены в докладе Новгородцева, с которым он выступил на Московском губернском съезде партии 26 ноября 1917 г. Оценивая перспективы Учредительного собрания, ученый высказывает мнение, что уже в «момент своего появления на свет оно ... оказалось мертворожденным плодом, противоречащим сознанию народа и в этом главное основание его непрочности». Что касается тактики кадетов по отношению к эсеровскому большинству в собрании, то Новгородцев считал, что нужно будет ограничиться лишь их поддержкой в борьбе с большевиками. «Другой почвы для соглашений быть не может. Опыт предыдущих месяцев показал, что система так называемого соглашательства осуждена жизнью и к ней возвращаться не имеет смысла». Новгородцев рисовал перед своими единомышленниками безрадостную картину ближайшего будущего: «Недалеко то время, когда появится генерал и даже не окруженный пулеметами, а только с кнутиком в руках и те же с.-эры будут осыпать путь его лавровыми ветвями». Применительно же к текущему моменту задача партии народной свободы, по мнению Новгородцева, должна сводиться к защите начал государственности и подготовки идейной почвы для «сильной твердой власти» [1: с. 1].

Пессимистические прогнозы П.И. Новгородцева относительно перспектив Учредительного собрания не замедлили сбыться. В назначенный на 28 ноября 1917 г. день открытия собрания некоторые его члены — представители кадетской партии — были арестованы. Одновременно издается декрет Совета народных комиссаров (СНК), запрещающий деятельность кадетов и ставящий их вне закона [2: с. 110]. В этих условиях по предложению Новгородцева частным совещанием депутатов Учредительного собрания, собравшихся к этому моменту в Петрограде, было принято постановление, объявляющее лишение свободы некоторых его членов преступным посягательством на Учредительное собрание, являющееся выразителем верховной воли народа. Принятием этого постановления участие кадетов в работе Учредительного собрания и ограничилось. Будучи вынужденными перейти на полулегальное положение, они переносят свою основную деятельность на создание различных антибольшевистских организаций.

С февраля 1918 г. Новгородцев участвует в заседаниях возобновившего свою работу Совета общественных деятелей (СОД). На основе этой организации весной 1918 г. создается «Правый центр», объединивший СОД, Торгово-промышленный комитет, Союз земельных собственников и представителей кадетской партии. Руководителями этого объединения были избраны «бывший царский министр А.В. Кривошеин и профессор П.И. Новгородцев» [8: с. 36].

Эта организация просуществовала недолго. Образованный из разнородных политических групп, «Правый центр» не представлял собою сплоченного объединения. Первые конфликты возникли при обсуждении вопроса о самоуправлении: кадеты выступали за всеобщее избирательное право, остальные — за цензовое

земство. Но отношения еще более обострились из-за проблемы ориентации: «кадеты оставались верны союзникам, промышленники придерживались нейтральной политики, а правые высказывались за прогерманскую ориентацию» [8: с. 36]. Принятие на майской кадетской конференции окончательного решения о союзнической ориентации стало прологом к выходу кадетов из «Правого центра».

Этому решению предшествовали бурные дебаты по данному вопросу в ЦК кадетской партии. Особую роль в обсуждении играл П.И. Новгородцев, отстаивающий свое видение проблемы. Вспоминая о своих беседах с ученым зимой 1917–1918 гг., И.А. Ильин высказал мнение о том, что к этому времени у Новгородцева окончательно сложилась концепция, основу которой составляла формула: «духовно вглубь и вперед, политически направо, социально налево» [7: с. 373]. Эта формула нашла реальное отражение в изменениях политики и идеологии кадетской партии, произошедших весной 1918 г. Примером этому может служить создание такой организации как, «Правый центр».

Сложившаяся весной 1918 г. в России политическая обстановка поставила руководство кадетской партии перед необходимостью уточнения основных программных задач. В ее ЦК и в широких партийных кругах разгорелись оживленные обсуждения по вопросам внутренней и внешней политики, усиленные отсутствием признанных лидеров партии: уехавших П.Н. Милюкова, В.Д. Набокова, И.И. Петрункевича, трагически погибших Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева. В области внутренней политики особо горячие споры возникали по проблеме «пересмотра идеологии», выдвинутой «Русскими ведомостями» в статьях П.И. Новгородцева и А.С. Белоруссова.

В статье «Мечта и действительность в вопросе об Учредительном собрании» Новгородцев развивает тезис об отсутствии в России необходимых условий для успешного осуществления задач, поставленных перед этим органом государственной власти. По его мнению, для успеха работы Учредительного собрания требуется два условия: во-первых, «чтобы народ и в лице своих представителей, и в своем общем сознании был способен поддержать некоторое среднее историческое течение, <...> историческую равнодействующую, соответствующую потребностям и возможностям жизни», во-вторых, «чтобы рядом с Учредительным собранием стояла охраняющая и поддерживающая его правительственная власть, достаточно сильная и авторитетная, чтобы обеспечить и гражданский порядок в стране, и осуществление решений Учредительного собрания» [10: с. 1]. Само же собрание, по мысли автора статьи, не способно создать ни необходимого единства, ни сильной власти. «Россия, — приходит к выводу Новгородцев, — должна еще пройти тяжелый крестный путь к осознанию своего национального единства и к образованию твердой правительственной власти, и только тогда можно будет говорить о каком-либо собрании, которое закрепит устои государственного порядка» [10: с. 1]. Следовательно, основная задача настоящего момента для кадетской партии, считает Новгородцев, должна сводиться к «созданию сильной правительственной власти, способной стать средоточием национального единства,

а не к восстановлению деятельности верховного законодательного собрания, призванного к осуществлению учредительных задач». «Россия сейчас еле дышит и живет; ей прежде всего надо снова собраться с силами, чтобы жить, а потом уже надо подумать о том, чтобы жить по хорошим и всесторонне обдуманым законам» [10: с. 1]. Характеризуя эту концепцию «пересмотра идеологии» Н.В. Устрялов, в то время соратник Новгородцева по партии, дает ей следующую оценку: «Правоверный демократизм уступал место несколько иным построениям ... в воздухе “народной свободы” недвусмысленно запахло “диктатурой”» [6: с. 2].

Одновременно с пересмотром внутривнутриполитических задач П.И. Новгородцев предлагает уточнить и ориентиры во внешней политике партии. В научной литературе сложилось определенное мнение, характеризующее «германофильскую» позицию Новгородцева и некоторых других представителей правого крыла кадетской партии как направленную на союз с Германией [4: с. 107; 14: с. 622–625]. На наш взгляд, данная оценка требует некоторых уточнений.

Первоначально Новгородцев, как и большинство членов ЦК, высказывается за «нежелательность» ведения прямых переговоров кадетов с немцами. При этом он считает, что информация, которой обладают последние, может быть полезной для партии. На заседании Московского отдела ЦК, проходившем 3 мая 1918 г., Новгородцев выступает за «предварительную разведку у немцев», которая будет проводиться внепартийными кругами (вероятно, имеется в виду «Правый центр»). Для начала, по его мнению, необходимо выяснить отношение Германии к трем условиям, которые могут быть единственно приемлемыми для кадетов: «1) сохранение единства России, 2) организация национальной власти и 3) пересмотр Брестского договора» (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 23. Л. 23).

Позиция Новгородцева получает свое развитие на заседании ЦК от 8 мая, которое было посвящено непосредственно международному вопросу. В своем выступлении П.И. Новгородцев подвергает резкой критике доклад Б.Э. Нольде, ратующего за возможный союз с Германией. По мысли Новгородцева, на данный момент в таком союзе не заинтересована сама Германия, не желающая усиления России. «Для Германии, — заявляет Новгородцев, — выгоднее иметь Россию слабой и расчлененной, чем окрепшей и организованной. Нельзя сравнивать положение России северной с Украиной. На Украине Германия надеется получить продовольствие, поэтому ей важно иметь там хотя бы тень порядка. А что может ей дать север России? Разве только прекращение в Германии большевистской пропаганды. Другое было бы дело, если бы возродившаяся Россия готова была вступить с Германией в союз, но этого никто не предлагает». Доводы Новгородцева основаны прежде всего на прагматизме внешней политики. «Допустим теперь, — продолжает ученый, — что мы разорвали с союзниками и соединились с Германией. Кто же тогда оградит наши интересы на Дальнем Востоке, и не развяжем ли мы сами тогда руки Японии к захвату русских богатств в Сибири». «При таких условиях, когда Россия перешла... в разряд слабых держав, — считает Новгородцев, —

она нуждается... в изоцированной дипломатии и во вневраждебных отношениях с обеими сторонами» (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1358. Л. 3 об.).

Наконец, свою завершенную форму «германская ориентация» приобретает в выступлении П.И. Новгородцева на заседании Московского отдела ЦК кадетской партии 12 мая 1917 г. Основные постулаты его позиции сводились к следующим тезисам, зафиксированным в протоколе заседания:

- подтвердить свое отрицательное отношение к Брестскому миру и свою верность союзникам, но не опубликовывать свое отношение к могущей создаться новой власти, ввиду не совсем ясной еще общей международной конъюнктуры;

- допускается возможность переговоров с немцами для осведомления об их дальнейших намерениях и допускается возможность образования новой государственной власти на условиях сохранения единства России, организации национальной власти и пересмотра Брестского договора. Переговоры эти не должны вести члены партии, а партия должна иметь за ними только свой надзор;

- вхождение в «правительство, которое может образоваться путем переворота, опирающегося на военные силы германцев», может быть допущено при соблюдении известных условий заранее выработанных (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1359. Л. 1-1об.).

В речи, произнесенной П.И. Новгородцевым в защиту своей внешнеполитической платформы, обращают на себя внимание несколько новых аргументов. Он критикует М.М. Винавера за то, что тот строит свою концепцию, используя моральные доводы и игнорируя политическое предвидение. По мнению ученого, «вечных договоров нет, никто их не заключает и может быть предел для морального отстаивания раз данных обещаний. Начало самосохранения не должно быть забыто ... Никто не говорит о том, что мы должны стать на другую ориентацию, дело не в санкции предательства, а в вдумчивом отношении к предательству большевиков. Надо найти выход из новых объективных данных, которые у нас оказались после всего, что было совершено большевиками» (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1359. Л. 2 об.).

В качестве примера политического предвидения П.И. Новгородцев предлагает свой прогноз на перспективы развития межгосударственных отношений после окончания Первой мировой войны. Согласно его точке зрения, на международной арене появится новая сила — Япония, которая «уже теперь стоит в явном антагонизме с Англией и в будущем будет тяготеть к Германии. Создается крайне сложное международное положение и союз Германии с Японией может стать вопросом ближайшего десятилетия... На горизонте может вырисоваться и новый естественный союз: Германия, Россия, Япония» (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1359. Л. 3).

Однако, не замыкаясь на перспективных проблемах, П.И. Новгородцев предлагает разобраться с проблемами насущными. Согласно его точке зрения, кадетов должен интересовать не столько десант союзников, сколько вопрос, будет ли у них достаточно сил, чтобы вырвать Россию из орбиты Германии. При этом нельзя забывать и дальневосточных земель России, где «нет стратегической охраны, а есть только дипломатическая, установленная договорами

легкая ткань». «Если мы разорвем сейчас с союзниками, — продолжает свою мысль П.И. Новгородцев, — мы обнажим нашу восточную границу и оставим ее совершенно незащищенной. Поэтому нам нельзя рвать с союзниками, но нам также не по силам стоять в прежней гордой позе...; необходимо тонкое новое житье по отношению к союзникам, и балансирование в сторону других планет, хотя и находящихся в другой орбите» (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1359. Л. 3).

Что же касается вопроса о власти, опирающейся на немецкие штыки, то по мнению Новгородцева, пока эту власть «кадетам никто не предлагает, поэтому рано о ней и говорить, и решать теперь этого вопроса не следует. Всякое решение только свяжет... руки и может испортить всю... будущность» (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1359. Л. 3). Какую же цель преследовала так называемая правая группа, выступая с германофильских позиций? Согласно мнению Н.В. Устрялова, основная задача сводилась лишь к проявлению осторожности в выявлении партийной ориентации. Добиться этого можно было, приняв на Майской кадетской конференции «умеренную и широкую по смыслу резолюцию, которая не связывала бы руки ЦК в его дальнейшей деятельности» [6: с. 2–3].

Судя по тому, как были распределены темы между основными докладчиками на партийной конференции, проходившей в Москве 13–15 мая 1918 г., определенного единства в ЦК достичь удалось. Доклад по тактическим вопросам был поручен П.И. Новгородцеву, который, по воспоминаниям Н.В. Устрялова, «сознательно избегал ясного определения сегодняшней тактики партии, тщательно замазывая трещины, раскалывавшие ЦК. Он ограничился лишь отвлеченными намеками, что партия “переживает период раздумья о своей судьбе”, что от нее требуется “взлет над собственной программой”» [6: с. 2–3]. Но, по замечанию Устрялова, основной цели своего доклада Новгородцеву все же удалось добиться — «положен был первый и краеугольный камень той тактики, которая определила собой политический облик кадетской партии в последовавшую эпоху колчаковско-деникинского движения» [6: с. 2–3].

Что же касается вопросов внешней политики, то тут позиция, предложенная П.И. Новгородцевым, потерпела сокрушительное поражение. После неоднократных обсуждений в ЦК тезисов М.М. Винавера «создалось впечатление, — свидетельствует Н.В. Устрялов, — что кое-что П.И. Новгородцеву добиться удалось и грубоватая острота первоначальных тезисов и общего тона доклада будет в меру сглажена» [6: с. 2–3]. Однако в своем выступлении на конференции М.М. Винавер, используя высказанные на предварительных обсуждениях замечания, не только не смягчил своих тезисов, но, напротив, заострил их, придав им усиленную экспрессивность. В условиях, когда подавляющая часть аудитории поддерживала «союзническую» линию оратора, поколебать тезисы М.М. Винавера смог бы лишь «авторитетный лидер с крупным партийным именем», но «член ЦК, не сочувствовавший докладу, принужден был молчать по долгу дисциплины и солидарности» [6].

Это мнение Н.В. Устрялова можно подтвердить решением, принятым на том же заседании ЦК кадетов от 12 мая, в котором содержится установка

на то, чтобы «члены ЦК употребили все свои силы к тому, чтобы влить свои мнения в одно русло и не повторять в своей партии все то, что делается в других, которые все раскололись на правые и левые фракции» (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1359. Л. 1 об.). Следовательно, именно партийная дисциплина и интересы сохранения единства партии, а не убедительная аргументация М.М. Винавера, основанная на «соображениях морального порядка», как считал П.П. Юренев, не позволили Новгородцеву выступить тогда с критикой [15: с. 135].

Резолюция, предложенная М.М. Винавером, была принята почти единогласно и имела не только большое общественно-политическое значение, но и непосредственно отразилась на дальнейшей судьбе членов партии народной свободы. По свидетельству П.П. Юренева, после этого решения германский посол Мирбах потребовал от большевиков ареста членов ЦК кадетской партии [15: с. 135]. Предупрежденному заранее о возможности преследований П.И. Новгородцеву удалось избежать ареста. На следующий день после обыска на его квартире, т. е. на 19 мая 1917 г., в Московском университете была назначена защита магистерской диссертации И.А. Ильина, на которую Новгородцев был приглашен в качестве оппонента. Благодаря воспоминаниям И.А. Ильина сохранились сведения о мужественном поведении П.И. Новгородцева в тот день. «В два часа дня факультет был в сборе; царила тревога и неизвестность; диспут не мог состояться при одном оппоненте, — напишет позже И.А. Ильин. — В два с половиной приехал П.И.; бодрый, уравновешенный, в сюртуке, за которым он специально посылал на свою осажденную квартиру... Все знали, в какой он опасности и что он должен переживать... В семь диспут был закончен. Его самообладание, его духовная сила — были изумительны. Тревожно простился я с ним, уходящим... — «Поберегите себя, Павел Иванович! Они будут искать Вас»... — «Помните ли Вы», — сказал он, — «слова Сократа, что с человеком, исполняющим свой долг, не может случиться зла ни в жизни, ни по смерти?» [7: с. 374].

Лето 1918 г. Новгородцев провел в Москве в постоянном ожидании ареста. Воспоминания П.Д. Долгорукова прекрасно иллюстрируют обстановку, в которой находились в это время все члены ЦК кадетской партии: «Изгнанные из дач и имений, мы должны были все лето из-за опасений ареста и расстрела вести в Москве кочевую жизнь в поисках ночлега, без прописки, опасаясь доноса швейцаров и дворников, постоянно меняя местожительство. Собиралось 2–3 раза в неделю лишь бюро ЦК, человек 5–6, все лето по разным душным квартиркам на окраинах» [3: с. 7]. Новгородцев был лишен возможности встречаться с семьей. Не было условий и для научной работы. Во время обыска, проведенного у него на квартире в ночь с 18 на 19 мая, вместе с партийными документами ВЧК изъяло и рукописи ученого. Сохранилось письмо Новгородцева к исполняющему обязанности директора Московского коммерческого института с просьбой походатайствовать об их возвращении. «В ночь на 19 мая (1 июня) в квартире моей ... был произведен обыск, — пишет П.И. Новгородцев, — при чем в числе прочего материала, не имеющего никакого отношения к политике были [забраны] мои курсы лекций, рукописи

законченных статей и планы статей предполагаемых... В виду того, что научная работа моя есть [достояние общее] ... покорнейше прошу Вас выступить ходатайством о том, чтобы рукописи и бумаги мои были возвращены...» (ЦГАМ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 134. Л. 11).

«Московское сидение», которое, по мысли П.Д. Долгорукова, «спасло партию», закончилось осенью 1918 г., и в октябре вслед за другими кадетскими лидерами Новгородцев уезжает на юг.

Еще весной 1918 года П.И. Новгородцевым была написана статья «О путях и задачах русской интеллигенции» для сборника П.Б. Струве «Из глубины». Этот сборник стал определенным завершением идейного пути, по которому прошла русская либеральная интеллигенция. По справедливому замечанию Н. Полторацкого, путь этот проходил от критики позитивизма и защиты идеализма (сборник «Проблемы идеализма»), через критику позитивизма и радикализма в защиту метафизики и духовных основ общества (сборник «Вехи») — к критике революции и большевизма и защите религиозных начал общности и культуры (сборник «Из глубины»). «В плане общественно-политическом это означало движение от остатков легального марксизма, через либерализм, к национально-государственному мировоззрению, которое впоследствии было выражено в формуле “консервативный либерализм” или “либеральный консерватизм”» [12: с. 17].

Влияние этого направления отразилось и на взглядах П.И. Новгородцева, выступившего с новых для него позиций с предложением преодолеть духовный кризис русского общества через возрождение религиозных основ и национально-государственных чувств русского народа [11: с. 424–442]. Новые воззрения, сложившиеся у Новгородцева под впечатлением революционных событий, стали прямым продолжением его тактики «пересмотра идеологии» и получили свое закономерное развитие в программных документах «Национального центра» — новой нелегальной организации, возникшей после выхода кадетов из «Правого центра» в июне 1918 года.

Литература

1. Вестник партии народной свободы. 1917. № 31.
2. Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции от 28 ноября (11 декабря) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957. 626 с.
3. Долгоруков П.Д. Московское сидение // Долгоруков П.Д. Национальная политика и партия народной свободы. Ростов н/Д: Свободная речь, 1919. 16 с.
4. Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М.: Наука, 1982. 416 с.
5. Думова Н.Г. Предисловие к настоящему изданию // П.Н. Милюков. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
6. Из истории партии Народной Свободы // Руль. 1923. 28 (15) февраля.
7. Ильин И.А. Памяти П.И. Новгородцева // Русская мысль. Берлин, 1924. № IX–XII.
8. Красная книга ВЧК: сборник: в 2 т. / научн. ред., предисл. А.С. Велидова. 2-е изд., уточн. Т. 1. М.: Политиздат, 1989. 415 с.

9. Милуков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
10. Новгородцев П.И. Мечта и действительность в вопросе об Учредительном собрании // Русские ведомости. 1918. 22 марта (9 марта).
11. Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. 608 с.
12. Полторацкий Н.П. Сборник «Из глубины» и его значение // Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж: YMCA-PRESS, 1967. 334 с.
13. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 463 с.
14. Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 863 с.
15. Юренев П.П. В 1918 году // М.М. Винавер и русская общественность начала XX века. Париж, 1937. 221 с.

Literatura

1. Vestnik partii narodnoj svobody'. 1917. № 31.
2. Dekret ob areste vozhdzej grazhdanskoj vojny' protiv revolyucii ot 28 noyabrya (11 dekabrya) 1917 g. // Dekrety' Sovetskoj vlasti. T. I. 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g. M.: Gospolitizdat, 1957. 626 s.
3. Dolgorukov P.D. Moskovskoe sidenie // Dolgorukov P.D. Nacional'naya politika i partiya narodnoj svobody'. Rostov n/D: Svobodnaya rech', 1919. 16 s.
4. Dumova N.G. Kadetskaya kontrevolyuciya i ee razgrom (oktyabr' 1917–1920 gg.). M.: Nauka, 1982. 416 s.
5. Dumova N.G. Predislovie k nastoyashhemu izdaniyu // P.N. Milyukov. Vospominaniya. M.: Politizdat, 1991. 527 s.
6. Iz istorii partii Narodnoj Svobody' // Rul'. 1923. 28 (15) fevralya.
7. Il'in I.A. Pamyati P.I. Novgorodceva // Russkaya my'sl'. Berlin, 1924. № IX–XII.
8. Krasnaya kniga VChK: sbornik: v 2 t. / nauchn. red., predisl. A.S. Velidova. 2-e izd., utochn. T. 1. M.: Politizdat, 1989. 415 s.
9. Milyukov P.N. Vospominaniya. M.: Politizdat, 1991. 527 s.
10. Novgorodcev P.I. Mechta i dejstvitel'nost' v voprose ob Uchreditel'nom sobranii // Russkie vedomosti. 1918. 22 marta (9 marta).
11. Novgorodcev P.I. O putyax i zadachax russkoj intelligencii // Vexi. Iz glubiny'. M.: Pravda, 1991. 608 s.
12. Poltorackij N.P. Sbornik «Iz glubiny'» i ego znachenie // Iz glubiny'. Sbornik statej o russkoj revolyucii. Parizh: YMCzA-PRESS, 1967. 334 s.
13. Protasov L.G. Lyudi Uchreditel'nogo sobraniya: portret v inter'ere e'poxi. M.: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPE'N), 2008. 463 s.
14. Sheloxaev V.V. Konstitucionno-demokraticeskaya partiya v Rossii i e'migracii. M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2015. 863 s.
15. Yurenev P.P. V 1918 godu // M.M. Vinaver i russkaya obshhestvennost' nachala XX veka. Parizh, 1937. 221 s.

A.V. Zvonarev

**The Development of the Social and Political Views
of P.I. Novgorodtsev at the End of 1917 – the First Half of 1918**

The article is devoted to the evolution of the views of P. I. Novgorodtsev in the critical period of the development of the Russian statehood. The views of the scientist and political leader on the Constituent Assembly, international relations and foreign policy issues are shown. The conclusion about significant influence of revolutionary events on the world-view of the scientist is made.

Keywords: Novgorod; revolution; Constituent Assembly, the cadet party.

А.И. Кривенький

Сближение правовых систем в праве Евросоюза и его влияние на формирование глобального права

В статье освещается процесс сближения элементов романо-германской и англо-саксонской правовых систем в системе права Европейского союза. Показывается процесс конвергенции источников: прецедентов, законов (статутов), общих и отраслевых принципов и доктрин, который является одним из способов развития упомянутого процесса сближения в направлении глобализации права и создания единой правовой системы в планетарном масштабе.

Ключевые слова: источники; конвергенция; гармонизация; регионализация; унификация; глобализация.

В современных условиях, когда процессы глобализации стремительно меняют контуры сложившихся правовых систем, важное значение приобретает исследование происходящих в европейском праве изменений, связанных со сближением правовых систем и формированием на этой основе глобального права.

Так называемый Старый Свет входил в афроевразийскую сеть, экспансия которой во второй половине XV в. стала основной в становлении контуров глобального мира [1: с. 212, 225]. В то время значение Старого Света в интеграции и глобализации было незначительным. Но прошли столетия, и государства одной лишь Европы оказались впереди планеты всей в продвижении интеграции экономики, политики и культуры. Длительное время в этом направлении формировалось и мышление правящих элит государств Европы. В итоге их усилиями было создано своеобразное региональное объединение Европейский союз с единой экономикой, политикой, культурой и своей правовой системой.

Постановка вопроса о влиянии правовой системы Евросоюза на становление глобального права, на наш взгляд, имеет теоретическое и практическое значение. «На сегодня это, пожалуй, самая инновационная и быстро развивающаяся отрасль права. Именно оно наиболее адекватно отражает тенденцию конституционализации права и движения к некому общецивилизационному идеалу, который призван стать концептуальной основой будущего права Человечества» [2: с. 14]. Надо полагать, что под будущим правом Человечества авторы подразумевают глобальное право. Однако в том, что именно право Евросоюза может стать «концептуальной основой будущего права Человечества»,

содержится большое преувеличение, потому что глобальное право формируется не только на основе региональных объединений.

Но столь же очевидно и другое. Значение вполне впечатляющего процесса конвергенции элементов континентального и общего права в правовой системе Европейского союза для глобализации права является фактом принципиальным.

Что позволяет нам размышлять именно в этом направлении?

Во-первых, европейского права не было бы без Евросоюза, объединяющего на сегодняшний день 27 государств Европы с населением около 500 млн чел. Еще в марте 2008 г. ЕС превысил показатели США по стоимости совокупного внутреннего продукта [2: с. 14]. Экономические предпосылки создания Евросоюза «заключаются в процессе глобализации хозяйственных связей» [2: с. 21]. На их основе «формируется международный рынок и его главные составляющие: транснациональные корпорации, международная кооперация и разделение труда, зарубежные инвестиции, миграция рабочей силы и т. д.» [2: с. 21]. Во-вторых, именно на этой основе сложилось право Европейского союза. Это особая правовая система, нормы которой регулируют общественные отношения, складывающиеся между государствами Европы, вошедшими в ЕС. Предметом этой системы права являются «общественные отношения, складывающиеся в ходе комплексной интеграции стран Европейского континента, которые одновременно являются результатом и инструментом интеграционных процессов» [2: с. 81].

В-третьих, важнейшим признаком права Евросоюза является то, что оно не только «закрепляет уже сложившиеся общественные отношения, но и нередко обеспечивает их развитие в заранее заданном направлении или даже способствует созданию новых общественных отношений, не существовавших ранее» [2: с. 81].

В-четвертых, в рамках общеевропейского права происходит «процесс сближения (конвергенции) правовых семей и систем...» [4: с. 133–134], то есть процесс, способствующий формированию юридической глобалистики, представляющей собой систему знаний о становлении и функционировании глобальной правовой системы.

В-пятых, «именно западная традиция права представлена двумя наиболее распространенными в мире правовыми системами: англо-американской и романо-германской, на базе которых и ныне развивается почти вся публично-правовая сфера стран мира» [3: с. 15].

Поразительно, но факт, что именно Михаил Николаевич Марченко, который в своих публичных выступлениях очень осторожен в характеристике процесса глобализации права, с завидной пронизательностью пишет о воздействии процессов глобализации и регионализации на романо-германскую и англосаксонскую правовые семьи «в отношениях, возникающих между ними в рамках правовой системы Европейского союза» [4: с. 117–118].

Как показывает опыт, воздействию процессов глобализации и регионализации подвергаются все национальные правовые системы. Этот факт создает возможность сформулировать ответы на ряд теоретических и практических вопросов, в частности, об их дальнейшей эволюции в направлении глобальной правовой

системы. И наиболее зримо контуры этой эволюции прослеживаются на примере сближения европейских правовых систем в рамках общеевропейского права.

Какие же пути и формы существуют в процессе сближения (конвергенции) рассматриваемых правовых семей?

М.Н. Марченко и Е.М. Дерябина на первое место ставят конвергенцию их источников. И связано это с тем, что «источники права, их состояние и характер соотношения играют ключевую роль как в процессе развития каждой из рассматриваемых правовых семей, так и их взаимосвязи и взаимодействии» [4: с. 34]. Заметим, что процесс гармонизации источников романо-германской и англосаксонской правовых систем осуществляется не сам по себе, а под воздействием успешно развивающейся в странах ЕС интеграции в сфере экономики, социальной и культурной сферах. Разумеется, благотворное влияние на процесс сближения источников данных правовых систем оказывает постоянно развивающаяся особая, пока не имеющая аналогов, правовая система на пространстве Евросоюза. Она вытесняет из своего правового поля элементы национального права государств-членов и прежде всего источники с их заменой общеевропейскими.

Согласимся с М.Н. Марченко и Е.М. Дерябиной в том, что как гармонизация источников романо-германской и англосаксонской правовых систем, так и конвергенция их самих «выступает в основе своей как явление объективное, обусловленное, главным образом, такими же объективными по своей природе и характеру процессами, как глобализация и регионализация» [4: с. 135].

Исследователи, активно работающие в области междисциплинарного научного направления глобалистики, обращают внимание на неизбежность глобализации, ее объективный характер, ее (не)обратимость, ее проявления и последствия для различных вовлеченных в нее акторов и систем. Глобализация (как объективно существующий период человеческой цивилизации) может быть экономической, политической, культурной. В рамках культурной глобализации происходят процессы глобализации права, которое, как известно, органично включается в культуру, являясь ее важной частью. Право, воздействуя на мировые процессы, делает их предсказуемыми и управляемыми. Но и само право как весьма подвижная и чувствительная к переменам в социальной жизни материя видоизменяется. Многие ученые-юристы всерьез говорят о таких юридических дисциплинах, как правовая глобалистика, юридическая глобалистика.

Надо полагать, что уже сегодня конвергенция правовых систем происходит не только в праве Евросоюза, но и в системах права других, менее масштабных, но реально существующих и действующих межгосударственных объединений — Евразийском экономическом союзе, Шанхайской организации сотрудничества, БРИГС, АСЕАН, таких крупных и многопрофильных объединениях, как Организация американских государств, Организация африканских государств и других им подобных объединениях. Безусловно, во все эти организации входят государства самых различных правовых систем. И везде примеры их объективного сближения дополняются субъективным вмешательством и воздействием на процесс гармонизации источников

права. Причем это касается всей системы источников в целом: нормативно-правовых актов судебных прецедентов, обычаев, международно-правовых договоров, наконец, общих принципов права и правовых доктрин.

Могли ли предположить всего несколько десятилетий назад юристы-теоретики нашего государства и ученые зарубежных стран, занимающиеся сравнительным правоведением, что о прецедентном праве в системе права Евросоюза будут говорить, писать как о само собой разумеющемся факте, а также применять это право на практике и, напротив, о быстром росте числа таких нормативно-правовых актов, как закон в праве Великобритании и других государствах общего права. Это, кстати, относится и к таким нормативно-правовым актам так называемого конститутивного права Евросоюза, как Римский договор, учредивший два европейских сообщества (Евратом и ЕЭС), и Маастрихтский договор, учредивший Евросоюз. Оба эти акта целиком трансформированы в право Великобритании, что само по себе является явлением неординарным. «Из эпизодически признаваемого источника права на ранних стадиях развития романо-германской правовой семьи, — отмечают М.Н. Марченко и Е.М. Дерябина, — судебный прецедент в настоящее время *фактически стал общепризнанным нормативно-правовым феноменом*. Подавляющее большинство стран романо-германского права используют судебный прецедент как источник права *фактически*, а некоторые из них закрепляют его также и *юридически*» [4: с. 138]. В качестве примера можно сослаться на Гражданский кодекс Швейцарии, отдельные разделы гражданских кодексов Австрии и Франции. В ГК Швейцарии имеется статья, в которой закреплено такое правило: если «не окажется законодательных положений, которые можно было бы в данном случае применить, то судья должен вынести решение в соответствии с существующим обычным правом» [7: с. 1]. Но ежели отсутствует и такое правило, то судья должен действовать «в соответствии с такими нормами права, которые бы он сам установил, как если бы был законодателем» [7: с. 1].

Даже для нашего государства, провозгласившего себя правовым государством, прецеденты, как справедливо отмечает профессор К. Экштайн, являются важным источником права. Они — элемент стабильности, законности, равенства [6: с. 83]. Хотя судья в России напрямую не связан прецедентом, но при применении и истолковании закона он обязан также ориентироваться на ранее вынесенные судом решения. Что же касается отличия от англосаксонской системы права, то оно состоит в том, что судья, придя к убеждению, что прежний прецедент в нынешней ситуации не может быть применен, и приведя достаточные к тому основания, вправе отклониться от следования прецеденту. Важно подчеркнуть, что это будет не просто исключение для данного единичного случая. Судья должен иметь волю создать тем самым новое общеобязательное правило для следования ему в будущем [5: с. 12].

Таким образом, в конвергенции источников континентальной системы права и источников системы общего права на правовом пространстве Европейского союза прослеживается четко выраженная тенденция фактического

и даже юридического признания прецедентного права как в национальных правовых системах государств — членов ЕС, так и в масштабах права Европейского союза. Суд же ЕС (Суд правосудия) в массовом количестве принимает акты прецедентного характера. Они в обязательном порядке учитываются при рассмотрении дел всеми судебными органами Европейского союза, так как имеют безусловный приоритет перед национальным правом.

Аналогичным образом осуществляется конвергенция и других источников права рассматриваемых правовых семей. Так, закон (статут) расширяет свои позиции в общем праве и играет в нем более существенную роль, чем это было раньше. Это заметно и на примере надзорной деятельности английских судов. Так, если раньше такая деятельность английских судов «традиционно ограничивалась лишь сферой принятия и применения административных актов, то *теперь она распространяется и на законы (статуты)* [4: с. 144].

Процесс расширения общности романо-германского и англосаксонского права в системе права Евросоюза проявляется и в усилении сходства их структуры и содержания. Как полагают авторы цитируемого выше издания, такое сходство просматривается в формировании в рассматриваемых здесь правовых семьях «*новых отраслей, подотраслей, институтов права*, таких, например, как корпоративное право, информационное право, интернет-право, а также региональное (в пределах Европейского союза) конституциональное, таможенное, трудовое и иные отрасли и подотрасли публичного и частного права» [4: с. 143–144].

Среди форм конвергенции романо-германского и англосаксонского права особая роль принадлежит универсализации и расширению сферы применения специальных и функциональных принципов правовой системы ЕС, их построения и функционирования.

Специальные принципы — это основные начала деятельности Евросоюза по конкретным направлениям общественной и правовой жизни. Специальные принципы права Евросоюза объединяют два типа принципов — *отраслевые и функциональные*.

К первым относятся следующие принципы:

- предосторожности и принцип ответственности загрязнителя (загрязнитель платит);
- равной оплаты мужчин и женщин за равный труд;
- запрета государственной помощи, несовместимой с условиями конкуренции.

Все они действуют в конкретных отраслях права ЕС и национального права государств-членов, поскольку являются обязательными для всех них. Речь идет об ответственности за загрязнение окружающей среды и обязательности соблюдения данного принципа, закрепленного в ст. 191 Договора о функционировании ЕС (ДФЕС) (бывший договор об учреждении Европейского сообщества, то есть Римский договор 1957 г. в редакции Лиссабонского договора 2007 г.). Принцип равной оплаты закреплен в ст. 157 ДФЕС, а принцип запрета государственной помощи — в ст. 107 ДФЕС [2: с. 88].

Функциональные принципы — это начала права Евросоюза «как интегрированной правовой системы, определяющие ее соотношение с другими правовыми системами государств-членов» [2: с. 88]. То есть данные принципы определяют специфику права ЕС как самостоятельной системы права. Сформулированы они в решениях Суда Евросоюза на основе толкования положений учредительных договоров [2: с. 88].

К функциональным принципам права Евросоюза относятся:

- принцип прямого действия права;
- принцип верховенства права.

Принцип прямого действия отражает два аспекта. Во-первых, право ЕС признается правоприменительными органами государств-членов (в первую очередь национальными судами) в качестве действующих и обязательных к исполнению норм. Во-вторых, право ЕС непосредственно наделяет физические и юридические лица конкретными правами, а государственные органы — полномочиями по их защите [2: с. 88–89].

Принцип верховенства права с точки зрения Суда ЕС является логическим продолжением принципа прямого действия права Евросоюза и предусматривает, что в случае коллизии норм права ЕС и норм национального права государств-членов приоритет остается за нормами права Евросоюза [2: с. 90].

В романо-германской и англосаксонской правовых семьях данные принципы выступают в качестве важных регуляторов общественных отношений, которые существуют, во-первых, между различными институтами Евросоюза, во-вторых, между общеевропейскими институтами и институтами государств-членов [4: с. 146].

В итоге заметим, что взаимодействие и взаимопроникновение элементов континентального и общего права в рамках правовой системы Европейского союза позволяет не только сформировать более глубоко представление о праве ЕС, но и оценить значение процессов сближения, конвергенции элементов правовых семей на правовой базе региональных объединений государств для глобализации права в планетарном масштабе.

Литература

1. *Зинкина Ю.В, Ильин И.В, Андреев А.И, Алешковский И.А, Каратаев А.В.* История глобалистики. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 2016. 415 с.
2. *Кашкин С.Ю, Калининченко П.А, Четвериков А.О.* Введение в право Европейского союза: учебник / под ред. С.Ю. Кашкина. 3-е изд. М.: ЭКСМО, 2010. 460 с.
3. *Кривенький А.И.* Глобальное право и его влияние на защиту прав человека // *Права человека в международном и национальном праве: сборник научных статей, посвященных 10-летию кафедры международного права и прав человека Юридического института МГПУ.* М.: МГПУ, 2016. С. 13–17.
4. *Марченко М.Н, Дерябина Е.М.* Право Европейского союза. Вопросы истории и теории: учеб. пособие. М.: Проспект, 2010. 431 с.
5. Постановление Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного

права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23. Российская газета. 2003. 26 декабря.

6. *Пряхина Т.М., Розанова Е.В.* Решения Европейского суда по правам человека в правовой системе России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2010. № 2 (16). С. 80–86.

7. The Swiss Civil Code. Vol. I. Preliminary Chapter. Zurich, 1976. Art. I.

Literatura

1. *Zinkina Yu.V, Il'in I.V, Andreev A.I, Aleshkovskij I.A, Karataev A.V.* Istoriya globalistiki. T. 1. M.: Izd-vo MGU, 2016. 415 s.

2. *Kashkin S.Yu, Kalinichenko P.A, Chetverikov A.O.* Vvedenie v pravo Evropejskogo soyuza: uchebnik / pod red. S.Yu. Kashkina. 3-e izd. M.: E'KSMO, 2010. 460 s.

3. *Kriven'kij A.I.* Global'noe pravo i ego vliyanie na zashhitu prav cheloveka // Prava cheloveka v mezhdunarodnom i nacional'nom prave: sbornik nauchny'x statej, posvyashhenny'x 10-letiyu kafedry' mezhdunarodnogo prava i prav cheloveka Yuridicheskogo instituta MGPU. M.: MGPU, 2016. S. 13–17.

4. *Marchenko M.N, Deryabina E.M.* Pravo Evropejskogo soyuza. Voprosy' istorii i teorii: ucheb. posobie. M.: Prospekt, 2010. 431 s.

5. Postanovlenie Verxovnogo Suda RF ot 10 oktyabrya 2003 g. № 5. «O primenении sudami obshhej yurisdikcii obshhepriznanny'x principov i norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodny'x dogovorov Rossijskoj Federacii» // Byulleten' Verxovnogo Suda RF ot 19 dekabrya 2003 g. № 23. Rossijskaya gazeta. 2003. 26 dekabrya.

6. *Pryaxina T.M., Rozanova E.V.* Resheniya Evropejskogo suda po pravam cheloveka v pravovoj sisteme Rossii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2010. № 2 (16). S. 80–86.

7. The Swiss Civil Code. Vol. I. Preliminary Chapter. Zurich, 1976. Art. I.

A.I. Krivenkiy

The Approximation of Legal Systems in the European Legislation and Its Impact on the Formation of Global Law

The article highlights the process of approximation of the elements of Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal systems the within the legal system of the European Union. It shows the approximation of sources, precedents and laws (statutes), of general and specific principles and doctrines, which is one of the ways to develop this process in the direction of the globalization of law and creating a unified legal system on a planetary scale.

Keywords: sources; approximation; harmonization; regionalization; globalization; unification.

В.А. Северухин

Доминирование исполнительной власти: современные проблемы

В статье рассматриваются сущностные аспекты теории разделения властей, анализируются различные варианты трактовки этой теории. Особое внимание автор обращает на негативные последствия доминирования исполнительной власти. Автор предлагает возможные изменения в общественной жизни России для восстановления действия принципа разделения властей.

Ключевые слова: разделение властей; доминирование; законодательная власть; исполнительная власть; политическая система; парламентаризм.

В зарубежной и российской юридической литературе теории разделения властей уделялось и уделяется достаточное внимание [2; 4; 6: с. 289–324; 8; 12: с. 1–26]. При всем разнообразии трактовок этой теории, нередко именуемой принципом разделения властей, большинство авторов предполагают необходимость четкого разделения публично-правовых полномочий государства на взаимно уравновешивающие составные части, которые наделены своими определенными полномочиями для «сдерживания» друг друга.

Общая модель

Полномочия принятия законов возлагается на законодательную власть, их осуществление — на исполнительную власть, правосудие — на судебную власть. В этой триаде в силу полномочий верховной властью является законодательная, так как она устанавливает общие правила для всех, в том числе и для самой себя. Но не следует ее абсолютизировать, так как она находится под воздействием не только исполнительной и судебной властей, но и всего общества.

Исторический опыт ряда государств показал, что воплощение теории разделения властей в реальности предполагает определенный уровень развития общества и государства. Необходимы предпосылки, которые предусматривают возможность и заинтересованность участия значительной части населения в политической жизни страны. Это предполагает наличие в обществе хотя бы формального политического и идеологического плюрализма. Теория разделения властей воспринималась как средство создания гарантий обеспечения прав и свобод граждан от возможной узурпации власти со стороны отдельных лиц.

Однако не все ученые рассматривали теорию разделения властей как возможность в реальной жизни обеспечить баланс законодательной и исполнительной властей. Так, Г. Еллинек в своей работе «Общее учение о государстве»

изложил позицию своего скептического отношения к реальности, когда законодательная власть могла бы сдерживать исполнительную власть [2: с. 5]. По мнению автора, такая ситуация, т. е. период сдерживания, может быть только временной.

Ш. Монтескье и Д. Локк рассматривали разделение властей и их взаимное сдерживание как реальную гарантию прав и свобод граждан, как возможность защиты от государственного произвола. Идея Ш. Монтескье о том, что судебные органы должны быть включены в состав властей, подлежащих разграничению, стала классической моделью теории конституционализма. К нашему времени были приняты лишь некоторые дополнения и уточнения, но сама модель подтвердила успешность этой триады.

Идея разделения властей нашла свое практическое воплощение в таких важных политико-правовых документах, как Декларация прав человека и гражданина (1789 г.), Конституция Франции (1791 г.).

После Второй мировой войны популярность теории разделения властей усилилась и нашла свое отражение в том, что этот принцип становится неотъемлемым атрибутом принимаемых конституций.

Практика воплощения теории разделения властей в различных моделях государств, которые ставили перед собой задачу формирования и сохранения демократии и обеспечения прав и свобод граждан, показала, что данная теория во всех ее вариантах не идеальна, но в целом она работает, и ничего лучшего пока не создано.

Эта теория имеет не только научное, но и важное практическое значение. В ней присутствует соединение либерального понимания свободы с идеей разделения властей и конституционного закрепления механизма системы сдержек и противовесов.

Предметом данной работы не является рассмотрение достоинств и недостатков философских и политических воззрений каких-либо авторов на теорию разделения властей, на ее варианты и успешность воплощения в практику государственного строительства.

Наш подход основан на том, что отсутствие разделения (юридического или фактического) властей, а также механизма их взаимного сдерживания приводит к концентрации власти в руках одного лица или группы лиц, что в свою очередь ведет к злоупотреблению властью и нарушению прав и свобод граждан, закрепленных в конституции.

Опыт государственного строительства в различных странах показал, что имеет место неодинаковое понимание, толкование и применение теории разделения властей. Так, М.Н. Марченко рассматривает три аспекта: «во-первых, разночтения по вопросу о месте и роли самой концепции разделения властей в современной государственно-правовой теории и практике. Во-вторых, различная интерпретация проблем соотношения общей теории разделения властей и “национальной” практики ее применения. И в-третьих, разноречивое понимание и неодинаковое толкование вопросов, касающихся оптимального

соотношения законодательной и исполнительной властей, с одной стороны, и места, и роли в рассматриваемой триаде судебных органов — с другой» [6: с. 289–324]. Автор проводит анализ названных аспектов. Следует отметить, что общепризнанным требованием теории разделения властей является верховенство законодательной власти. В принципе оно должно быть всегда, даже с учетом относительной самостоятельности других властей. Это обусловлено тем, что законодательная власть по своей природе обладает правом создавать законы для других властей и для самой себя, а также для всех членов общества.

Реализация теории разделения властей в определенной мере предопределяется формой правления, сложившейся в государстве, формой его устройства и в значительной мере политическим режимом. Нельзя не учитывать особенностей исторического пути, национальных и политических традиций различных стран, которые непосредственно влияют на особенности применения теории разделения властей.

В юридической и политологической литературе (как в зарубежной, так и в отечественной) продолжаются дискуссии о соотношении законодательной и исполнительной властей, а также о роли судебных органов. Практика применения принципа разделения властей в демократических государствах свидетельствует о том, что основное противостояние, как правило, происходит между законодательной и исполнительной властями. Это естественный процесс, который протекает в ряде случаев с попеременным успехом. Если устанавливается доминирование законодательной власти, то, как показывает опыт (например, Италии второй половины XX в.), в стране наблюдаются политическая нестабильность, частые смены правительства и иные негативные явления. Но тем не менее сохраняются институты гражданского общества. Это позволяет государству демократическим путем хоть и не сразу, но постепенно, вернуться к балансу законодательной и исполнительной властей.

Если же устанавливается доминирование исполнительной власти, то, несмотря на некоторые первоначальные положительные аспекты, возникают более серьезные проблемы и, как правило, на более продолжительный срок, чем при доминировании законодательной власти. В данном случае речь идет о наступлении на права и свободы граждан, на демократические институты государства.

Что касается судебной власти, то она в меньшей мере участвует в противостоянии с законодательной и исполнительной властями. Объем ее полномочий зависит от законодательной власти. Но в случае доминирования исполнительной власти судебная власть может фактически утрачивать свою независимость.

Вторая половина XX и начало XXI вв. показали, что использование принципа разделения властей как важного атрибута демократического государства, институтов гражданского общества приобрело новые черты и цели. О чем идет речь? В государствах, освободившихся от тоталитарных режимов, популярность идей и институтов либерально-демократического государства привела к тому, что политические группы (лидеры), стремящиеся прийти к власти, а также пришедшие во власть, провозглашают и закрепляют

в конституциях своих стран народовластие, политический плюрализм, принцип разделения властей и т. д. Намерения таких политических режимов сводятся к тому, чтобы фактически сохранять единовластие при наличии формально закрепленных в конституциях институтов демократии. В ряде стран этому способствует низкий уровень благосостояния большинства населения, отсутствие или неразвитость институтов гражданского общества, невысокий уровень правосознания и политической активности граждан, этатизм, использование возможностей новых политических, избирательных и информационных технологий, контроль государства за средствами массовой информации, иные возможности воздействия на население.

Имеют место и другие, не менее действенные, способы сохранения режима единовластия. После принятия конституции в любом государстве начинается процесс конкретизации ее норм в действующем законодательстве. Этот процесс имеет цель создание юридических механизмов и условий для реализации норм конституции применительно к конкретным регионам, к возможностям государства в определенные периоды его существования. Он активизируется или замедляется в зависимости от внутренних и внешних условий, воздействующих на общественное развитие государства. Но важнейшее требование процесса конкретизации — не допускать отклонений норм принимаемых законодательных актов и практики их применения от «буквы и духа» конституционных норм [11], порой не соблюдается.

Как отмечалось выше, исключительная функция парламента — принятие законов, а президента (правительства) — их исполнение. Это основа концепции разделения властей, которая формально не опровергается. Однако история развития отдельных государств свидетельствует о том, что это требование порой игнорируется исполнительной властью. Здесь можно выделить два варианта.

Первый вариант — «жесткий». Его суть в открытом провозглашении приоритета нормативно-правовых актов исполнительной власти над актами законодательной власти. Так, в фашистской Германии по закону от 23 марта 1933 года «О ликвидации бедственного положения народа и государства» органам исполнительной власти в лице правительства было предоставлено право издания актов, имеющих силу закона [7]. Эти акты, как отмечалось в упомянутом законе, могли и не соответствовать нормам действующей Конституции.

На период военных действий в государствах, втянутых в конфликт, полномочия исполнительной власти, как правило, усиливаются. Это обусловлено сложившейся ситуацией, для управления которой требуется оперативное руководство.

Но можно привести и другой пример. В России после штурма парламента 3–4 октября 1993 г. вопреки действующей Конституции было предложено считать акты исполнительной власти по юридической силе стоящими над законами [6: с. 310]. Следует отметить, что приведенные примеры для государств, имеющих формально демократические конституции, не типичны.

Второй вариант — «мягкий». Этот вариант более гибкий и осторожный в плане манипулирования функциями законодательной и исполнительной

властей. Формально действующая власть поддерживает принцип разделения властей, закрепленный в конституции, а фактически постепенно, как отмечалось выше, формируется модель доминирования исполнительной власти или персоноцентристская модель. Тенденция действий исполнительной власти: используя различные варианты и возможности, постепенно усилить свое влияние на законодательную и судебную власти, на институты гражданского общества.

Так, в январе 2016 года президент Польши Анджей Дуда подписал закон, который позволяет правительству осуществлять контроль за государственными средствами массовой информации. Этот закон подписан, несмотря на озабоченность, высказанную Евросоюзом, и осуждение со стороны правозащитных организаций страны. Согласно новому закону руководители государственных радио и телевидения будут назначаться и увольняться министром государственной казны, а не Национальным советом по телерадиовещанию.

Этому закону о СМИ предшествовало принятие серии антидемократических законов по инициативе правящей партии «Право и справедливость». Президент Польши также одобрил в качестве закона реформу Конституционного суда, несмотря на массовые протесты и претензии со стороны оппозиции о том, что эти изменения угрожают независимости суда. Совет Европы призвал А. Дуду не подписывать закон о СМИ. Законодательные изменения польского правительства привели к предупреждениям со стороны Еврокомиссии о возможных последствиях¹. К январю 2017 года ситуация не изменилась. Более того, исполнительная власть в лице президента республики продолжила наступление на демократические права граждан. Это вызвало митинги оппозиции и недовольство населения.

В современных демократических государствах не только провозглашают, но и придерживаются принципа разделения властей. Тоталитарные и авторитарные режимы, провозглашая принцип разделения властей, реально придерживаются модели разделения властных функций.

На реализацию принципа разделения властей влияют различные объективные и субъективные факторы. Это сложившиеся в различных странах исторические, национальные и политические традиции, а также воздействие процессов мировой глобализации.

Об оптимальном распределении властей с позиции интересов всего общества, а не тех, кто пришел к власти и пытается ее сохранить, можно вести речь лишь в том случае, если обе ветви обладают реальной, а не формальной властью. В то же время нельзя не отметить, что модель распределения полномочий между властями не может быть идентична для всех государств. Особенности национальных моделей реального распределения властей обусловлены историческими, национальными и иными особенностями.

¹ Дуда подписал закон о назначении руководителей государственных СМИ // Радио свободы — международная радиостанция. URL: <http://www.svoboda.org/a/27473955.html> (дата обращения: 31.10 2016).

В президентских республиках наблюдается тенденция усиления властных полномочий президента за счет расширения его конституционных полномочий, создания механизмов воздействия на законодательную и судебную власти. В качестве причины нарушения баланса законодательной и исполнительной властей отдельные авторы усматривают практику делегирования законодательства [6: с. 310].

Исторический опыт развития ряда государств свидетельствует о том, что в отдельные периоды времени существенное усиление исполнительной власти сыграло положительную роль. Это, как правило, периоды, когда перед государством стояли острые проблемы, которые необходимо решать в ускоренном порядке и которые для законодательной власти в силу ее процедурных особенностей не свойственны. Так было в Германии в 1933 году, в США — в 30-е гг., 70-е и 80-е гг. Кроме того, немалое влияние здесь оказывает и роль успешности лидера исполнительной власти.

Ярким примером положительной роли исполнительной власти является республика Сингапур. В середине 70-х гг. прошлого века премьер-министр правительства Ли Куан Ю, используя жесткие методы управления, за несколько лет сумел превратить отсталую коррумпированную страну в финансовый и торговый центр Юго-Восточной Азии с высокотехнологичной промышленностью. Сингапур в соответствии с международными рейтингами стал наименее коррумпированным государством мира. В своих воспоминаниях Ли Куан Ю подчеркивал, что он постоянно насаждал принцип верховенства закона и равенство всех перед законом, включая высших чиновников и своих родственников².

Опыт сохранения демократии свидетельствует о том, что приведенные выше примеры представляют скорее исключение. Доминирование исполнительной власти, если такая необходимость возникает, должно носить кратковременный характер и находиться под контролем законодательной и судебных властей и не фиксироваться как постоянно действующий порядок. Если доминирование исполнительной власти осуществляется на постоянной основе юридически или фактически, то устанавливается режим определенной группы лиц, или персоноцентризм, что, как отмечалось, приводит к наступлению власти на права граждан и институты демократии.

О принципе разделения властей в России

Вторая половина XIX – начало XX в. характеризуется интересом прогрессивной части российского общества к демократическим институтам государств Западной Европы и США. Речь идет о парламентаризме, политических партиях, профсоюзном движении, характере взаимоотношений граждан с властью.

² Сингапур // Материал из Википедии — свободной энциклопедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B0%D0%BF%D1%83%D1%80> (дата обращения: 10.01.2017).

Теорию разделения властей применительно к России пытался адаптировать М.М. Сперанский. Он разработал варианты этой теории, их целью была демократизация политического режима [12: с. 17–21]. Не вдаваясь в детали вариантов теории разделения властей, можно говорить о том, что это было теоретическое обоснование постепенного преобразования самодержавия. Идеи М.М. Сперанского, других прогрессивно настроенных представителей российской интеллигенции сыграли положительную роль в общественно-политической жизни страны и нашли свое воплощение в позитивных изменениях, произошедших в стране в начале XX в. до Октябрьской революции.

Революция 1905 г. в России привела к превращению неограниченной самодержавной власти в конституционную монархию. Манифест 17 октября 1905 г. провозгласил введение гражданских свобод и организацию законодательного органа, ограничивающего монархическую власть — Государственной думы. Основные законы 23 апреля 1906 г. определили двухпалатную парламентскую систему, но сохраняли широкие полномочия для императорской власти. В этих законах отмечалось, что вместе с Думой и Государственным советом император осуществляет законодательную власть, но без императорского утверждения ни один закон не приобретает силы³. Можно предположить, что развитие государственности и парламентаризма в России пошло бы по пути близкому к европейским монархиям. При этом варианте принцип разделения властей был бы реализован в полном объеме. Октябрьская революция 1917 г. прервала процесс демократизации в России. Государственная дума была распущена.

В советских конституциях был зафиксирован принцип разделения властей, но в социалистической интерпретации. Законодательная и исполнительная власти рассматривались в единстве, и это считалось преимуществом социалистического строя. Смысл трактовки: те, кто принимает законы, затем возвращаются на свои заводы, фабрики, регионы и организуют претворение этих законов в жизнь. Такой подход не предполагал профессионального парламентаризма. Депутаты Верховного Совета СССР (Верховных Советов союзных республик, местных Советов) собирались на сессии на несколько дней в году и, как правило, единогласно голосовали за принятие заранее подготовленных нормативно-правовых актов. Самостоятельность судебной власти в советский период была также весьма относительна. Власть в стране фактически принадлежала высшему руководству КПСС.

Постсоветский период

Отношение к принципу разделения властей в данный период сложилось весьма неоднозначное. Как отмечает профессор М.Н. Марченко «полное и категорическое непризнание теории разделения властей в ее классическом понимании очень быстро сменилось столь же безусловным и категорическим ее признанием» [6: с. 314].

³ Государственная Дума 1905–1917 гг. // Сайт материалов по истории. URL: http://history12.ucoz.ru/index/gosudarstvennaja_duma_1905_1917gg/0-120 (дата обращения: 15.01. 2017).

Представляется, что на тот период времени были несколько упрощенные представления о возможностях реализации принципа разделения властей как панацеи для установления демократии в стране. Аналогичные представления господствовали и в сфере экономики: достаточно ввести институт частной собственности и обеспечить конкуренцию, как в стране наступит изобилие.

В период с апреля 1985 до сентября 1993 г. принцип разделения властей был не только закреплен в Конституции и иных нормативных актах, но и претворился в жизнь в сфере государственного строительства.

Исторически ситуация сложилась таким образом, что все дебаты между законодательной и исполнительной властями были прерваны событиями 3–4 октября 1993 г. — расстрелом здания парламента. В период с октября по декабрь 1993 г. юридически и фактически действие принципа разделения властей было приостановлено. Исполнительная власть стала доминирующей. Это было осуществлено Указом Президента РФ «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации» от 9 октября 1993 г., а также и другими указами, которые фактически полностью изменили механизм государственной власти и управления, ликвидировав действовавший принцип разделения властей.

Как отмечал профессор С.А. Авакьян, ликвидация деятельности всех органов законодательной власти и Конституционного суда привела к верховенству исполнительной власти, а точнее, единовластия Президента [1]. Мы неслучайно приводим предысторию отношения к принципу разделения властей в постсоветский период вплоть до принятия ныне действующей Конституции. Это дает возможность понять последующее отношение власти к принципу разделения властей, закрепленному в Конституции РФ 1993 года. Ст. 10 зафиксировала, что «государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны». В других статьях Конституции принцип разделения властей был подкреплен разграничением компетенций между ветвями власти.

Реальная ситуация в отношении принципа разделения властей не изменилась. Формально юридически этот принцип был провозглашен, а фактически действовало распределение полномочий, сфер деятельности между отдельными государственными органами под контролем исполнительных органов власти во главе с президентом. Как это понимать? В Конституции принцип разделения властей, как и другие демократические институты, был провозглашен в либерально-демократической трактовке, позитивно воспринимаемой на Западе.

Какова нормативно-правовая основа власти президента?

По Конституции президент обладает огромными полномочиями. Он фактически выполняет функции и главы правительства, и главы государства. Но этим не ограничилось. Постепенно были сформированы юридические

механизмы воздействия на законодательную и судебную власти, усилено влияние на исполнительную власть. С этой целью был издан ряд указов самого президента, актов Федерального собрания, а также решений Конституционного суда [3; 5; 6: с. 313–324]. Руководители федеральных министерств, ведомств, их заместители и большинство руководителей структурных подразделений назначаются президентом РФ. Руководители субъектов Федерации также определяются президентом. Руководство правоохранительных органов, министерства обороны также утверждается президентом. Уполномоченный по правам ребенка также назначается президентом.

Сама Конституция Российской Федерации включает в себя набор либерально-демократических институтов. Но она имеет и ряд недостатков. В последние годы ученые-юристы их именуют дефектами. Речь идет о несогласованности полномочий отдельных государственных органов и должностных лиц, о правовых неопределенностях, которые интерпретировались впоследствии в законах и подзаконных актах в целях усиления власти органов управления и президента.

Политическая и избирательная системы Российской Федерации были постепенно сформированы таким образом, что при формальной многопартийности президент осуществляет властные полномочия с помощью одной партии — «Единой России». В Государственной думе последнего созыва представительство так называемой системной оппозиции, т. е. других политических партий, сократилось вдвое. Действующий Регламент Государственной думы предусматривает принятие законов арифметическим большинством, т. е. депутатами из числа правящей партии. Конституционный суд РФ в рамках своих полномочий не имеет возможности предотвращать принятие законов и иных нормативно-правовых актов, отдельные нормы которых не соответствуют букве и духу норм Конституции. Прокурорский же надзор начинается с министерств и ведомств. После отделения следствия от органов прокуратуры ее возможности существенно уменьшились. В настоящее время уровень прокурорского надзора невысокий.

Проблема соблюдения и защиты прав человека и гражданина в России с сентября 1993 года актуализировалась. Исполнительная власть не очень считается с правами и интересами граждан. Обращения и заявления граждан в органы исполнительной власти, в правоохранительные органы, вопреки здравому смыслу и действующему законодательству, пересылаются на рассмотрение в те же государственные органы и тем же должностным лицам, действия которых обжалуются. Эта сложившаяся практика известна и населению, и руководству страны.

В процессе конкретизации федерального законодательства в нормативных актах субъектов в отдельных случаях наблюдается необоснованные ограничения прав и свобод граждан. Это касается здравоохранения, образования, социальной сферы.

В качестве примера. С 2013 г. правительство Москвы начало наводить порядок с парковками на улицах города. Было принято постановление

правительства Москвы от 17 мая 2013 г. № 289-ПП «Об организации платных городских парковок в городе Москве»⁴. Этот документ изначально имел цель упорядочить парковки автотранспорта на улицах Москвы в районе Садового кольца. Платные парковки в финансовом отношении оказались весьма выгодным мероприятием. Вложения требуются минимальные, а прибыль существенная. С 2013 г. был принят ряд изменений, дополнений к вышеуказанному постановлению. Их смысл: «увеличение почасовой оплаты за парковку, расширение зоны улиц с платными парковочными местами, сокращение возможностей для бесплатной парковки инвалидам и другим категориям граждан. Москвичи обратились с петицией к президенту России Владимиру Путину с просьбой защитить их от произвола городских властей. По мнению заявителей, диалог по данному вопросу между правительством Москвы и жителями города отсутствует, протесты игнорируются. Активисты, несогласные с тем, как мэрия решает транспортную проблему мегаполиса, разъяснили, что деятельность правительства Москвы, касающаяся организации платных парковок и реализуемой политики в транспортной сфере, приводит к нарушению конституционных прав граждан и провоцирует рост социальной напряженности в обществе»⁵. Пока ситуация не изменилась. Опыт правительства Москвы в этой сфере получил распространение и в других субъектах Федерации.

Другой пример. Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [9] предусмотрено повышение средней заработной платы врачей, преподавателей образовательных учреждений высшего профессионального образования и научных сотрудников до 200 процентов от средней заработной платы в соответствующем регионе. Можно было бы приветствовать выполнение требований этого документа, но реально происходит следующее. В образовательных учреждениях увеличили объем учебной нагрузки, чтобы формально заработная плата стала выше. Те, кто работал на 1,5 ставки при выполнении примерно того же количества часов, сохранили ту же зарплату, но уже за 1 ставку. Требования президента формально выполняются. Аналогичные подходы при выполнении данного указа президента наблюдаются и в других учреждениях социальной сферы.

Мы привели эти примеры не случайно. Доминирование исполнительной власти влечет за собой формальное желание чиновников выполнять указание по вертикали, порой без учета реальных интересов граждан. Законодательная и судебная власти несомненно в курсе, как выполняется указ президента, но не всегда реагируют.

Формируется еще одна негативная тенденция, когда исполнительная власть, минуя судебную власть, удерживает денежные средства граждан. Это касается проблемы задолженностей по алиментным обязательствам, по штрафам.

⁴ Вестник Мэра и Правительства Москвы. № 28, 23.05.2013. URL: <http://vestnik.mos.ru/> (дата обращения: 20.01.2017).

⁵ Президента просят «образумить» мэра Москвы // Информационное агентство REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/society/2219797.html> (дата обращения: 10.01.2017).

Механизм не сложен. Документы о задолженности передаются судебному приставу (а это институт той же исполнительной власти), и банк блокирует соответствующие суммы на счету гражданина.

Несколько лет назад Европейский суд по правам человека в pilotных постановлениях отмечал в Российской Федерации массовое неисполнение судебных решений по социальным вопросам (пенсии, пособия, предоставление квартир) и отсутствие национальных средств правовой защиты. Решение этих проблем в конечном итоге зависит от высших представительных и исполнительных органов государственной власти [10: с. 38].

Институты гражданского общества в России развиты недостаточно, и эффективность их невелика. Практически в ряде государственных и в большинстве негосударственных организаций отсутствуют профсоюзы. Они всегда были основным институтом защиты прав и интересов граждан одним из важнейших институтов гражданского общества. Результаты очевидны: массовые нарушения трудового законодательства, техники безопасности, немотивированные задержки или невыплаты заработной платы.

Коррупционированность государственного аппарата, зависимость экономики страны от экспорта сырьевых ресурсов, невысокий уровень жизни значительной части населения вызывают обоснованное беспокойство у руководства страны.

Как изменить сложившуюся ситуацию? В юридической и политологической литературе сформировалась позиция о необходимости внесения изменений в действующее законодательство, восстановлении баланса исполнительной и законодательной властей. Мы полагаем, что это возможно сделать постепенно без социальных потрясений в рамках действующей Конституции. Для этого, на наш взгляд, необходимо развитие институтов гражданского общества, политической системы, парламентаризма. Это послужит предпосылкой для приведения действующего законодательства в соответствие с нормами и принципами действующей Конституции и позволит восстановить действие принципа разделения властей.

Литература

1. *Авакьян С.* Создан прецедент. Неконституционная власть не имеет перспективы // Независимая газета. 1993. 15 октября.
2. *Еллик Г.* Общее учение о государстве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 752 с.
3. *Краснов М.А., Шаблинский И.Г.* Российская система власти: треугольник с одним углом. М.: Институт права и публичной политики, 2008. 231 с.
4. *Локк Дж.* Два трактата о государственном правлении // Локк Дж. Сочинения. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 335 с.
5. *Малиновский А.А.* Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М.: Юрлитинформ, 2007. 352 с.
6. *Марченко М.Н.* Проблемы общей теории государства и права: учебник: в 2 т. Т. 1: Государство. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. 752 с.
7. *Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М.: Новости, 1981. С. 175.
8. *Монтескье Ш.* О духе законов // Монтескье Ш. Избр. произв. М.: Госполитиздат, 1955. 290 с.

9. Указ Президента РФ № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // Российская газета. 2012. 9 мая.
10. *Северухин В.А.* Российская государственность: современные проблемы и перспективы (правовые аспекты): монография. М.: МГПУ, 2016. С. 38
11. *Северухин В.А.* О конкретизации норм Конституции Российской Федерации // Российское государственное управление. 2016. № 3. С. 83–89
12. *Сперанский М.М.* План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М.: Русская мысль, 1905. С. 16–26.

Literatura

1. *Avak'yan S.* Sozdan precedent. Nekonstitucionnaya vlast' ne imeet perspektivy' // Nezavisimaya gazeta. 1993. 15 oktyabrya.
2. *Ellinek G.* Obshhee uchenie o gosudarstve. SPb.: Yurid. centr Press, 2004. 752 s.
3. *Krasnov M.A., Shablinskij I.G.* Rossijskaya sistema vlasti: treugol'nik s odnim uglom. M.: Institut prava i publichnoj politiki, 2008. 231 s.
4. *Lokk Dzh.* Dva traktata o gosudarstvennom pravlenii // Lokk Dzh. Sochineniya. T. 3. M.: My'sl', 1988. 335 s.
5. *Malinovskij A.A.* Zloupotreblenie sub'ektivny'm pravom (teoretiko-pravovoe issledovanie). M.: Yurlitinform, 2007. 352 s.
6. *Marchenko M.N.* Problemy' obshhej teorii gosudarstva i prava: uchebn.: v 2 t. T. 1: Gosudarstvo. 2-e izd., pererab. i dop. M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2007. 752 s.
7. *Mel'nikov D.E., Chernaya L.B.* Prestupnik nomer 1. Nacistskij rezhim i ego fyurer. M.: Novosti, 1981. S. 175.
8. *Montesk'e Sh.* O duxe zakonov // Montesk'e Sh. Izbr. proizv. M.: Gospolitizdat, 1955. 290 s.
9. Указ Президента РФ № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // Российская газета. 2012. 9 мая.
10. *Северухин В.А.* Российская государственность: современные проблемы и перспективы (правовые аспекты): монография. М.: МГПУ, 2016. С. 38
11. *Северухин В.А.* О конкретизации норм Конституции Российской Федерации // Российское государственное управление. 2016. № 3. С. 83–89
12. *Сперанский М.М.* План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.) М.: Русская мысль, 1905. С. 16–26.

V.A. Severukhin

The Dominance of the Executive Power: Contemporary Issues

The article deals with the essential aspects of the theory of separation of powers, analyzes different variants of interpretation of this theory. A special attention is drawn to negative consequences of the dominance of the executive power. The author suggests possible changes in the social life of Russia for the restoration of the principle of separation of powers.

Keywords: separation of powers; dominance; legislative power; executive power; political system; parliamentary system.

О.А. Терновая

Пределы свободы и ограничения конкуренции по законодательству Франции: история и современность¹

В статье рассмотрена эволюция французского законодательства, устанавливающего пределы свободы и ограничения в сфере конкуренции. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что история развития конкурентного законодательства Франции подтверждает тот факт, что рынки могут способствовать повышению экономической эффективности и конкурентоспособности государства, если законодательство гарантирует свободу установления цен, недискриминационный доступ к рынку, а также отсутствие злоупотребления публичной властью.

Ключевые слова: конкуренция; свобода и ограничения; законодательство Франции; государство; рынок; уголовная ответственность; административная ответственность.

Развитие законодательства, устанавливающего пределы свободы и ограничения конкуренции, во многом определяется экономическими, социальными и политическими условиями формирования рынка. Конкуренция наряду с частной собственностью и свободой предпринимательской деятельности является одним из двигателей экономического развития, а защита конкуренции является важным аспектом деятельности любого государства.

Опыт Франции интересен тем, что, во-первых, защита конкуренции по французскому праву является одним из основных направлений деятельности публичных властей. Во-вторых, согласно французскому законодательству юридические лица могут нести не только административную, но и уголовную ответственность за нарушение правил конкуренции. В-третьих, как отмечает Е.Ю. Борзило, «французский опыт был учтен при создании российского Закона о конкуренции. Поэтому, принимая во внимание значительную трансформацию французского законодательства, произошедшую за последние несколько лет, целесообразно изучение институтов запрета злоупотребления рыночной властью и властью над контрагентом в законодательстве и практике Франции» [1: с. 5]. В-четвертых, необходимо учитывать то, что под влиянием

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-23-08001 «Уголовная и административная ответственность юридических лиц за нарушение правил конкуренции». При написании статьи использованы материалы СПС «Гарант» и СПС «КонсультантПлюс».

тенденции глобализации современное российское законодательство о конкуренции во многом основано на европейской модели, поэтому изучение французского законодательства может быть полезно при формировании российской антимонопольной политики. Рассматривая особенности влияния глобализации на развитие правовой системы России, Д.А. Пашенцев справедливо отмечает, что «одним из проявлений глобализации в правовой сфере является взаимообмен между правовыми системами и инкорпорирование наиболее удачных норм и институтов в правовые системы иных государств. Чтобы такие заимствования были успешными, законодателю следует учитывать необходимость выбора заимствуемых институтов в зависимости от конкретных условий функционирования данной правовой системы, а также от предшествующего опыта заимствований» [4: с. 52].

В условиях глобализации возникает проблема поиска оптимального соотношения частных и публичных интересов как на международном, так и на национальном уровне. Публичные власти могут ограничивать свободу конкуренции, оказывая влияние на состояние рынка, поэтому необходимо найти оптимальный баланс свободы и ограничений в рассматриваемой сфере.

История развития конкурентного законодательства Франции наглядно иллюстрирует взаимосвязь степени участия государства в регулировании конкуренции и экономическо-политической ситуации в стране. Например, тенденция усиления публичного контроля в сфере конкуренции возникла во Франции после Второй мировой войны. Именно в послевоенное время принимается первый нормативный акт, направленный на ограничение конкуренции, — Постановление 1945 г. № 45-1483 от 30 июня о ценах². Необходимость вмешательства государства в этот период была обусловлена тяжелой экономической ситуацией послевоенного периода, когда нужно было восстанавливать страну из послевоенной разрухи. Во Франции 30 августа 1944 г. было сформировано Временное правительство во главе с Шарлем де Голлем, которое получило особые экономические и политические полномочия вплоть до принятия осенью 1946 года Конституции Четвертой республики. Развитие свободы конкуренции осложнялось тем, что в 1945–1947 гг. в стране была проведена национализация предприятий газовой, угольной, авиационной, автомобильной и других стратегических отраслей. За национализированными предприятиями был установлен жесткий публичный контроль, который стал ослабевать только после стабилизации экономической ситуации в 1985–1987 гг., когда государство прекратило устанавливать цены на продукцию промышленных предприятий, а сами предприятия приобрели большую самостоятельность. В порядке исключения сохранялась государственная регламентация цен в сфере энергетики, газовой и фармацевтической отраслях. Процесс нарастающего ограничения государственного влияния на экономику Франции 1985–1987 гг.

² Ordonnance n°45-1483 du 30 juin 1945 relative aux prix // Официальный сайт законодательства Франции. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT00000516237&categorieLien=cid> (дата обращения: 03.02.2017).

нашел законодательное отражение в Постановлении № 86-1243 от 1 декабря 1986 г. «О свободе цен и конкуренции» (далее — Постановление № 86-1243)³. В результате принятия данного нормативного акта был значительно ослаблен механизм публичного контроля за ценообразованием, а его ст. 1 установила общий принцип свободы цен. Кроме того, регулирование цен осуществлялось путем принятия специальных декретов Государственного совета после консультации с Советом по вопросам конкуренции, устанавливающих фиксированные цены только в отдельных секторах экономики. Законодательно были определены ситуации, при возникновении которых правительство может вмешиваться в конкурентные отношения. Например, устанавливать цены для секторов экономики, имеющих ограниченную ценовую конкуренцию под влиянием монопольной ситуации, серьезных проблем в снабжении, а также законодательных норм. Отдельные нормы Постановления № 86-1243 были направлены на борьбу с завышением цен, а также определяли временные меры, необходимые для разрешения кризисных ситуаций, вызванных чрезвычайными обстоятельствами, стихийным бедствием или сложной ситуацией на рынке в определенной отрасли. Государство было наделено полномочием введения временных мер против завышения цен в кризисных ситуациях.

В настоящее время книга четвертая Французского торгового кодекса «О свободе цен и о конкуренции» (далее — ФТК)⁴ регулирует установление цен и отношения между субъектами конкурентного рынка. ФТК содержит нормы, посвященные антиконкурентным практикам, экономической концентрации предприятий, прозрачности коммерческой деятельности, а также действиям, подрывающим конкуренцию. К недобросовестной конкуренции относятся паразитирование, имитация, дискредитация и дезорганизация.

В качестве эффективного инструмента установления ограничений и предупреждения правонарушений в конкурентных отношениях, французским законодательством предусмотрена административная и уголовная ответственность за нарушения правил конкуренции. Привлечение к гражданско-правовой ответственности может осуществляться с учетом положений ст. 1382 и ст. 1383 Французского гражданского кодекса 1804 г. (далее — ФГК)⁵ о деликтной ответственности. Согласно ст. 1382 ФГК любое действие человека, которое причиняет другому лицу ущерб, обязывает того, по вине которого ущерб произошел, к его возмещению. Согласно 1383 ФГК каждый несет ответственность за ущерб, который он причинил не только своими действиями, но и своей небрежностью либо неосторожностью. Как справедливо отмечает

³ Ordonnance n° 86-1243 du 1 décembre 1986 relative à la liberté des prix et de la concurrence // Официальный сайт законодательства Франции. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000333548> (дата обращения: 04.02.2017).

⁴ Code de commerce // Официальный сайт законодательства Франции. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000005634379> (дата обращения: 03.02.2017).

⁵ Code civil // Официальный сайт законодательства Франции. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721> (дата обращения: 04.02.2017).

К.Ю. Тотьев, «логическим и юридическим обоснованием применения ст. 1382 и ст. 1383 ГК Франции для пресечения недобросовестной конкуренции служит их общий (универсальный) характер и, следовательно, возможность применения данных положений к различным специальным формам деликтов и квази-деликтов» [5: с. 109–110].

Одна из актуальных проблем, обсуждаемых в современной французской доктрине, касается необходимости подчинения публичных властей конкурентному праву. Французский исследователь А. Ориген считает, что «конкурентное право как совокупность правил, исходящих от права Европейского союза и от внутреннего права, направленных на поддержание публичного экономического порядка посредством противодействия некоторым практикам (сговорам, злоупотреблению доминирующим положением), ведет к ограничению использования арсенала публичной власти, которое может нарушить функционирование рынка» [3: с. 99–110].

С одной стороны, вмешательство публичной власти не может допускаться кроме как с целью защиты публичных интересов, и в таком случае не могут применяться нормы, регулирующие частные отношения. С другой стороны, существует либеральная концепция государственного вмешательства. Поддерживая идею Адама Смита о необходимости государственного вмешательства в целях регулирования экономики, А. Ориген приходит к выводу о том, что «будучи отличными друг от друга публичная и экономическая сферы должны регулироваться исключаящими друг друга правилами» [3: с. 99–110].

В экономической системе, основанной на свободе торговли и предпринимательства, именно органы власти, ответственные за применение законодательства в области конкуренции, могут обеспечить конкурентную дисциплину участников рынка. Во Франции такие функции осуществляются независимым административным антимонопольным органом (*Autorité de la concurrence*), регулирующим функционирование конкурентных рынков с целью защиты экономического порядка. Деятельность этого органа направлена на соблюдение баланса публичных и частных интересов в сфере конкуренции. Рынки могут способствовать повышению экономической эффективности и конкурентоспособности государства, если законодательство гарантирует участникам оборота свободу установления цен, доступ к рынку, а также отсутствие злоупотребления публичной властью.

Современное антимонопольное законодательство Франции содержит значительное число административно-правовых норм и, как отмечается в юридической литературе, «основные направления антимонопольного регулирования по законодательству Франции — контроль за злоупотреблением доминирующим положением со стороны хозяйствующих субъектов, за антиконкурентными соглашениями, а также за сделками экономической концентрации. При этом юридическая форма картельного соглашения значения не имеет» [2: с. 61–62].

Законодательством Франции предусмотрена уголовная ответственность за нарушение правил конкуренции, но, поскольку нормами наднационального законодательства Европейского союза такая ответственность не предусмотрена,

возникает вопрос о применении национальных норм. Для ответа на этот вопрос нужно учитывать, что если в настоящее время многие вопросы конкурентного права разрешаются на европейском уровне, то уголовное право — это предмет исключительной компетенции государств — членов ЕС. ФТК содержит нормы о составах правонарушений в сфере конкуренции, за нарушение которых устанавливаются наказания. Анализ судебной практики показывает, что в некоторых делах на правонарушителя налагалась как санкция со стороны антимонопольного органа, так и уголовная ответственность. Конституционный совет в своем решении от 28 июля 1989 года в отношении закона о безопасности и прозрачности финансового рынка⁶ установил правила совокупности наказаний. В этом решении Конституционный совет счел, что традиционный принцип *non bis in idem* не применяется, если речь идет об административном и уголовном наказаниях. Однако, если и уголовное, и административное наказания налагаются в форме штрафа, то, согласно позиции Конституционного совета, общая сумма штрафа не может превышать лимит, установленный либо административным, либо уголовным правом за данное правонарушение.

Статья L. 420-1 ФТК запрещает согласованные действия, соглашения, союзы явные или тайные или сговор, когда они имеют целью или могут препятствовать, ограничивать или искажать действие конкуренции на рынке. Законодательство содержит закрытый перечень объектов, на которые должно быть направлено деяние. Статья L. 420-1 ФТК применяется в отношении не только картелей, но и вертикальных соглашений. Уголовное наказание предусмотрено для любого физического лица, принявшего личное и решающее участие в разработке, организации или осуществлении запрещенной деятельности. Вред в данном рассматриваемом случае должен быть причинен в пределах действия французского закона, при этом не имеет правового значения местонахождение виновного или организации, в пользу которой он действует.

В отличие от американского законодательства, во Франции установлена уголовная ответственность не за монополизацию рынка, а за злоупотребление доминирующим положением на рынке и зависимым положением контрагента. Запрещается злоупотребление предприятием или группой предприятий своим доминирующим положением на внутреннем рынке или на его существенной части (ст. L. 420-2 ФТК). Злоупотребление доминирующим положением может выражаться в таких формах, как отказ от продажи, связанная продажа, дискриминационные условия продажи, нарушение установленных торговых связей по причине отказа контрагента с необоснованными экономическими условиями. За перечисленные действия предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до четырех лет и (или) штраф до 75 тыс. евро для любого физического лица, принявшего личное и решающее участие в разработке, организации или осуществлении такой запрещенной деятельности.

⁶ Décision 89-260 DC-28 juillet 1989-Loi relative à la sécurité et à la transparence du marché financier-Non conformité partielle // Официальный сайт Конституционного совета Франции. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-con..decision-n-89-260-dc-du-28-julillet-1989.8652.html> (дата обращения: 03.02.2017).

Законодательство Франции не раскрывает понятие доминирующего положения, оставляя решение этого вопроса на усмотрение судей. При этом учитывается совокупность таких факторов, как доля предприятия на рынке, соотношение этой доли с долями конкурентов, место нахождения предприятия и рынка, наличие хозяйственных связей и иные обстоятельства. В соответствии с решением Суда ЕС по делу компании «Хоффман-Ла Раш» (Hoffman-La Roche) от 13 февраля 1979⁷, определение злоупотребления доминирующим положением является комплексным и включает деятельность предприятий, занимающих доминирующее положение на рынке, которая может оказывать влияние на структуру рынка. Основным последствием такой деятельности является ограничение конкуренции, существующей на рынке.

Запрещается (п. 2 ст. L. 420-2 ФТК) злоупотребление предприятием состоянием экономической зависимости, в которой оказывается по отношению к нему предприятие-клиент или поставщик, в случае когда это злоупотребление может повлиять на действие механизма или структуру конкуренции. Формы таких злоупотреблений могут выражаться в отказе в продаже, связанных продажах, иных дискриминационных действиях. Статья L. 420-3 ФТК устанавливает в качестве способа защиты более слабой стороны договора правило, согласно которому любое обязательство или договорное условие, относящееся к действиям, запрещенным статьями L. 420-1 и L. 420-2 ФТК, является недействительным.

Статья L. 443-2 ФТК запрещает искусственное повышение или понижение цен на рынке товаров или ценных бумаг любым нечестным способом, устанавливая наказание в виде лишения свободы физических лиц на срок до двух лет и штрафа до 30 тыс. евро, а при повышении или снижении цен на продовольственные товары — лишением свободы на срок до трех лет и штрафом до 45 тыс. евро. Для юридических лиц размер штрафа увеличен в пять раз и предусмотрены другие наказания, вплоть до прекращения их деятельности.

В Российской Федерации правовое регулирование защиты конкуренции осуществляется Федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁸ (с изменениями и дополнениями), который определяет организационные и правовые основы защиты конкуренции, в том числе предупреждения и пресечения:

- 1) монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции;
- 2) недопущения, ограничения, устранения конкуренции федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями,

⁷ Arrêt de la Cour du 13 février 1979. – Hoffmann-La Roche & Co. AG contre Commission des Communautés européennes. – Position dominante. – Affaire 85/76 // Официальный сайт законодательства Европейского союза. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/ALL/?uri=CELEX%3A61976CJ0085> (дата обращения: 04.02.2017).

⁸ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О защите конкуренции» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2012).

а также государственными внебюджетными фондами, Центральным банком Российской Федерации.

Целью настоящего Федерального закона является обеспечение единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, свободы экономической деятельности в Российской Федерации, а также защита конкуренции и создание условий для эффективного функционирования товарных рынков.

В отличие от рассмотренного выше французского подхода, монополистическая деятельность по российскому праву — это злоупотребление хозяйствующим субъектом, группой лиц своим доминирующим положением, это соглашения или согласованные действия, запрещенные антимонопольным законодательством, а также иные действия (бездействие), признанные в соответствии с федеральными законами монополистической деятельностью. Российское право, так же как и французское, устанавливает пределы свободы публичных властей в антимонопольной сфере. Глава 3 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» устанавливает запрет на ограничивающие конкуренцию акты, действия (бездействие), соглашения, согласованные действия федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных, осуществляющих функции указанных органов или организаций, организаций, участвующих в предоставлении государственных или муниципальных услуг, а также государственных внебюджетных фондов, Центрального банка Российской Федерации.

Обозначенные в рамках статьи тенденции развития свободы и ограничения конкуренции во Франции, а также эволюция способов регулирования представляют собой весьма сложные явления. Интересными представляются особенности применения уголовно-правовых средств защиты конкуренции по французскому праву, судебная практика Европейского союза в сфере защиты конкуренции, дискуссии об участии государства и административных органов в конкурентных отношениях и о соотношении публичных и частных интересов в конкурентном праве. Таким образом, французский опыт может быть полезен при обсуждении путей реформирования антимонопольного права России.

Литература

1. Борзило Е.Ю. Пределы осуществления гражданских прав хозяйствующими субъектами, занимающими доминирующее положение: понятие, виды и последствия превышения (Сравнительный анализ права России, США и Франции)»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2005. 30 с.

2. Истомина В.Г. Развитие зарубежного законодательства о защите конкуренции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2010. № 5 (181). С. 60–63.

3. Ориген А. Подчинение публичных властей конкурентному праву // Журнал Lex Russica. № 1. Январь 2016 г. URL: <http://base.garant.ru/57299583/> (дата обращения: 25.02.2017).

4. *Пашенцев Д.А.* Правовые традиции России в условиях глобализации: монография. М.: Юркомпани, 2016. 107 с.

5. *Тотьев К.Ю.* Недобросовестная конкуренция по современному французскому праву // Закон. 2006. № 2. С. 109–110.

Literatura

1. *Borzilo E.Yu.* Predely' osushhestvleniya grazhdanskix prav khozyajstvuyushhimi sub'ektami, zanimayushhimi dominiruyushhee polozhenie: ponyatie, vidy' i posledstviya prevy'sheniya (Srvnitel'ny'j analiz prava Rossii, SShA i Francii)»: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF, 2005. 30 s.

2. *Istomin V.G.* Razvitie zarubezhnogo zakonodatel'stva o zashhite konkurencii // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». 2010. № 5 (181). S. 60–63.

3. *Origen A.* Podchinenie publiczny'x vlastej konkurentnomu pravu // Zhurnal Lex Russica. № 1. Yanvar' 2016 g. URL: <http://base.garant.ru/57299583/> (data obrashheniya: 25.02.2017).

4. *Pashencev D.A.* Pravovy'e tradicii Rossii v usloviyax globalizacii: monografiya. M.: Yurkompani, 2016. 107 s.

5. *Tot'ev K.Yu.* Nedobrosovestnaya konkurenciya po sovremennomu francuzskomu pravu // Zakon. 2006. № 2. S. 109–110.

O.A. Ternovaya

The Limits of Freedom and Competition Restrictions in the Legislation of France: History and Modernity

The article examines the evolution of French legislation establishing the limits of freedom and limitations in the field of competition. On the basis of the conducted research the author comes to the conclusion that the history of the development of competition law in France confirms that markets can enhance economic efficiency and competitiveness of the state if legislation guarantees the freedom of pricing, non-discriminatory access to the market and lack of misuse of public power.

Keywords: competition; freedom and constraints; laws of France; the state; market; criminal and administrative liability.

**В.И. Тымчик,
О.А. Булгакова**

Современная модель международных отношений в контексте международного права и событий в Сирии

В статье рассматривается международный конфликт в Сирии с точки зрения соответствия нормам и принципам международного права. Анализируется роль России в формировании современной модели международных отношений в контексте международного права и событий в Сирии.

Ключевые слова: международное право; международные отношения; акторы международных отношений; Устав ООН; суверенитет; принципы международного права; санкции.

В свете последних событий, переживаемых мировым сообществом, особо пристального внимания заслуживает анализ действующих норм международного права и их влияния на ход мировых процессов.

Как известно, ключевая задача международного права — обеспечение международного мира и международной безопасности — может быть достигнута при условии неукоснительного соблюдения договорных обязательств всех акторов международных отношений. К сожалению, международная практика неоднократно свидетельствовала и свидетельствует ныне о нарушении основополагающего принципа международного права *pacta sunt servanda*, что в итоге приводило и приводит к сбоям всей глобальной системы миропорядка.

Вопрос о том, как обеспечить международный правопорядок и безопасность государств, представлял интерес с момента зарождения цивилизации и по настоящее время. Сегодня важно обратиться к истории и на этой основе попытаться оценить перспективы формирующегося мироустройства. Приходится констатировать, что далеко не все государства руководствуются принципами и нормами международного права. Некоторые из них позволяют себе расширенно их толковать. В частности, подобная практика относится к трактовке понятия «суверенитет». С одной стороны, юридическим содержанием принципа суверенного равенства являются политическая независимость и территориальная неприкосновенность государства как основного актора международных отношений, с другой стороны, в силу непозволительного толкования у государств может появляться желание расширить свои государственные границы и как результат — лишить международное право жизненного

потенциала. Подобные прецеденты за последние десятилетия стали нормой внешней политики ряда ведущих государств мира и в первую очередь США.

Борьба за передел мира вынудила ведущие страны искать собственные пути решения общемировых задач.

Две ключевые темы, будоражащие умы всего международного сообщества в последнее время, — Украина и Сирия. В каждой из них очевидна ведущая роль российского государства, действующего исключительно с позиций международного права. Подобный подход диссонирует с подходом США, действующих вопреки международному праву. Вмешательство во внутренние дела других государств, решительная смена политических режимов стали нормой для этого государства. Санкционная практика против России — также яркий пример такой политики. Россия, естественно, вынуждена адекватно реагировать. В повестке дня — возможность введения реторсии в ответ на новые санкции (по примеру законопроекта о приостановке соглашения об утилизации избыточного оружейного плутония)¹.

Проанализируем, что же такого существенного произошло за последние три года международной жизни и что из происшедшего вызвало столь откровенное пренебрежение нормами международного права.

Во-первых, Запад взял курс на строительство однополярного мира. Между тем современная система международного права, истоки которой уходят в Ялтинско-Потсдамскую модель мироустройства, основана на балансовой логике и предполагает взаимный учет интересов государств. Коллективный моноцентризм: США и Евросоюз сориентированы на иную модель, основанную на принципе «мы — умы, а вы — увы». На первый план выходят соображения корпоративного порядка, противостояние законам и интересам тех, кто «не в команде».

Во-вторых, те, «кто не в команде», т. е. большинство стран, не входящих в систему «зрелого Запада», не готовы и не хотят оказаться на обочине международной политики. Они с разной степенью осознания опасности моноцентристского мира иногда интуитивно, но тем не менее уверенно движутся в направлении установления нового устойчивого баланса сил.

В-третьих, отмеченный выше тренд обрел лидеров в лице стран БРИКС и в первую очередь России и Китая. Естественным образом главным инструментом в реализации столь актуальной и благородной миссии для этих государств стали десятилетиями апробированные нормы международного права и их депозитарий — Организация Объединенных Наций.

Столкновение двух принципиальных подходов к мироустройству нашло свое воплощение в борьбе с международным терроризмом.

Выступая на юбилейном саммите Организации Объединенных Наций 2015 г., президент Российской Федерации В.В. Путин определил принципиальную позицию в отношении борьбы с террористическими группировками: «Сегодня

¹ Москва заявила о новых мерах в ответ на санкции // [News/TIMES] Новости России и мира сегодня. URL: <http://news-times.ru/moskva-zayavila-o-novyx-merax-v-otvet-na-sankcii/> (дата обращения: 01.03.2017).

мы оказываем военно-техническую помощь и Ираку, и Сирии, другим странам региона, которые ведут борьбу с террористическими группировками. Считаем огромной ошибкой отказ от сотрудничества с сирийскими властями, правительственной армией, с теми, кто мужественно, лицом к лицу сражается с террором»².

Именно угроза международной и национальной безопасности обусловила ввод группировки Воздушно-космических сил России на территорию Сирии. Итогом ввода ВКС стала общемировая дискуссия по поводу оценки действий России и Запада. Воздушно-космические силы России свои задачи выполнили: терроризм в Сирии отступил, однако дискуссия продолжается. По-прежнему горячие головы требуют судить Россию за непонятно какие преступления.

С нашей точки зрения, критериями оценки в подобных случаях могут и должны быть только нормы международного права.

Что же касается противостояния терроризму, то очевидно, что оно может быть только коллективным. Все стороны должны продемонстрировать ответственность и солидарность. На деле же США «рассредоточили» свои усилия, не смогли сконцентрироваться на главном. Раздвоенность их политики, стремление усидеть на двух стульях — бороться с режимом Асада и террористами одновременно — обусловило неэффективность действий западной коалиции и огромное количество совсем необязательных жертв.

По этому поводу российский президент еще в 2015 г. на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН отметил: «Мы предлагаем объединить усилия для решения стоящих перед нами новых проблем и создать по-настоящему широкую международную антитеррористическую коалицию»³.

Позиция администрации Б. Обамы была прямо противоположной. Во-первых, по мнению президента США, Россия не должна проявлять излишнюю самостоятельность в мировых делах. Во-вторых, помощь президенту Асаду неприемлема, и это в ситуации, когда именно сирийская правительственная армия практически в одиночку противостояла террористам. Кроме того, СМИ США нередко высказывались в том ключе, что у России нет ни морального права, ни геополитических оснований на участие в подобных действиях. Отсутствие такого права аргументировалось компиляцией несуществующих фактов.

Определенные надежды на преодоление негативного и крайне опасного тренда появились с приходом к власти в США администрации Д. Трампа. Однако первые месяцы ее деятельности продемонстрировали агрессивное стремление проигравших президентскую гонку либералов не допустить смягчения позиции в отношении России, сохранить русофобский курс «коллективного Запада». «Накат» на Д. Трампа оказался столь мощным, что риторика и самого президента, и его команды стала меняться. Предвыборные обращения были отложены в сторону, в том числе и заявленное публичное мнение о необходимости совместной с Россией и другими государствами борьбы с международным терроризмом.

² 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН // Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 01.03.2017).

³ Там же.

Апофеозом стало заверение вице-президента США М. Пенса на 53 Мюнхенской конференции по безопасности о том, что США «будут защищать Европу сегодня и всегда». Открытым остался вопрос: от кого защищать Европу в условиях, когда лидеры Евросоюза и НАТО основного своего врага видят в лице России?! Между тем, «доказательства» нарушения Россией международного права не выдерживают критики. В действительности причины неприятия России Западом коренятся не в правовом, а в политическом поле. О подобном развитии событий предупреждал В.В. Путин в своей программной речи в Мюнхене еще в 2007 г. Его аргументация относительно пагубности попыток сформировать однополярный миропорядок как никогда актуальна сегодня. Мир одного хозяина, одного суверена пагубен не только для международной системы, но и для самого суверена, поскольку разрушает его изнутри, — подчеркивал российский президент 10 лет назад. Увы, выводы из этого предупреждения сделаны не были. Итог — новый, весьма опасный виток международной напряженности, чреватой очередной холодной войной. Больше всего в такой обстановке настораживает очевидное стремление Запада приспособить систему международного права «под себя» — как только возникают помехи в решении своих корпоративных международных задач, так появляются идеи обновления реформации этой системы. Такой подход В.В. Путин назвал правовым нигилизмом.

Рассмотрим высказанные обвинения в адрес России с точки зрения международного права и действующего российского законодательства. Для этих целей обратимся к анализу п. 31 «Военной доктрины Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976). Указанный пункт позволяет в целях защиты Российской Федерации и ее граждан, а также в целях поддержания мира и безопасности оперативно использовать формирования вооруженных сил за пределами Российской Федерации в соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права, международными договорами Российской Федерации и нормами федерального законодательства. В п. 32 того же документа определены основные задачи вооруженных сил Российской Федерации в мирное время. Борьба с терроризмом на территории Российской Федерации и пресечение международной террористической деятельности за пределами ее территории⁴.

Российская Федерация воспользовалась этим правом. Однако лидеры Евросоюза осуждали и продолжают осуждать военную подоплеку действий России в Сирии, ссылаясь на гибель мирных людей. Выход из ситуации они на определенном этапе видели в прекращении осады Алеппо и дальнейшей деэскалации обстановки во всей стране. В итоговом документе саммита ЕС в Брюсселе подчеркивалось, что страны Евросоюза «призывают к немедленному прекращению боевых действий и к возобновлению вызывающего доверие политического процесса под эгидой ООН»⁵. Иначе, предостерегают

⁴ Военная доктрина Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/ (дата обращения: 01.03.2017).

⁵ ЕС не принял новые санкции // [News/TIMES] Новости России и мира сегодня. URL: <http://news-times.ru/es-ne-prinyal-novye-sankcii/> (дата обращения: 01.03.2017).

лидеры западных стран, «виновные в нарушении международного гуманитарного права и прав человека должны быть привлечены к ответственности»⁶. К категории «виновных», естественно, они относят Россию.

Подобные обвинения в адрес нашей страны в последнее время не редкость. При этом мало кто на Западе учитывает, что российские войска уничтожают боевиков, а США и их партнеры до сих пор не могут отделить умеренную оппозицию от террористов, создавая тем самым препятствия для действий российских воздушно-космических сил. Подобная модель действий никак не может быть признана эффективной. Ситуация усугубляется и тем, что сам факт нахождения войск коалиции на территории Сирии незаконен, поскольку легитимная сирийская власть разрешения на ввод этих войск не давала. Таким образом, нарушение международного права Западом — налицо.

Однако западная программа игнорирует международно-правовую сторону сирийских событий и объявляет виновником того, кто следует норме международного права, а не того, кто ее игнорирует. К сожалению, тренд нарушения международно-правовых регулятивов оказался на редкость устойчивым: Саудовская Аравия «рассуждает» о включении в сирийский процесс войск так называемой Исламской антитеррористической коалиции; в информационном пространстве актуальны идеи «расчленения» Сирии на зоны ответственности и освоения сирийской территории для создания палаточных городков с целью аккумуляции в них беженцев. Настораживает во всех подобных проектах очевидное игнорирование международного права: Сирия — это общепризнанное суверенное государство, и никто не имеет права спекулировать на ее суверенитете. Конечно же, подобное есть нонсенс в современной мировой политике. Свое слово должна сказать Организация Объединенных Наций как главный депозитарий международного права. В.В. Путин заявляет: «Россия верит в громадный потенциал ООН, который должен помочь избежать новой глобальной конфронтации и перейти к стратегии кооперации»⁷. В свете последних событий остается надеяться, что ООН действительно заинтересована в решении глобальных проблем, в том числе в борьбе с международным терроризмом, и скажет свое веское слово.

По поводу же сирийских событий можно определенно утверждать, что результаты абсолютно легитимной военной операции России — очередное доказательство неприемлемости и невозможности создания однополярного миропорядка, основанного на праве сильного, а не на международном праве, это решительный заслон на пути политики «смены режимов» и цветных революций.

Наша страна продемонстрировала всему миру свои военные и дипломатические возможности. Благодаря России был запущен политический процесс мирного урегулирования в Сирии с участием важнейших региональных игроков — Турции и Ирана.

⁶ 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН // Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 01.03.2017).

⁷ Там же.

*V.I. Tymchyk,
O.A. Bulgakova*

**The Modern Model of International Relations
in the Context of International Law and Developments in Syria**

The article discusses the international conflict in Syria from the point of view of conformity to the norms and principles of international law. The role of Russia in forming the modern model of international relations in the context of international law and developments in Syria is examined.

Keywords: international law; international relations; authors of international relations; the UN Charter; sovereignty; international law; sanctions.

Ю.Г. Бабаева

Малозначительность взятки больше не обсуждается?

В статье рассматривается вопрос о малозначительности такого преступного деяния, как взятка, анализируются критерии малозначительности в уголовном законодательстве и правоприменительной практике, а также особо рассматриваются положения, касающиеся определения общественной опасности взятки, для определения возможности или невозможности применения к такому деянию правил о малозначительности деяния в смысле положений уголовного закона.

Ключевые слова: взятка; малозначительность; размер/сумма взятки; общественная опасность; авторитет государственной власти.

Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в Уголовный кодекс РФ была внесена ст. 291.2 «Мелкое взяточничество». Согласно данной норме уголовная ответственность наступает за получение взятки, дачу взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей. Введение такого уголовно-правового запрета вновь вызывает к жизни вопрос о применимости категории малозначительности преступного деяния в смысле ч. 2 ст. 14 УК РФ к такому коррупционному посягательству, как взятка.

В практике реализации норм уголовного закона применительно к такому виду преступлений, как взятка, встречаются примеры осуждения лиц за преступления, предметом которых выступало подношение должностному лицу, когда стоимость подношения составляла 200 или 300 рублей [11: с. 111]. При этом положение ч. 2 ст. 14 УК РФ — «Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Уголовным кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности» — не применяется. Тем не менее в известной литературе по проблемам квалификации взяток было высказано мнение, согласно которому при ничтожном размере взятки содеянное

при отсутствии квалифицирующих признаков не должно влечь уголовной ответственности [3: с. 126]. Полагаем необходимым предметно рассмотреть понятие малозначительности, используемое в Уголовном кодексе РФ, и проанализировать возможность применения данной категории к получению/даче взятки и посредничеству во взяточничестве.

Понятие малозначительности напрямую связано с общественной опасностью преступного деяния.

Малозначительность — гарантийная норма. Норма исключает распространение понятия преступления на деяние, не имеющее признака общественной опасности. Отсутствие общественной опасности возникает в силу малозначительности деяния. Деяние признается преступлением в зависимости от степени общественной опасности более или менее значительной [10: с. 71]. Критерием оценки опасности деяния должна быть степень выраженности юридических признаков в содеянном. Незначительная выраженность признаков вида преступления в содеянном может свидетельствовать о малозначительности содеянного. При этом при оценке содеянного субъективному критерию отдается предпочтение. Отнесение деяния к малозначительным не зависит от личности, личностных свойств виновного [5: с. 48].

Определяющую роль в установлении критерия малозначительности играет ценность общественного отношения, на которое осуществляется посягательство.

Верной видится позиция, высказанная в статье Л.В. Лобановой и А.П. Рожнова [8: с. 49]. Авторы отмечают, в частности, что «в качестве критериев малозначительности могут выступать все те свойства, относимые к числу признаков состава преступления, которые в принципе способны определять типовую общественную опасность посягательства либо влиять на ее уровень, но которые, однако, в конкретной ситуации не выполняют своей криминообразующей функции при формальном сходстве с преступлением». Деяние опасно для общества в силу его посягательства на ценностные общественные интересы, и сам факт такого посягательства, вне зависимости от способа, средств, субъекта, умысла, с формальной стороны уже представляет угрозу.

Очень важно в этом контексте определиться с тем, что рассматривается как малозначительность при даче взятки: стоимость передаваемого предмета взятки, субъект, получающий/принимающий взятку, действие, которое было совершено или должно быть совершено за незаконное вознаграждение. Неслучайной при такой постановке вопроса видится проблема роли суммы взятки (стоимостной оценки блага, услуги, имущества) в системе признаков состава преступления. Так, Н.И. Коржанский считает, что деньги, ценные бумаги, иное имущество или выгоды имущественного характера, передаваемые в виде взятки, не могут быть предметом преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ. «Имущество, ценности при взяточничестве служат средством воздействия на должностное лицо, — отмечает ученый, — и в этом смысле они ничем не отличаются от всякого иного орудия совершения преступления» [6: с. 103]. Данная позиция получает поддержку и в лице И.М. Тяжковой:

«Если вещь используется в качестве инструмента воздействия на объект, то она является орудием или средством совершения преступления» [7: с. 38].

Если исходить из формального критерия стоимости/суммы взятки, то наличие коллизия гражданско-правовой возможности получения подарков лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, государственными служащими, муниципальными служащими, служащими Банка России в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей. Таким людям разрешено получать обычные подарки, стоимость которых не превышает 3000 рублей. Обращает на себя внимание именно тот факт, что могут получать подарки государственные служащие именно в связи со своим должностным положением или в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей. Безусловно, Гражданский кодекс Российской Федерации не может быть и не является источником уголовного законодательства, которое в силу ст. 1 УК РФ состоит только из Уголовного кодекса, и все новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в Уголовный кодекс. Таким образом, единственный акт, в котором может быть указан размер подношения (его стоимостная оценка), разграничивающий преступное и не преступное, — это Уголовный кодекс.

Уголовный кодекс о размере взяток содержит следующие положения: мелкая взятка — до 10 000 рублей (ст. 291.2 УК РФ «Мелкое взяточничество»); значительный размер взятки — взятка превышает 25 000 рублей; крупный размер — взятка превышает 150 000 рублей; особо крупный размер — взятка превышает 1 000 000 рублей. Отсутствие нижней границы, то есть минимальной суммы или стоимости, не может являться основанием к нарушению отраслевого и законодательного единства: положения гражданского законодательства не могут быть положены в данном вопросе в основу определения минимальной стоимости/размера, с которой/которого начинается уголовная ответственность. Поэтому представляется несостоятельной позиция, высказанная в известной уголовно-правовой литературе, что, поскольку в диспозиции ст. 290 УК РФ нет указания на размер взятки и в административном законодательстве также отсутствует норма, устанавливающая наказание за дачу взятки, малозначительность деяния возможна, если сумма вознаграждения незначительна, его получение не было оговорено заранее, и оно было передано после и за совершение законных действий должностного лица [2: с. 77].

Необходимо точно понимать, что не размер взятки и даже не лицо, принимающее преступное подношение, составляет сущность общественной опасности данного деяния. Речь идет о подрыве авторитета государства и доверия к государственному аппарату и власти в целом в результате действий недобросовестного государственного служащего. Зарубежной практике также известны сложности по данному вопросу, поскольку получение благодарности за работу, выполненную в соответствии с законом, от одного лица неизменно повлечет желание получать аналогичные «благодарности» и от других лиц.

Иллюстрацией данного примера является решение по делу Ирвина (1965 год), вынесенное федеральным судом США [9: с. 159].

В то же время В.Н. Борков отмечает: «Не любая сумма заранее не обусловленного вознаграждения за правомерную реализацию полномочий может повлиять на беспристрастность и объективность должностного лица. Чем больше авторитет должности, тем большей силы необходим заряд, чтобы его разрушить и применительно к отдельному чиновнику свести к нулю. Вопрос о мере разрушительного воздействия на объект уголовно-правовой охраны в каждом конкретном случае ее получения должен решаться отдельно. Чем существеннее вопросы, которые входят в служебную компетенцию должностного лица, и значимее юридические последствия его решений, тем более крупная сумма может быть признана взяткой при получении за законные, заранее не обусловленные действия. Поэтому в качестве обстоятельств, влияющих на признание тех или иных материальных ценностей взяткой, следует рассматривать объем и значимость полномочий должностного лица, уровень его официальных доходов, а возможно, и фактическое материальное положение» [1: с. 110]. Таким образом, предлагается индивидуально подходить к каждому конкретному случаю и не искать преступлений там, где их нет в силу малозначительности вреда, малой величины дохода от взятки, несущественности занимаемой должности и т. п. При реализации на практике такого подхода получится, что чем выше занимаемый пост, чем больше возможностей и сфер влияния, связанных с соответствующей должностью, тем большая сумма взятки будет признаваться малозначительной. Однако смысл малозначительности все же не только в размере стоимости или сумме денежных средств, но и в ценности общественного отношения, на которое осуществляется посягательство.

Подрыв государственного авторитета, как считают специалисты, с точки зрения ценности правоотношений в обществе, будет подрывом одного из самых значимых элементов, обеспечивающих стабильность общественных отношений. Неслучайно судебная система очень жестко отстаивает и защищает авторитет государства. Например, в кассационной жалобе адвоката на приговор Самарского областного суда, вынесенный в отношении Е-ва, признанного виновным в покушении на дачу взятки должностному лицу лично за совершение заведомо незаконного бездействия, ставился вопрос об отмене приговора и прекращении уголовного дела ввиду малозначительности содеянного. По мнению адвоката, деяние Е-ва не представляло какой-либо опасности для общества, так как не было доведено до конца, поскольку должностное лицо добровольно отказалось от получения денежного вознаграждения, предотвратив тем самым наступление вредных последствий. Отказывая в удовлетворении жалобы, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ указала, что Е-в признан виновным в совершении умышленного тяжкого преступления, за которое предусмотрено наказание до 8 лет лишения свободы. Кроме того, оно совершено в сфере государственной службы, в отношении представителя власти и в силу этих обстоятельств не может быть признано малозначительным [4].

Особо важно последнее замечание: «деяние совершено в сфере государственной службы...». Все противоправные деяния, совершенные в системе государственной службы, обладают повышенной общественной опасностью, поскольку соответствующий субъект использует свои властные или служебные полномочия вопреки интересам службы и государства, которые он призван реализовывать, а не нарушать из своей корыстной или иной личной заинтересованности. Именно это обстоятельство, а не стоимостный критерий, позволяет говорить об отсутствии возможности применения признака малозначительности, когда речь идет о взятке.

Этот же подход реализован законодателем и при формулировании запрета и введении ответственности за мелкую взятку: государство в лице законотворческих органов признает деяние общественно опасным, но вот с точки зрения назначения наказания дает такую правовую оценку, которая позволяет провести градацию как в видах наказаний, так и в их размерах.

Литература

1. *Борков В.Н.* Верховный суд Российской Федерации решил не путать взятку с подарком // Современное право. 2014. № 1. С. 107–110.
2. *Винокуров В.Н.* Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 74–83.
3. *Здравомыслов Б.В.* Должностные преступления. Понятие и квалификация. М.: Юридическая литература, 1979. 168 с.
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 февраля 2013 г. №46-О13-5 // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=322082#0>
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. 976 с.
6. *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1980. 248 с.
7. Курс уголовного права: в 5 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Т. 1: Общая часть. М.: Зерцало-М, 2002. 624 с.
8. *Лобанова Л.В., Рожнов А.П.* Малозначительность деяния: абстрактность законодательного регулирования и трудности правоохранительной реализации // Законность. 2016. № 6. С. 46–50.
9. *Никифоров Б.С., Решетников Ф.М.* Современное американское уголовное право. М.: Наука, 1990. 187 с.
10. Учебный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.Э. Жалинский. М.: Эксмо, 2005. 1088 с.
11. *Фаргиев И.* Проблемные аспекты проекта постановления Пленума Верховного суда РФ «О взятничестве, коммерческом подкупе и иных коррупционных преступлениях» // Уголовное право. 2013. № 5. С. 110–111.

Literatura

1. *Borkov V.N.* Verhovny'j sud Rossijskoj Federacii reshil ne putat' vzyatku s podarokom // Sovremennoe pravo. 2014. № 1. S. 107–110.

2. *Vinokurov V.N.* Maloznachitel'nost' deyaniya v ugovnom prave: priznaki i formy // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 4. S. 74–83.
3. *Zdravomy'slov B.V.* Dolzhnostny'e prestupleniya. Ponyatie i kvalifikaciya. M.: Yuridicheskaya literatura, 1979. 168 s.
4. Kassacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugovny'm delam Verhovnogo Suda RF ot 5 fevralya 2013 g. №46-O13-5 // Konsul'tantPlyus. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=322082#0>
5. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / pod obshh. red. V.M. Lebedeva. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2007. 976 s.
6. *Korzhanskij N.I.* Ob'ekt i predmet ugovno-pravovoj ohrany'. M.: Izd-vo Akademii MVD SSSR, 1980. 248 s.
7. Kurs ugovnogo prava: v 5 t. / pod red. N.F. Kuzneczovoj, I.M. Tyazhkovoj. T. 1: Obshhaya chast'. M.: Zerczalo-M, 2002. 624 s.
8. *Lobanova L.V., Rozhnov A.P.* Maloznachitel'nost' deyaniya: abstraktnost' zakonodatel'nogo regulirovaniya i trudnosti pravooxranitel'noj realizacii // Zakonnost'. 2016. № 6. S. 46–50.
9. *Nikiforov B.S., Reshetnikov F.M.* Sovremennoe amerikanskoe ugovnoe pravo. M.: Nauka, 1990. 187 s.
10. Uchebny'j kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / otv. red. A.E'. Zhalinskij. M.: E'ksmo, 2005. 1088 s.
11. *Fargiev I.* Problemny'e aspekty' proekta postanovleniya Plenuma Verhovnogo suda RF «O vzyatochnichestve, kommercheskom podkupe i iny'x korrupcionny'x prestupleniyax» // Ugolovnoe pravo. 2013. № 5. S. 110–111.

U.G. Babayeva

The Insignificance of Bribes is no Longer Being Discussed?

The article deals with the insignificance of such criminal acts as a bribe, the author analyzes the criteria of insignificance in criminal law and practice, and specifically addresses the provisions concerning the definition of social danger of bribes to determine the possibility or impossibility of application of these rules about insignificance of acts .

Keywords: bribe; insignificance; size/amount of the bribe; danger to the public; the authority of the government.

**И.Н. Куксин,
А.В. Ростокинский**

Предприниматель как специальный субъект уголовно-правовых отношений¹

Статья посвящена анализу внесенных федеральными законами от 03.07.2016 № 323-ФЗ, 03.07.2016 № 325-ФЗ и 19.12.2016 № 436-ФЗ изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации, касающихся особенностей освобождения и привлечения предпринимателей к уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Авторы доказывают, что, исходя из тех новелл, которые внесены в уголовное законодательство, современного предпринимателя надо рассматривать как специального субъекта уголовно-правовых отношений.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности; предприниматель; возмещение ущерба; заглаживание вреда; судебный штраф; доход для целей денежного возмещения.

В декабре 2016 года исполнилось четверть века с момента распада СССР и создания Содружества Независимых Государств (СНГ). Эта века означала переход на рыночную экономику, для которой характерны такие черты, как преобладание частной собственности в фондах предприятий, свобода конкуренции, ограничение вмешательства властей в хозяйственные процессы, свободное формирование спроса и предложений. Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем Послании Федеральному собранию 1 декабря 2016 года, отмечая главные причины торможения экономики, выделил внутренние проблемы, среди которых он назвал «...недостаточное развитие конкуренции» [23]. Следовательно, конкурентная среда предполагает, что предприниматель так или иначе подвергается разным внешним и внутренним рискам, что придает особую значимость и остроту проблеме правового обеспечения его экономической безопасности, а также защите и охране его прав.

То, что в России на протяжении многих лет происходит давление на бизнес со стороны государственных структур и особенно правоохранительных, было замечено давно, от этого давления страдает прежде всего экономика страны, закрываются предприятия, не платятся налоги и заработная плата. О масштабах давления на бизнес свидетельствуют такие данные: за 2014 год

¹ Данная работа выполнена с использованием СПС «КонсультантПлюс».

следственными органами возбуждено почти 200 тысяч уголовных дел по экономическим составам, до суда дошло лишь 15 процентов. При этом 83 процента предпринимателей, на которых были заведены уголовные дела, полностью или частично потеряли бизнес [24]. Как итог, предприниматели в год несут убытки на 7 трлн рублей [10].

Если обратиться к ч. 1 ст. 19 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», то в ней закреплено правило, согласно которому «орган государственного контроля (надзора), орган муниципального контроля, их должностные лица в случае ненадлежащего исполнения функций, служебных обязанностей, совершения противоправных действий (бездействия) при проведении проверки несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации» [2].

Однако, как свидетельствует практика последних лет, никто из числа лиц, наделенных функциями контроля, за незаконное преследование бизнесменов не привлечен к серьезной ответственности. На практике, судя по многочисленным публикациям в СМИ, «под крышей» милиции-полиции возникали преступные группировки из числа полицейских, так называемых оборотней в погонах, которые под видом проверок незаконно возбуждали уголовные дела против бизнесменов, а затем за материальное вознаграждение их закрывали. Это приобрело настолько вызывающий характер, что руководство страны вынуждено было принимать в организационном и законодательном порядке кардинальные меры. В частности, чтобы защитить предпринимателей от излишнего давления на бизнес 16 февраля 2016 г. президент Российской Федерации издал Распоряжение № 27-рп, которым была образована рабочая группа по мониторингу и анализу правоприменительной практики в сфере предпринимательства [18]. По результатам работы был подготовлен президентский проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 299 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в части усиления ответственности за незаконное возбуждение уголовного дела), который был принят Государственной думой 30 ноября 2016 г. 416 голосами (92,4 %) в окончательном варианте [1].

В ч. 1 ст. 299 УК РФ сказано, что за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности виновное лицо наказывается лишением свободы на срок до семи лет. Частью второй этой статьи предусматривается повышенная ответственность за указанное деяние как в случае, если оно соединено с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, так и в случае, если оно повлекло причинение крупного ущерба или иные тяжкие последствия. За такие деяния санкцией предусмотрено лишение свободы на срок от пяти до десяти лет.

Согласно ч. 3 этой статьи, ответственность должностных лиц правоохранительных органов будет наступать в случае незаконного возбуждения уголовного дела, совершенного в целях воспрепятствования предпринимательской

деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности, если указанное деяние повлекло прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба. Здесь предусмотрено наказание лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

Введение в Уголовный кодекс РФ данной нормы должно значительно сократить число возбужденных по факту уголовных дел, когда правоохранительные органы никого конкретно не обвиняют, но, проведя следственные действия (обыски, выемка документов и прочее), блокируют счета фирмы. Такие уголовные дела расследуются в течение нескольких месяцев, а затем хотя и прекращаются, но весь этот процесс нередко приводит к частичному или полному разрушению бизнеса. В целях предотвращения подобных умышленных действий от недобросовестных представителей правоохранительных органов, законодатель в примечании к ст. 299 УК РФ установил, что если фирме будет нанесен ущерб, сумма которого превышает один миллион пятьсот тысяч рублей, то он будет считаться крупным, а это уже влечет уголовную ответственность.

Расследование преступления, предусмотренного ст. 169 УК РФ «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности», передается следователям Следственного комитета Российской Федерации, для чего внесены соответствующие изменения в ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Очевидно, что новая редакция ст. 299 УК РФ содержит довольно жесткие санкции. Уже сегодня раздаются в печати голоса о бесперспективности и ненужности такого закона в силу наличия сходных правовых положений в действующем законодательстве. Вполне понятно, что только жесткостью закона не искоренить преступность [14]. Вместе с тем внесенные поправки в диспозицию ст. 299 УК РФ позволят обеспечить снижение давления на бизнес с помощью механизмов уголовного преследования, и это поможет создать благоприятные условия для делового климата в стране, чтобы предприниматели вкладывали средства не в китайскую, американскую, европейскую, а российскую экономику. Для современного периода развития экономики, когда Российское государство находится под жесткими экономическими санкциями США и Евросоюза, это весьма важно. «Каждый, кто честно трудится в своем бизнесе..., должен чувствовать, что государство, общество на его стороне» [23].

Принятый закон позволит государству минимизировать возможность привлечения к уголовной ответственности бизнесменов, в действиях которых отсутствует вина. К сожалению, как подтверждают данные статистики, подобные факты не являются редкостью. Так, по данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации за 6 месяцев 2016 г. уголовные дела в отношении предпринимателей, которым предъявлялись обвинения в совершении экономических преступлений, закрывались 606 раз [16].

По мере продвижения российского общества по рыночному пути развития возникла необходимость «не только введения новых норм, ужесточающих наказание, но и корректировки наказательной политики с целью защиты высших

ценностей данного общества» [15]. Сегодня можно вести речь о серьезном изменении уголовной политики государства в сфере экономики. Вызвано это тем, что наметился положительный сдвиг в сторону законопослушности большей части предпринимателей. «Это позволяет государству предложить бизнесу партнерскую модель взаимоотношений и взаимодействия» [25: с. 185].

В настоящее время для российского бизнеса уголовная политика имеет определяющее значение, прежде всего, для укрепления уверенности предпринимателей в своей защищенности от преступных посягательств. Анализ тех новелл, которые внесены законодателем в нормы главы 11 «Освобождение от уголовной ответственности», свидетельствует о выделении бизнесменов в специальный субъект уголовно-правовых отношений, который нуждается в отдельной защите со стороны государства. Это положение нашло отражение в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [19].

В частности, в указанном постановлении предложена новая трактовка понятия «впервые совершившим преступления». Решая вопрос об освобождении от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, правоприменителю необходимо учитывать примечания к соответствующим частям Уголовного кодекса РФ. Исходя из этого, Пленум Верховного суда РФ разъяснил, что «для целей статьи 76.1 УК РФ лицо признается впервые совершившим преступление, если оно не имеет неснятую или непогашенную судимость за преступление, предусмотренное той же статьей, от ответственности по которой оно освобождается» [19]. Это означает, что если предприниматель имеет судимость, например, за дорожную аварию с человеческими жертвами или кражу, то он будет считаться впервые совершившим преступление в сфере предпринимательской деятельности и может быть освобожден от уголовной ответственности.

В целях единообразного понимания терминов «ущерб», «заглаживание вреда», которые законодатель употребляет в ч. 1 ст. 75 и в ст. 76.2 УК РФ, Пленум Верховного суда РФ в своем постановлении № 56 дает судам толкования указанных понятий. В частности, под ущербом следует понимать «имущественный вред, который может быть возмещен в натуре (например, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества), в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение) и т. д.» [19]. Под заглаживанием вреда понимается «имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства» [19].

Что касается возмещения ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, предусмотренного ст. 198–199.1 УК РФ, то в постановлении № 56 Пленума Верховного суда РФ содержатся следующие разъяснения. «Исходя из взаимосвязанных положений части 1 ст. 76.1, пункта 2 примечаний к статье 198, пункта 2 примечаний к статье 199 УК РФ, следует понимать уплату в полном объеме до назначения судом первой инстанции судебного заседания за недоимки, пеней и штрафов в размере, определяемом в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах с учетом представленного налоговым органом расчета размера пеней и штрафа» [19].

Указанное постановление обращает внимание судов, что для применения ч. 1 ст. 76.1 УК РФ необходимо, чтобы лицо полностью возместило ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации. Подтверждением данного факта могут быть документы, удостоверяющие факт перечисления в бюджетную систему Российской Федерации начисленных сумм в счет задолженности налогоплательщика — организации или физического лица (например, платежные поручения или квитанции с отметкой банка). При этом суд не лишен возможности проверить указанный факт.

Чтобы иметь основания освободить лицо от уголовной ответственности за преступления, указанные в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, необходимо, чтобы оно выполнило следующие требования, а именно возместило ущерб, которое оно причинило в результате совершения преступления гражданину, организации или государству и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в определяемом законом размере, либо доход, полученный в результате совершения преступления в полном объеме.

В постановлении № 56 также обращается внимание на особенности применения ч. 1 ст. 76.1 УК РФ в части определения времени возмещения ущерба. С учетом, что ч. 3 ст. 28.1 УПК РФ не содержит требования о возмещении ущерба до назначения судебного заседания, уголовное преследование в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, подлежит прекращению судом, если все предусмотренные данной нормой условия (возмещен ущерб и произведены денежные перечисления в федеральный бюджет) выполнены в полном объеме до удаления суда в совещательную комнату.

Пленум Верховного суда РФ, разъясняя понятие заглаживания вреда, предусматривает компенсацию и за моральный вред. Эта компенсация может быть осуществлена виновным лицом как в виде денежной или иной материальной компенсации, предоставленной потерпевшему, так и в виде принесения ему личных или публичных извинений. Извинение перед потерпевшим может выражаться в различных формах. Например, извинение может быть принесено лично при условии, чтобы об этом знали окружающие, либо носить публичный характер (например, быть высказанным в присутствии членов коллектива, через печать, радио, телевидение).

В спорных случаях размер денежной компенсации за причиненный моральный вред определяется судом.

Для правоприменительной практики заглаживание вреда носит принципиальный характер, так как оно по способам должно носить законный характер, не должно ущемлять права третьих лиц, и размер его возмещения должен определяться потерпевшим.

Для правоприменительной практики немаловажным является вопрос — кто должен загладить причиненный ущерб? В первую очередь это должно быть лицо, совершившее преступление. Но загладить причиненный вред могут и другие лица по просьбе виновного или с его согласия. Так, согласно п. 2 к примечанию ст. 199 УК РФ, в случае совершения преступлений, предусмотренных ст. ст. 199 и 199.1 УК РФ, возмещение ущерба допускается и организацией, уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с которой вменяется данному лицу. При этом необходимо подтвердить документально: согласие (одобрение) с этой заменой лица, которое причинило ущерб, либо невозможность самостоятельного исполнения им этой оплаты (по самым различным причинам).

В правоприменительной практике иногда возникают трудности в определении как размера ущерба, подлежащего возмещению, так и доходов для целей денежного возмещения. Постановление № 56 Верховного суда РФ рекомендует определять размер ущерба на основании гражданско-правовых договоров, первичных учетных документов, выписок (справок) по расчетным счетам, информации по сделкам с использованием электронных средств платежа и т. п. При необходимости для определения размера ущерба, подлежащего возмещению, может быть назначена судебная экспертиза.

Что касается определения доходов для целей денежного возмещения, то в таких случаях надо учитывать общую сумму незаконного обогащения, полученного в результате совершения преступления (без вычета произведенных расходов), в денежной (наличные, безналичные и электронные денежные средства в рублях и (или) в иностранной валюте) и (или) натуральной форме (движимое и недвижимое имущество, имущественные права, документарные и бездокументарные ценные бумаги и др.).

Заглаживание (возмещение) вреда является одним из важнейших условий при решении вопроса о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), а также для условно-досрочного освобождения (ч. 1 ст. 79 УК РФ). Объясняется это тем, что только полное возмещение ущерба в соответствии с пунктом «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ признается судом обстоятельством, смягчающим наказание. Для стороны защиты это означает, что не требуется убеждать суд признать и учесть данное обстоятельство как смягчающее. Следовательно, суд обязан возмещение ущерба (заглаживание вреда) автоматически признать смягчающим обстоятельством, указать на него в приговоре (ч. 1 п. 6 ст. 299 УПК РФ) и учесть при назначении наказания.

Для тех случаев, когда лицо совершило преступление небольшой или средней тяжести в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности, но выполнило не все или не в полном объеме действия, предусмотренные ст. 76.1 УК РФ, то его ходатайство о прекращении уголовного

преследования по основаниям, предусмотренным ст. ст. 75, 76 или 76.2 УК РФ, может быть удовлетворено судом только при условии выполнения содержащихся в указанных нормах требований.

Если в ходатайстве о прекращении уголовного преследования содержатся различного рода обещания или обязательства возместить ущерб или загладить вред в будущем, то они не могут быть обстоятельствами, дающими основание для освобождения этого лица от уголовной ответственности по указанным статьям.

Законодатель, продолжая курс гуманизации в сфере уголовного права путем совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности в принятом Федеральном законе от 03 июля 2016 г. № 325-ФЗ [19], вносит в Уголовный кодекс РФ принципиально новую ст. 76.2 УК РФ под названием «Судебный штраф». В ч. 1 ст. 104.4 УК РФ законодатель раскрывает содержание судебного штрафа. Это «есть денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных статьей 76.2 настоящего Кодекса».

Таким образом, диспозиция указанной статьи закрепляет новое основание освобождения от уголовной ответственности путем назначения штрафа при наличии следующих условий: в деянии лица содержится преступление небольшой или средней тяжести, совершенное впервые; лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. Особенностью ст. 76.2 УК РФ является то, что она не препятствует освобождению от уголовной ответственности при совершении лицом нескольких преступлений небольшой или средней тяжести.

В случаях, когда уголовное преследование осуществляется в отношении нескольких подозреваемых или обвиняемых, несущих солидарную ответственность за ущерб, причиненный совместными преступными действиями, суд прекращает уголовное преследование в отношении всех соучастников преступления, если все требования ч. 2 ст. 76.1 УК РФ о возмещении ущерба и иных выплатах выполнены в полном объеме хотя бы одним из них. Если же уголовное преследование осуществляется в отношении нескольких подозреваемых или обвиняемых и имеются основания для прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в отношении всех или некоторых из этих лиц, ходатайство заявляется применительно к каждому такому лицу.

Законодатель, вводя судебный штраф как основание освобождения от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ, определил не только его размер, но и раскрыл условия, которыми должен руководствоваться суд при его назначении.

В соответствии с ч. 1 ст. 104.5 УК РФ «размер судебного штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса. В случае, если штраф не предусмотрен соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, размер судебного штрафа не может быть более двухсот пятидесяти

тысяч рублей». В качестве условий, которые суд должен принимать во внимание, определяя размер штрафа, выступают тяжесть совершенного преступления, имущественное положение как самого лица, освобождаемого от уголовной ответственности, так и его семьи, а также возможность получения указанным лицом заработной платы или иного дохода (ч. 2 ст. 104.5 УК РФ).

В связи с назначением судебного штрафа суд в любой момент может прекратить уголовное дело или уголовное преследование.

Если лицо без уважительных причин не уплатило сумму судебного штрафа в установленный судом срок (до истечения указанной в постановлении суда конкретной даты) без уважительных причин², то оно в соответствии с ч. 2 ст. 104.4 УК РФ считается уклоняющимся от уплаты судебного штрафа, назначенного в соответствии со ст. 76.2 УК РФ, и в последующем привлекается к уголовной ответственности.

При уклонении лицом, совершившим преступление, от уплаты судебного штрафа, в соответствии с ч. 3 ст. 78 УК РФ течение сроков давности приостанавливается. В этом случае течение сроков давности возобновляется с момента задержания указанного лица или явки его с повинной.

Как известно, наличие судебного обвинительного приговора влечет для осужденного такое правовое последствие, как судимость. Чтобы снизить число таких лиц, судебный штраф, назначаемый на основании ст. 76.2 УК РФ лицу, освобожденному от уголовной ответственности, не является уголовным наказанием, а относится к иным мерам уголовно-правового характера, предусмотренным разделом VI Уголовного кодекса РФ. Это означает, что правила ст. 46 УК РФ к назначению и исполнению судебного штрафа не применяются.

В связи с тем, что судебный штраф относится к иным мерам уголовно-правового характера, законодателем скорректированы и внесены поправки в соответствующие статьи Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В частности, такие изменения коснулись порядка применения заключения под стражу в качестве меры пресечения и возбуждения уголовного дела по преступлениям в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности. На основании Федерального закона от 03 июля 2016 г. № 325-ФЗ «заключение под стражу (часть 1.1 ст. 108 УПК РФ) в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159–159.6, 160, 165, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности» [3]. Новая трактовка применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в преступлениях, указанных в статье, свидетельствует о дополнительной

² Уважительными причинами неуплаты судебного штрафа могут считаться такие появившиеся после вынесения постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования обстоятельства, вследствие которых лицо лишено возможности выполнить соответствующие действия (например, нахождение на лечении в стационаре, утрата заработка или имущества ввиду обстоятельств, которые не зависели от этого лица).

защите и охране прав субъектов предпринимательской деятельности. Данное положение закона гарантирует и права иных лиц, не обладающих указанным статусом (не являются предпринимателями), но совершивших преступление в соучастии с индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации. Им также не может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Дополнительной гарантией защиты прав предпринимателей является разъяснение Пленума Верховного суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», в котором сказано, что уголовные дела по преступлениям, предусмотренным ст. ст. 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ в силу того, что они являются делами частно-публичного обвинения на основании ч. 3 ст. 20 УПК РФ, следует возбуждать не иначе как по заявлению потерпевшего, если эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности [20]. Следовательно, без заявления потерпевших правоохранительные органы не могут возбуждать уголовные дела в отношении предпринимателей, а также членов органа управления коммерческой организации³ в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности по статьям «мошенничество», «присвоение или растрата», а также «причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием».

В этой связи целесообразно остановиться на продолжающейся в нашей стране дискуссии о целесообразности и даже допустимости введения в отечественное уголовное право института ответственности юридических лиц. Данный институт (ответственность корпораций) известен во многих европейских странах, Китае, странах Ближнего Востока. В ближайшее время его планируют ввести большинство постсоветских республик: Грузия, Казахстан, Латвия, Литва, Эстония, Молдавия, Украина [8].

Очевидно, корпорация способна совершить далеко не любое преступление, известное уголовному закону, и не должна при этом действовать в составе всех своих индивидуальных или коллективных участников. В ст. 2.07. Примерного Уголовного кодекса США (1962 г.) предусматривается ответственность корпораций, а также и некорпорированных объединений и лиц, действующих или обязанных действовать в их интересах. При этом «корпорация может быть осуждена за совершение посягательства, которое является нарушением и состоит в неисполнении возложенной законом на корпорацию специальной

³ К членам органа управления коммерческой организации относятся, в частности, член совета директоров (наблюдательного совета) или член коллегиального исполнительного органа коммерческой организации (например, правления акционерного общества), лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа (директор, генеральный директор, председатель производственного кооператива и т. п.).

обязанности совершать положительные действия» [22]. Соответственно, и подвергнута корпорация может быть не любым мерам уголовно-правового воздействия, включая меры наказания, а таким, которые отражают специфику юридического лица как участника экономических и связанных с ними отношений, а также его имущественный комплекс.

Поэтому, например, ст. ст. 131–139 УК Франции (1990 г.) содержит перечень видов наказаний, которые применяются к данным субъектам: ликвидация юридического лица; запрещение — окончательное или на срок профессиональной или общественной деятельности; конфискация предмета, использованного для совершения преступления; афиширование принятого судебного постановления; закрытие — окончательное или на срок соответствующих предприятий и заведений и др. На практике в европейских странах чаще всего за совершенные преступления к юридическим лицам применяется уголовное наказание в виде штрафа и меры восстановления в виде взыскания незаконно полученных доходов и принуждения к устранению за собственный счет вреда, причиненного частным лицам, другим участникам хозяйственного оборота, государству (казне) и пр.

Международное сообщество также рекомендует государствам усиливать ответственность юридических лиц за целый ряд противоправных деяний, совершаемых в их интересах. В частности, такие рекомендации изложены в Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г., Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г., Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г., Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. [12], Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г. [13]. На сегодняшний день все указанные конвенции ратифицированы Россией, что предполагает необходимость своевременного внесения соответствующих изменений и дополнений в национальное уголовное законодательство.

Определенные шаги в данном направлении уже были предприняты в отечественном административном законодательстве, которое в ведущих зарубежных странах рассматривается как составная часть уголовного закона. Так, Федеральным законом от 8 января 1998 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах» [4], а также Федеральным законом от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» [5] была предусмотрена возможность ликвидации юридического лица по решению суда в связи с совершением деяний, которые в соответствии с уголовным законодательством признаются преступными. Данный подход получил окончательное закрепление и в Кодексе РФ об административных правонарушениях, в котором юридические лица признаны субъектами административной ответственности в нашей стране.

По мнению председателя Следственного комитета РФ А. Бастрыкина, необходимость данных норм объясняется тем, что без них «невозможно экстерриториальное уголовное преследование иностранных организаций, финансирующих

терроризм, спонсирующих дестабилизацию политической обстановки, а также другие транснациональные преступления, совершаемые на территории России» [8]. Однако сфера применения норм данного института существенно шире, поскольку на практике жертвами и потерпевшими вследствие потребления некачественно произведенных товаров и услуг в нашей стране становятся десятки тысяч людей, а экологический ущерб от деятельности различных организаций-природопользователей не поддается даже весьма приблизительному исчислению.

В настоящее время противники введения уголовной ответственности юридических лиц в России приводят следующие основные аргументы:

1) существуют все условия для усиления материальной ответственности за незаконную деятельность организаций мерами гражданского и административного права. Так, Верховный суд в своем отзыве к законопроекту Следственного комитета РФ [26] указал, что необходимо провести анализ о целесообразности дублирования административных норм уголовными;

2) у юридического лица отсутствует физическая природа человека, поэтому оно не может быть наказано с использованием основных мер уголовного наказания;

3) у юридического лица отсутствует уголовная правосубъектность, и ответственность такого «квазисубъекта» будет противоречить принципу личной виновной ответственности. Кроме того, существует риск привлечения корпораций к ответственности за преступления их участников (сотрудников, работников).

Сторонники введения уголовной ответственности юридических лиц аргументируют свою позицию следующим:

1) в случае нарушения общественных отношений, охраняемых уголовным законодательством, гражданско-правовые и административные меры недопустимы, поскольку санкции других отраслей права не отражают фактическую степень общественной опасности деяний, совершаемых юридическими лицами;

2) юридическое лицо признается со стороны закона самостоятельным субъектом права, существующим независимо от физических лиц, поэтому оно может быть признано виновным в совершении отдельных видов преступлений и привлечено к уголовной ответственности;

3) уголовная ответственность юридических лиц не исключает ответственности физических лиц, что в свою очередь сохраняет принцип личной виновной ответственности [26].

По мнению ряда ведущих российских ученых, разрешить данные противоречия возможно по нескольким направлениям:

во-первых, как указывает С.Г. Келина, сфера применения мер ответственности юридических лиц должна быть максимально четко ограничена по крайней мере в четырех главах Особенной части УК: за некоторые преступления в сфере экономики, экологические преступления, преступления против общественной безопасности и преступления против мира и безопасности человечества (такое указание может быть сформулировано в специальной статье, помещенной в конце соответствующей главы Особенной части), а привлечение

к ответственности обусловлено лишь совершением уголовно-наказуемых деяний учредителем, руководителем или полномочным представителем юридического лица в интересах данного юридического лица [11: с. 59];

во-вторых, Б.В. Волженкин, Р.И. Михеев и некоторые другие ученые указывают на необходимость различать понятия «субъект преступления» и «субъект уголовной ответственности», считая, что преступление может совершить только физическое лицо, обладающее признаками, указанными в ст. 19 УК РФ, а нести ответственность, подвергаться различным мерам воздействия в соответствии с законом могут и другие лица [17: с. 42];

в-третьих, возможны различные приемы закрепления положения юридического лица как субъекта ответственности и уголовного наказания в тексте Особенной части. Например, Е.Ю. Антонова предложила внести соответствующие изменения как в ст. 19 УК РФ, так и построения дополнительной главы о наказаниях, применяемых к юридическим лицам. К ним предлагается применить штраф; лишение права заниматься определенной деятельностью; закрытие предприятий юридического лица, использовавшихся для совершения инкриминируемых действий; приостановление деятельности юридического лица; ликвидация [6: с. 164]. Авторы проекта Следственного комитета также предложили закрепить соответствующие нормы в отдельной главе 15.1 УК [21].

Более того, по мнению некоторых авторов, уголовная ответственность юридических лиц в России уже существует. Л.В. Головкин указывает, что, «как только мы изменим представления об уголовном праве и его соотношении с административно-деликтным правом, то сама постановка вопроса о возможном введении в России уголовной ответственности юридических лиц... станет принципиально неверной» [9; цит по: 7: с. 36–37], — поскольку все деликты публичного права — суть предметы уголовно-правового регулирования. Следовательно, и имплементация института корпоративной ответственности в отечественное уголовное право должна служить не решению каких-то частных и политических задач, но отражать новые правовые подходы к соотношению мер наказания и иных мер уголовно-правового воздействия на природу административных проступков как деликтов публичного права и ряд других.

Изложенное выше дает основание для некоторых выводов и обобщений.

Для реализации статей 8, 34 и 35 Конституции Российской Федерации и принципов юридического равенства и добросовестности сторон, свободы экономической деятельности необходимо всеми правовыми средствами обеспечить защиту частной собственности, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции в сфере предпринимательской и иной, не запрещенной законом, экономической деятельности. Анализируя внесенные за последние годы изменения в Уголовный кодекс РФ, можно утверждать, что они направлены на создание и поддержку в Российской Федерации благоприятного инвестиционного и предпринимательского климата и условий для ведения бизнеса посредством стимулирования законной предпринимательской деятельности.

Для решения задач, стоящих в настоящее время перед бизнес-сообществом, Федеральное собрание РФ совместно с исполнительной властью оптимизирует организационно-правовые механизмы, которые призваны ограждать предпринимателей от необоснованного привлечения их к уголовной ответственности и не допускать возможности уголовного преследования бизнесменов как средства давления на предпринимательские структуры. Основным направлением совершенствования правового механизма является установление законодателем дополнительных материально-правовых и процессуальных гарантий для обеспечения прав и законных интересов предпринимателей, привлекаемых к уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Изложенные выше положения показывают тенденцию либерализации уголовного законодательства в сфере предпринимательской деятельности и уголовную политику государства в отношении бизнесменов как специальных субъектов уголовно-правовых отношений, нуждающихся в отдельной защите со стороны государства.

Совершенствование мер по защите законной предпринимательской деятельности не противоречит необходимости очищения отечественной хозяйственной системы от структур, злоупотребляющих экономическими правами, либо специально создаваемых для последующего совершения преступлений. Изложенные выше факты и мнения ведущих российских правоведов указывают на необходимость признания юридических лиц субъектами применения мер уголовно-правового воздействия. Эта идея постепенно укоренилась в общественном сознании цивилизованного человечества по той причине, что оно оказалось практически не защищенным от негативных последствий монополизации рынка отечественными и транснациональными корпорациями, нарушений прав потребителя и трудящегося человека, правил техники безопасности на производстве, на транспорте и в быту.

Однако отметим, что реализация данных предложений при сохранении существующего уровня коррупции контролирующих, правоохранительных и судебных органов способна повлечь негативные последствия, существенно превышающие по своей тяжести недостатки существующей правовой модели.

Литература

1. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 299 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 23 декабря.

2. Федеральный закон от 26 декабря 2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Банк данных «Копии правовых актов: Российская Федерация». URL: <http://giod.consultant.ru/documents/993808?items=1&page=1>

3. Федеральный закон от 03 июля 2016 № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»

Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200696/

4. Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (в ред. от 25.10.2006) // Собр. законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

5. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. от 27.07.2006) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

6. Антонова Е.Ю. Уголовная ответственность юридических лиц: монография / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005. 332 с.

7. Арутюнов А. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц // Актуальные проблемы уголовного и уголовно-процессуального права: современное состояние и перспективы развития: научные труды / отв. ред.: А.В. Ростокинский, С.Н. Чурилов, Р.С. Данелян. № 1. М.: МГПУ, 2013. С. 30–39.

8. Голова И. Каждый за себя. Компаниям пока не грозит уголовная ответственность // Российская газета. 2015. 7 июля.

9. Головки Л.В. Преодоление проблемы уголовной ответственности юридических лиц в контексте концепции criminal matter («уголовного права в широком смысле») // «Закон.ру» — социальная сеть юристов. URL: https://zakon.ru/blog/2012/5/14/preodolenie_problemy_ugolovnoj_otvetstvennosti_yuridicheskix_lic_v_kontekste_konceptii_criminal_matt

10. Замахина Т. Закрыли «стол заказов» // Российская газета. 2016. 1 декабря.

11. Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовное право: Новые идеи. М.: ИГП РАН, 1994. С. 50–60.

12. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята 31.10.2003 г. Резолюцией № 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН // Собр. законодательства РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

13. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма: заключена в г. Варшаве 16.05.2005 г. // Правовые основы деятельности органов внутренних дел: сборник нормативных правовых актов: в 3 т. Т. 1. М.: Москва, 2006.

14. Куксин И.Н., Чечельницкий И.В. Жестокостью преступность не искоренить // Вестник университета им. С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2015. № 2 (7). С. 45–54. URL: <http://www.muiiv.ru/vestnik/yn/chitatelyam/podshivka-nomerov/46935/>

15. Куксин И.Н., Чечельницкий И.В. Дальнейшие пути гуманизации и либерализации уголовного законодательства Российской Федерации // Вестник: государство и право. Изд-во Коми республиканская академия государственной службы и управления. 2015. № 20. С. 23–30.

16. Куликов В. Виноватых не нашлось // Российская газета. 2016. 8 ноября.

17. Михеев Р.И., Корчагин А.Г., Шевченко А.С. Уголовная ответственность юридических лиц: за и против. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1999. 60 с.

18. О рабочей группе по мониторингу и анализу правоприменительной практики в сфере предпринимательства: Распоряжение Президента Российской Федерации от 16.02.2016 № 27-рп // Администрация Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40530> (дата обращения 11.12.2016).

19. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 29.11.2016 № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской

Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 2016. 7 декабря.

20. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207109/

21. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» // Криминологи РФ: научная сеть. URL: http://crimpravo.ru/blog/u_zakon/954.html (дата обращения: 28.01.2017).

22. Примерный Уголовный кодекс США: Официальный проект Института американского права / пер. с англ. А.С. Никифорова; под ред. Б.С. Никифорова. М.: Прогресс, 1969. 303 с.

23. Путин В.В. Послание Федеральному собранию. Уроки отечественной истории должны научить нас примирению // Российская газета. 2016. 2 декабря.

24. Путин В.В. Послание Федеральному собранию. Россия: общие идеи и общие ценности // Российская газета. 2015. 4 декабря.

25. Соловьев И.Н. Гуманизация законодательства, предусматривающего ответственность за совершение экономических преступлений, как «мягкая» амнистия в сфере экономики // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJ;n=80602#0>

26. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунева, А.В. Наумова. М.: Юристъ, 2005. 540 с.

27. Широков В.А. Уголовная ответственность юридических лиц: опыт зарубежных стран и перспективы применения в России // Юридическая Россия: федеральный правовой портал. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1252244> (дата обращения: 02.02.2017).

Literatura

1. Federal'ny'j zakon «O vnesenii izmenenij v stat'yu 299 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i stat'yu 151 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2016. 23 dekabrya.

2. Federal'ny'j zakon ot 26 dekabrya 2008 № 294-FZ «O zashhite prav yuridicheskix licz i individual'ny'x predprinimatelej pri osushhestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i municipal'nogo kontrolya» // Bank danny'x «Kopii pravovy'x aktov: Rossijskaya Federaciya». URL: <http://giod.consultant.ru/documents/993808?items=1&page=1>

3. Federal'ny'j zakon ot 03 iyulya 2016 № 325-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovaniya osnovanij i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti» // Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200696/

4. Federal'ny'j zakon ot 08.01.1998 № 3-FZ «O narkoticheskix sredstvax i psixotropny'x veshhestvax» (v red. ot 25.10.2006) // Sobr. zakonodatel'stva RF. 1998. № 2. St. 219.

5. Federal'ny'j zakon ot 25.07.2002 № 114-FZ «O protivodejstvii e'kstremistskoj deyatel'nosti» (v red. ot 27.07.2006) // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2002. № 30. St. 3031.

6. *Antonova E.Yu.* Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskix licz: monografiya / pod red. A.I. Korobeeva. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta, 2005. 332 s.

7. *Arutyunov A.* K voprosu ob ugolovnoj otvetstvennosti yuridicheskix licz // Aktual'ny'e problemy' ugolovnogogo i ugolovno-processual'nogo prava: sovremennoe sostoyanie i perspektivy' razvitiya: nauchny'e trudy' / otv. red.: A.V. Rostokinskij, S.N. Churilov, R.S. Danelyan. № 1. M.: MGPU, 2013. S. 30–39.

8. *Golova I.* Kazhdy'j za sebya. Kompaniyam poka ne grozit ugolovnaya otvetstvennost' // Rossijskaya gazeta. 2015. 7 iyulya.

9. *Golovko L.V.* Preodolenie problemy' ugolovnoj otvetstvennosti yuridicheskix licz v kontekste koncepcii criminal matter («ugolovnogogo prava v shirokom smy'sle») // «Zakon.ru» — social'naya set' yuristov. URL: https://zakon.ru/blog/2012/5/14/preodolenie_problemy_ugolovnoj_otvetstvennosti_yuridicheskix_lic_v_kontekste_koncepcii_criminal_matt

10. *Zamaxina T.* Zakry'li «stol zakazov» // Rossijskaya gazeta. 2016. 1 dekabrya.

11. *Kelina S.G.* Otvetstvennost' yuridicheskix licz v proekte novogo Ugolovnogogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Ugolovnoe pravo: Novy'e idei. M.: IGP RAN, 1994. S. 50–60.

12. Konvenciya Organizacii Ob'edinenny'x Nacij protiv korrupcii: prinyata 31.10.2003 g. Rezolyuciej № 58/4 General'noj Assamblei OON // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2006. № 26. St. 2780.

13. Konvenciya Soveta Evropy' o preduprezhdenii terrorizma: zaklyuchena v g. Varshave 16.05.2005 g. // Pravovy'e osnovy' deyatel'nosti organov vnutrennix del: sbornik normativny'x pravovy'x aktov: v 3 t. T. 1. M.: Moskva, 2006.

14. *Kuksin I.N., Chechel'niczkij I.V.* Zhestokost'yu prestupnost' ne iskorenit' // Vestnik universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 2. Yuridicheskie nauki. 2015. № 2 (7). S. 45–54. URL: <http://www.muiv.ru/vestnik/yn/chitatelnyam/podshivka-nomerov/46935/>

15. *Kuksin I.N., Chechel'niczkij I.V.* Dal'nejshie puti gumanizacii i liberalizacii ugolovnogogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii // Vestnik: gosudarstvo i pravo. Izd-vo Komi respublikan'skaya akademiya gosudarstvennoj sluzhby' i upravleniya. 2015. № 20. S. 23–30.

16. *Kulikov V.* Vinovat'x ne nashlos' // Rossijskaya gazeta. 2016. 8 noyabrya.

17. *Mixeev R.I., Korchagin A.G., Shevchenko A.S.* Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskix licz: za i protiv. Vladivostok: Izd-vo Del'nevostochnogo un-ta, 1999. 60 s.

18. O rabochej gruppe po monitoringu i analizu pravoprimenitel'noj praktiki v sfere predprinimatel'stva: Rasporyazhenie Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 16.02.2016 № 27-рр // Administraciya Prezidenta Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40530> (data obrashheniya 11.12.2016).

19. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo suda RF ot 29.11.2016 № 56 «O vnesenii izmenenij v nekotory'e postanovleniya Plenuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovaniya osnovanij i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti» // Rossijskaya gazeta. 2016. 7 dekabrya.

20. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo suda RF ot 15.11.2016 № 48 «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushhego osobennosti ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya v sfere predprinimatel'skoj i inoj e'konomicheskoy deyatel'nosti» // Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207109/

21. Poyasnitel'naya zapiska k projektu federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v nekotory'e zakonodatel'ny'e akty' Rossijskoj Federacii v svyazi s vvedeniem instituta ugolovno-pravovogo vozdejstviya v otnoshenii yuridicheskix licz» // Kriminologi RF: nauchnaya set'. URL: http://crimpravo.ru/blog/u_zakon/954.html (data obrashheniya: 28.01.2017).

22. Primerny'j Ugolovny'j kodeks SShA: Oficial'ny'j proekt Instituta amerikanskogo prava / per. s angl. A.S. Nikiforova; pod red. B.S. Nikiforova. M.: Progress, 1969. 303 s.
23. *Putin V.V.* Poslanie Federal'nomu sobraniyu. Uroki otechestvennoj istorii dolzhny' nauchit' nas primireniyu // Rossijskaya gazeta. 2016. 2 dekabrya.
24. *Putin V.V.* Poslanie Federal'nomu sobraniyu. Rossiya: obshhie idei i obshhie cennosti // Rossijskaya gazeta. 2015. 4 dekabrya.
25. *Solov'ev I.N.* Gumanizaciya zakonodatel'stva, predusmatrivayushhego otvetstvennost' za sovershenie e'konomicheskix prestuplenij, kak «myagkaya» amnistiya v sfere e'konomiki // Konsul'tantPlyus. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=-doc;base=CJI;n=80602#0>
26. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshhaya chast': uchebnik / pod red. V.N. Kudryavceva, V.V. Luneva, A.V. Naumova. M.: Yurist", 2005. 540 s.
27. *Shirokov V.A.* Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskix licz: opyt zarubezhny'x stran i perspektivy primeneniya v Rossii // Yuridicheskaya Rossiya: federal'ny'j pravovoj portal. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1252244> (data obrashheniya: 02.02.2017).

I.N. Kuksin,

A.V. Rostokinskiy

Entrepreneur as a Special Subject of Criminal and Legal Relations

The article is devoted to the analysis of amendments to the criminal and Criminal procedural codes of the Russian Federation by the Federal laws of 03.07.2016 № 323-FZ, 03.07.2016 № 325-FZ and 19.12.2016 № 436-FZ related to the specifics of the liberation and bringing entrepreneurs to criminal liability in cases of crimes in the sphere of entrepreneurial and other economic activities. The authors prove that on the basis of the new laws introduced to the criminal legislation the modern entrepreneur should be considered as a special subject of criminal legal relations.

Keywords: exemption from criminal liability; entrepreneur; indemnification; expiation; court fines; income for the purposes of reimbursement.

**М.И. Лавицкая,
С.В. Тимофеев,
О.В. Ефремова**

Дискурс о терроризме в современном мире: анализ с точки зрения теории секьюритизации

В работе на основе теории секьюритизации проанализированы особенности процесса дискурсивного конструирования угрозы терроризма в современном мире. Делается вывод, что расширительная тенденция в определении терроризма обусловлена влиянием интересов власти либо группы, контролирующей общественный дискурс и желающей упростить борьбу с возможными угрозами своему статусу через неправомерное причисление любых серьезных угроз к террористическим и легитимацию репрессивных мер против них.

Ключевые слова: терроризм; безопасность; дискурс; теория секьюритизации.

Обзорные работы по терроризму постоянно обращают внимание на отсутствие даже примерного единства в исходных понятиях, используемых в разных исследованиях. Так, М.В. Назаркин отмечает наличие более 100 определений терроризма [6: с. 27], зачастую различающихся концептуально. До недавнего времени такой широкий диапазон трактовок можно было объяснить многомерностью и сложностью самого явления, а также постоянной эволюцией терроризма в ответ на развитие общества и совершенствование способов борьбы с террором [5: с. 34]. В этом случае различные определения должны отражать разные грани терроризма либо разные исторические стадии его проявлений. Тем не менее противоречия, а иногда несовместимость конкурирующих определений, а также постоянные споры о том, можно ли относить то или иное явление к терроризму, указывают на наличие конфликтующих интересов в анализе проблемы и заставляют исследовать не только терроризм, но и сам по себе процесс причисления различного рода явлений к терроризму и формирование реакции общества и государства на эти явления после определения их как террористических.

Следует подчеркнуть, что нетривиальным является сам по себе тезис о том, что определенное явление может осознаваться или не осознаваться обществом как опасное, причисляться или не причисляться к терроризму. Нетривиально и наблюдение о том, что процесс перехода какого-либо явления в сознании общества из разряда нейтральных в угрожающие, из простого насилия в терроризм проходит закономерные стадии.

Основная заслуга в этой области принадлежит Копенгагенской школе, занимающейся критическим исследованием проблем безопасности, наиболее яркими представителями которой стали американский ученый Барри Бузан и его датские коллеги Оле Вэвер и Яап де Вильде. Согласно разработанной ими концепции [8] на первом этапе тот или иной объект начинает осознаваться и рассматриваться в качестве угрозы, на следующем — он переносится в политический дискурс и институционально утверждается в качестве угрозы безопасности, т. е. (в их терминологии) *секьюритизируется*. Причем речь может идти не только о военной безопасности, но и об экономической, экологической и др. Авторы отошли от государствоцентричного подхода к проблемам безопасности, свойственного большей части XX в., и ввели понятие «референтный объект», т. е. тот объект, которому может угрожать нововыявленный фактор. Поначалу угрожающий фактор является неполитизированным, но постепенно превращается в предмет политического обсуждения и политических решений, в конце процесса секьюритизации он рассматривается уже как экзистенциальная угроза существованию референтного объекта. Стартуя с чьего-либо заявления о том, что тот или иной фактор представляет существенную угрозу (автором такого заявления может быть не только политический деятель или руководитель, но любой субъект, способный генерировать общественно значимый дискурс), механизм секьюритизации проходит стадию постепенного консенсуального или принудительного признания этого фактора экзистенциальной угрозой и завершается последующим включением борьбы с этим фактором в формальный политический курс государства. За годы, последовавшие после формулирования теории секьюритизации, она была уточнена [11] и дополнена [10].

Теория секьюритизации вполне применима к процессу отнесения того или иного частного явления к терроризму, и постоянные дебаты относительно правомерности расширения понятия терроризм на новые классы явлений либо, напротив, исключения некоторого класса явлений из этого понятия отражают стандартный процесс интересубъектного взаимодействия в ходе секьюритизации и десекуритизации. При этом ряд неоднозначных явлений, связанных с поспешным либо неправомерным расширением понятия «терроризм», был усилен подключением ярко выраженных политических интересов к дискурсу о терроризме. И если перипетии 2000-х гг. уже нашли свое отражение в мировой науке, то происходящий на данном этапе переход к качественно новому использованию дискурса о терроризме в политической борьбе внутри и между государствами еще только предстоит осмыслить. Наиболее оптимальным инструментом для этого представляется теория секьюритизации.

Коренное изменение общественных представлений о терроризме завершилось на рубеже XX–XXI вв., когда одновременно политические лидеры многих ведущих государств дискурсивно поставили борьбу с терроризмом во главу угла политики безопасности. По всей видимости, это в первую очередь связано с изменившимся характером проявления политического насилия и его восприятия. Общее благодушие и снижение внутривнутриполитического антагонизма

в западных странах, связанное с окончанием холодной войны и совпавшее с разгромом политических террористических организаций левого толка («Красных бригад» и др.), было постепенно разрушено использованием химического оружия в токийском метро сектой «Аум Синрикё» в 1995 г. и взрывами второй половины 90-х на улицах Парижа, после которых тематика борьбы с терроризмом прочно вошла в дискурс западных политиков.

Последовавшая за пробуждением внимания к терроризму серия атак на американские объекты по всему миру, увенчавшаяся диверсионными акциями против небоскребов в Нью-Йорке в 2001 г., спровоцировала переход Соединенных Штатов от риторики и точечного вмешательства специальными силами к массивному военному вторжению в неудобные страны, в том числе в Ирак, не имевший тогда никакого отношения к исламскому терроризму.

По мере того как руководство стран НАТО принимало риторику борьбы с терроризмом, перенимать ее стали руководители и других стран. Так, руководство Российской Федерации стало характеризовать сепаратистское движение Чеченской Республики как террористическое, хотя до того, несмотря на идущую войну, воздерживалось от такого обобщения. Нельзя исключать, что принятие руководством РФ риторики борьбы с терроризмом было во многом обусловлено необходимостью повысить степень солидарности Запада с борьбой РФ со всеми проявлениями сепаратизма или бандитизма на Северном Кавказе, убедив западное руководство и западного обывателя в наличии общих проблем.

Верен ли расширительный подход к пониманию терроризма и не несет ли он самостоятельных угроз?

Артикулирование этой проблемы уже относится к началу XXI в. и связано с теми военными мерами, которые применялись США для ликвидации суверенитета стран, объявленных спонсорами терроризма (Афганистана, Ирака). Так, например, в работе Дидье Биго [7], вышедшей по свежим следам атаки на башни-близнецы в Нью-Йорке и рассылки писем со спорами сибирской язвы, осторожно поднимаются вопросы о том, как без достаточных оснований державы начинают вести такую политику, будто уже четко знают виновных и при этом готовы принимать к тем, кто объявлен виновными, неограниченные меры воздействия. В это же время в публицистике выходит целый ряд конспирологических концепций, обвинявших спецслужбы США в потворстве осуществленным диверсиям, имевшем целью предоставление повода для изменения внутренней политики США и ужесточения внешней.

Два года спустя в препринте Дэниэла Херадштейта и Дэвида Пуга [9] было исследовано изменение понятия «терроризм» за короткий период, непосредственно предшествовавший публикации. Авторы заметили, что расширилось риторическое распространение слова «терроризм» на явления, которые до того было принято именовать партизанскими движениями, сепаратизмом, гражданской войной, вооруженным сопротивлением и другими формами политического насилия. Пользуясь тем, что безопасность является в сознании общества чрезвычайно важной ценностью, ради которой оно готово идти на многие

жертвы, действующие власти самых разных стран укрепляют свою собственную легитимность через делегитимацию любых оппонентов, бросающих вызов их власти, а этого проще всего достичь, переведя политическое несогласие в разряд «криминального» действия, с которым правительство «по определению» обязано бороться. В целом ряде случаев это приводит к всплеску насилия правительства над гражданами, превышающего то насилие, с которым правительство якобы борется. Если в XIX в. слово «террор» означало большей частью насилие правительства над гражданами или диссидентскими группами, то в последнее время его стали относить к любому вооруженному сопротивлению тому актору, который использует риторику о терроризме, даже когда это сопротивление отвечает конвенциям о правилах ведения войны. В рамках же международных отношений терроризм становится ярлыком, крайней делегитимизирующей технологией, которая может быть использована для мобилизации населения наиболее развитых стран, чтобы поддержать координируемые меры подавления любого сопротивления новому мировому порядку.

Десятилетие с лишним, последовавшее после выхода перечисленных работ, подтвердило оправданность опасений авторов. Пример разрушения Ирака и огромных жертв этой страны, последовавших после агрессии США и союзников, оправдываемой якобы террористическими намерениями руководства Ирака, примеры бесчеловечного обращения с узниками Гуантанамо, примеры секретных тюрем ЦРУ по всему миру свидетельствуют о том, что пренебрежение элементарными правовыми нормами в условиях объявленной «борьбы с терроризмом» может привести к массовым нарушениям прав человека и беззакониям, сравнимым с самим терроризмом. Дополнительным негативным результатом причисления к террористам любых вооруженных противников является то, что сами противники, уже не боящиеся дополнительного очернения, начинают вести себя в соответствии с предписанной им ролью террористов, то есть прибегать к практике устрашения населения и государственных органов насильственными акциями с целью добиться от них нужных решений и действий или отказа от принятия каких-либо решений и выполнения определенных действий.

Известным примером неправомерного расширения понятия «терроризм» на явление, не имеющее ничего общего с терроризмом, является начало «анти-террористической операции» (АТО) на Украине, предпринятой как карательная акция в наказание противников февральского переворота 2014 г. в Киеве, многие из которых желали перехода юго-восточных регионов бывшей территории УССР под юрисдикцию РФ. Массированное использование тяжелого вооружения с тысячами жертв, бессудные расправы, тысячи политзаключенных и другие меры открытого террора представлены украинской пропагандой как неизбежные и необходимые издержки для предотвращения еще большей беды. Терроризм стал универсальным жупелом, используемым властями различных государств для обозначения абсолютно неприемлемого зла, в борьбе с которым допустимы и позволительны любые репрессии и другие меры, оборачиваемые обычно против политических оппонентов, включая сам террор.

К сожалению, приходится констатировать, что многолетнее нагнетание эмоционального восприятия терроризма приводит к потере рациональности, выходящей далеко за рамки простого преследования политических оппонентов (которое само по себе является обычно осмысленным, рациональным действием). Так, после принятия в июле 2016 г. так называемого пакета Яровой [1; 2] выяснилось, что оборудования, необходимого для хранения данных, которого закон требует от операторов связи, нет не только в России, но и во всем мире [4]. Из этого следует, что попытка практической реализации любой ценой тех методов борьбы с терроризмом, которые установлены данными законодательными актами, вполне может привести к критическому разрушению функциональности государственных структур РФ, превышающему результат от воздействия самих по себе террористических актов.

По нашему мнению, наиболее адекватное описание процессов, связанных с расширительным толкованием терроризма, нагнетанием общественной истерии вокруг этого явления и сбоями государственного механизма реагирования на терроризм, дает теория секьюритизации, при условии тщательного исследования интересов, задействованных в процессе субъектных интересов. Наряду с реально-практическим уровнем безопасности не менее важным является дискурсивный — тот, который используется властью (или, шире, теми, кто устанавливает в обществе повестку дня) для оправдания своей политики, ужесточения порядка и др. Именно дискурсивное включение того или иного феномена в число угроз безопасности позволяет затем включить нужные меры для действительного или мнимого обеспечения безопасности. При определении политики важным становится не то, насколько та или иная угроза реальна и существенна, а то, как она используется в правительственной и общественной риторике и какие действия вытекают из ее обсуждения.

В то же время говорить об общественной неоптимальности такого положения дел, при котором общество руководствуется не реальностью, а своим представлением о ней, некорректно, поскольку именно такое положение дел является естественным и нормальным в любую историческую эпоху. Человеку свойственно действовать не в соответствии с объективной реальностью, а в соответствии с его представлениями о ней. Рефлексируя над ошибками, человек улучшает свое представление о реальности на более верное в данном практическом контексте и т. д. Проблема заключается не в том, чтобы добиться абсолютно точного соответствия нашего понимания терроризма реальной угрозе, которую представляют его проявления, и безупречных мер для нейтрализации этих угроз, а в построении стабильно работающего адекватного механизма оценки угроз и принятия решений о них, соблюдающего интересы государства и общества, права и свободы человека.

В настоящий момент продолжается интенсивный процесс универсализации терроризма. От одной из угроз безопасности государства, пусть и ведущей, терроризм приобретает вес единой, тотальной, универсальной угрозы. Этому способствуют участвовавшие случаи террористических атак, ставшие

из единичных шокирующих случаев 1999–2000 гг. частью повседневной практики. Умножение терактов привело к разрастанию борьбы с терроризмом на внутригосударственном и международном уровнях. Так, терроризм превращается в основной объект международного сотрудничества, и уже в новой концепции внешней политики РФ [3] утверждается необходимость формирования общего фронта по борьбе с терроризмом. Однако существует и обратная связь: разрастание борьбы с терроризмом, сопровождающееся дискурсивным поднятием важности этой борьбы на невиданный ранее уровень, способствует увеличению популярности терроризма как способа борьбы с существующими порядками в условиях объективно сохраняющихся противоречий. Наиболее ярким примером этой неожиданной связи стало появление ИГИЛ, спровоцированное многолетней «борьбой с терроризмом» в Ираке.

Насколько бесконечна спираль ужесточения репрессий под предлогом борьбы с терроризмом и разрастания самого терроризма в ответ на ужесточение репрессий и повышение популярности терроризма? Ответ на этот вопрос будет дан практикой, но по всем признакам существует некий предел, когда общество перестает реагировать на теракты как на раздражители и шокирующие моменты, оправдывающие любые репрессии. Участившиеся теракты в современной Франции окончательно подорвали доверие к президенту Олланду. Государственная политика, не дающая результатов, в итоге теряет тот карт-бланш, который выдавался власти обществом на борьбу с терроризмом ради безопасности. Общество обращает свой гнев на государство, оказавшееся неспособным обеспечить безопасность, а не на самих террористов. Так, политика неограниченного приема мигрантов в Европе уже начинает считаться большей причиной терроризма, чем сами террористы, а стандартные меры борьбы с терроризмом — совершенно неадекватным ответом, не относящимся к основной причине явления.

Любые прогнозы о специфике будущего общества, в котором релевантность государственного дискурса борьбы с террором будет девальвирована, должны быть крайне осторожными, поскольку различные страны будут выбирать разные стратегии выхода из нынешнего тупика. Если события пойдут по этому опасному руслу, то главным вопросом для каждой страны станет уже не стратегия борьбы с террором, а стратегия реконструкции общественной жизни и элементарного правопорядка в «посттеррористической» реальности, в которой прежние инструменты обеспечения безопасности либо полностью потеряют свою эффективность, либо станут общественно неприемлемыми.

Литература

1. Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.07.2016).

2. Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.07.2016).

3. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6886.

4. Достаточного количества оборудования для исполнения «закона Яровой» нет даже за рубежом, сообщили в МЭР // Информационный интернет-ресурс «NEWSru.com». URL: <http://newsru.com/russia/14jul2016/zakonyarovoy.html> (дата обращения: 21.07.2016).

5. *Задорожная И.В.* Криминологическая характеристика терроризма в системе современного преступного насилия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 205 с.

6. *Назаркин М.В.* Криминологическая характеристика и предупреждение терроризма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 197 с.

7. *Bigo D.* La voie militaire de la «guerre au terrorisme» et ses enjeux // *Cultures & Conflicts*. 2001. № 44. P. 5–18.

8. *Buzan B.G., Woever O., de Wilde J.* Security. A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 1998. 239 p.

9. *Heradstveit D. Pugh D.C.* The Rhetoric of Hegemony. How the extended definition of terrorism redefines international relations. Oslo: Norsk Utenrikspolitisk Institutt. 2003. № 649. P. 1–17.

10. *Knudsen O.* Post-Copenhagen Security Studies: Desecuritizing Securitization // *Security Dialogue*. 2001. Vol. 32. № 3. P. 355–368.

11. *Stritzel H.* Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond // *European Journal of International Relations*. 2007. № 13. P. 357–383.

Literatura

1. Federal'nyj zakon ot 06.07.2016 № 374-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'ny'j zakon «O protivodejstvii terrorizmu» i otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty' Rossijskoj Federacii v chasti ustanovleniya dopolnitel'ny'x mer protivodejstviya terrorizmu i obespecheniya obshhestvennoj bezopasnosti» // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashheniya: 07.07.2016).

2. Federal'ny'j zakon ot 06.07.2016 № 375-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii v chasti ustanovleniya dopolnitel'ny'x mer protivodejstviya terrorizmu i obespecheniya obshhestvennoj bezopasnosti» // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashheniya: 07.07.2016).

3. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30.11.2016 № 640 «Ob utverzhdenii Konceptcii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2016. № 49. St. 6886.

4. Dostatochnogo kolichestva oborudovaniya dlya ispolneniya «zakona Yarovoj» net dazhe za rubezhom, soobshhili v ME'R // Informacionny'j internet-resurs «NEWSru.com». URL: <http://newsru.com/russia/14jul2016/zakonyarovoy.html> (data obrashheniya: 21.07.2016).

5. *Zadorozhnaya I.V.* Kriminologicheskaya karakteristika terrorizma v sisteme sovremennogo prestupnogo nasiliya: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2001. 205 s.

6. *Nazarkin M.V.* Kriminologicheskaya karakteristika i preduprezhdenie terrorizma: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1998. 197 s.

7. *Bigo D.* La voie militaire de la «guerre au terrorisme» et ses enjeux // *Cultures & Conflicts*. 2001. № 44. P. 5–18.

8. *Buzan B.G., Woever O., de Wilde J.* *Security. A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 1998. 239 p.

9. *Heradstveit D.* Pugh D.C. *The Rhetoric of Hegemony. How the extended definition of terrorism redefines international relations*. Oslo: Norsk Utenrikspolitisk Institutt. 2003. № 649. P. 1–17.

10. *Knudsen O.* *Post-Copenhagen Security Studies: Desecuritizing Securitization // Security Dialogue*. 2001. Vol. 32. № 3. P. 355–368.

11. *Stritzel H.* *Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond // European Journal of International Relations*. 2007. № 13. P. 357–383.

M. I. Lavitskaya,

S. V. Timofeev,

O.V. Efremova

**The Discourse on Terrorism in the Modern World:
an Analysis from the Point of View of the Securitization Theory**

On the basis of the securitization theory the features of the discursive construction process of the threat of terrorism in the modern world are analyzed. The authors came to the conclusion that the expansionary trend in the definition of terrorism arises from the influence of the interests of government or groups controlling public discourse and eager to simplify the work against the possible threats to their status through illegal attaching any serious threats to terroristic and legitimization of repressive measures against them.

Keywords: terrorism; security; discourse; theory of securitization.

О.В. Ефимова

Договор специального банковского счета эскроу

Проводимое реформирование гражданского законодательства Российской Федерации вызывает возникновение новых гражданско-правовых явлений. Одной из таких новелл стал банковский счет эскроу, относимый к категории специальных в силу специфики банковских операций, совершаемых по нему. Однако именно содержание прав и обязанностей участников договора счета эскроу вызывает в литературе споры в отношении правовой природы исследуемого счета.

Ключевые слова: счет эскроу; договор банковского счета; депонент; эскроу-агент.

Глава 45 ГК РФ «Банковский счет» была дополнена новыми видами счетов. Федеральным законом от 21.12.2013 № 379-ФЗ в ГК РФ были введены новые разновидности договора банковского счета: «договор номинального счета» и «договор счета эскроу». Данные нормативные положения вступили в силу 1 июля 2014 г.

Согласно п. 2.8. Инструкции Банка России от 30 мая 2014 г. № 153-И «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов»¹ (далее по тексту — Инструкция 153-И) физическим, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям и физическим лицам, занимающимся в установленном законом порядке частной практикой, открываются специальные банковские счета. В указанном пункте Инструкции 153-И содержится примерный перечень таких специальных банковских счетов. Среди данного перечня указан и счет эскроу.

Определения специального банковского счета в законодательстве не содержится.

Можно согласиться с предложением Е.А. Абрамовой, которая определяет специальный банковский счет «как банковский счет, на котором учитываются денежные средства, предназначенные для обособления от иных денежных средств, находящихся на банковских счетах владельца счета» [1].

¹ Вестник Банка России. 2014. № 60.

Данное обособление обусловлено функцией соответствующего специального счета, определенной, в свою очередь, теми операциями, которые могут совершаться по указанному счету.

Счет эскроу реализуется в банковских правоотношениях и может быть представлен как «депонирование одним лицом денежных средств или иных активов у третьего лица для выплаты или передачи определенному лицу при выполнении определенных условий» [4].

Согласно п. 1 ст. 860.7 ГК РФ договор счета эскроу — договор, в соответствии с которым банк (он же — эскроу-агент) открывает специальный счет эскроу для приема, учета и возможной блокировки денежных средств, полученных им от владельца счета (или иначе — депонента) в целях их передачи другому лицу (именуемого также бенефициар) при возникновении оснований, предусмотренных договором между депонентом, эскроу-агентом и бенефициаром.

В соответствии с заключенным договором по данному счету производятся только две банковские операции:

- разовое зачисление определенной денежной суммы при открытии счета эскроу;
- выдача данной суммы бенефициару при наступлении условия, определенного сторонами в договоре.

Производить какие-либо иные операции в течение нахождения денег на счете до наступления определенного условия нельзя, если иное не предусмотрено договором счета эскроу. Не допускаются ни дополнительные зачисления, ни перечисления, ни снятие денежных средств без наступления согласованного сторонами условия. Также и банку (эскроу-агенту) запрещено удерживать со счета эскроу денежные средства в счет уплаты вознаграждения за совершение операции по счету.

В силу наличия запрета на передвижение денежных средств со счета, деньги, зачисленные на счет, депонируются, и поэтому ГК именует договор счета эскроу также договором условного депонирования (п. 3 ст. 860⁸).

Правовой режим существования данного счета, особенности прав и обязанностей участников правоотношений счета эскроу вызывают в среде ученых дискуссии о природе этого правового явления.

Необходимость обеспечить сохранность определенной денежной суммы роднит счет эскроу, по мнению некоторых авторов, с отношениями по хранению. Так, В.В. Батин считает, что тождественными отношениями к отношениям, возникающим из договора счета эскроу, в российском законодательстве является договорный секвестр как форма хранения вещи, являющейся предметом спора [3]. Действительно, элементы хранения определенного имущества (безналичных денежных средств) одного лица (депонента) другим лицом (эскроу-агентом) присутствуют в данных отношениях в силу отсутствия права пользования и распоряжения деньгами до определенного момента.

Другие авторы соотносят счет эскроу с аккредитивной формой расчета [2].

Последнее утверждение представляется не вполне верным. В данном случае происходит смешение понятий основания возникновения прав и обязанностей и формы реализации прав/обязанностей.

В соответствии с п. 1.2. Инструкции № 153-И основанием возникновения отношений по счету, равно как и самого счета, является договор счета соответствующего вида и совершение ряда действий, определенных в указанном подзаконном акте. Для заключения договора необходимо:

- представить документы и информацию, определенную законодательством РФ;
- личное присутствие владельца счета, выгодоприобретателя (при его наличии как в отношениях по счету эскроу) или их представителей для проведения их идентификации.

При этом заключенный договор банковского счета может являться основанием для открытия его владельцу нескольких счетов соответствующего договору вида.

В отличие от иных счетов, в том числе специальных, при открытии счета эскроу по общему правилу не требуется составления карточки с образцами подписей тех лиц, которые вправе распоряжаться средствами по счету. Это определено наличием в договоре условия о том, что операции по счету осуществляются исключительно на основании распоряжения клиента (бенефициара счета эскроу), а распоряжения, необходимые для проведения банковской операции, составляются и подписываются банком.

Таким образом, договор счета эскроу является основанием для проведения соответствующих расчетов в согласии с действующим законодательством.

Порядок осуществления банками расчетов как в наличной, так и в безналичной форме регулируется положением ЦБ РФ № 383-П от 19.06.2012 «Положение о правилах осуществления перевода денежных средств» (далее по тексту — Положение № 383).

В соответствии с п. 1 указанного Положения № 383 безналичные расчеты могут осуществляться только в рамках таких форм, как:

- расчеты платежными поручениями;
- расчеты по аккредитиву;
- расчеты инкассовыми поручениями;
- расчеты чеками;
- расчеты в форме перевода денежных средств по требованию получателя средств (прямое дебетование);
- расчеты в форме перевода электронных денежных средств.

Конкретные формы расчетов избираются плательщиками и получателями средств самостоятельно и могут предусматриваться договорами, которые заключаются ими с контрагентами.

Исходя из норм Положения № 383, форма расчетов определяет последовательность действий участников отношений, связанных с передачей/зачислением денежных сумм.

Как видим, в предложенном законодателем закрытом перечне форм безналичных перечислений формы расчетов эскроу не существует. При открытии счета эскроу могут быть использованы только имеющиеся формы. Анализ данных форм расчетов покажет, что наиболее приемлемой для реализации положений договора счета эскроу будет аккредитивная форма.

Алгоритмы действий, предусмотренных ст. ст. 860⁷–860¹⁰ ГК и нормами главы 6 Положения № 383, в целом совпадают и включают в себя:

- формирование счета с зачислением определенной денежной суммы;
- перечисление/выдачу денежной суммы бенефициару при условии наступления определенного условия, подтвержденного необходимыми документами.

В отношении возможности наступления условия, которое служит «спусковым механизмом» для совершения действия по передаче суммы бенефициару, сторонам доподлинно неизвестно. В противном случае по истечении определенного срока или при расторжении договора деньги возвращаются владельцу счета (депоненту).

Что это должно быть за условие — стороны согласуют сами. В силу возможности данного выбора, депонент и бенефициар могут сформулировать в качестве такого обстоятельства неисполнение владельцем счета (депонентом) своих обязанностей по иному, основному договору, заключенному с бенефициаром в пользу последнего. Согласование данного условия может быть осуществлено сторонами как в отдельном договоре о счете эскроу, так и в самом основном договоре. Единственное требование к такому договору (исходя из положений п. 2 ст. 860⁷ ГК) — участие в данном договоре банка (эскроу-агента). В силу данного требования договор банковского счета эскроу является трехсторонним.

Определение отношений, возникающих при открытии счета эскроу как доверительного гражданско-правового обязательства со множественностью лиц, выполняющего обеспечительные и гарантирующие функции, рассматривается в юридической литературе [3].

По нашему мнению, признание, при определенной оговорке, за счет эскроу обеспечительных функций, призванных стимулировать одно лицо (депонента) к надлежащему исполнению определенных действий в пользу другого лица (бенефициара) под страхом потери задепонированной у третьего лица (эскроу-агента) денежной суммы, позволяет определить рассматриваемые отношения как способ обеспечения исполнения обязательства. В качестве такой оговорки следует указать на сущность обстоятельства, определенного сторонами в договоре счета эскроу как условие для передачи денег бенефициару. Отношения по счету эскроу становятся именно обеспечительными при согласовании сторонами не любого условия, а связанного с неисполнением должником (депонент в договоре счета эскроу) своих обязанностей к кредитору (бенефициар в договоре счета эскроу) по иному гражданско-правовому обязательству между данными сторонами.

Таким образом, договор банковского счета эскроу является основанием для осуществления соответствующей формы расчетов, но не собственно отдельной формой безналичных расчетов. Выбор формы безналичных расчетов

из определенных законодателем форм в Положении № 383 определяется операциями по счету, которые участники указанного договора вправе осуществлять в соответствии со ст.ст. 860⁷–860¹⁰ ГК. В то же время именно особенности реализации операций по счету эскроу, определенные правами и обязанностями депонента, эскроу-агента и бенефициара, указывают на обеспечительную функцию данных расчетов по отношению к иному, основному обязательству, заключенному между депонентом и бенефициаром.

Литература

1. *Абрамова Е.А.* Специальный банковский счет: правовая природа и классификация // *Право и экономика*. 2016. № 7. С. 46–54.
2. *Адельшин Р.Н.* Особенности правовой квалификации сделок эскроу // *КонсультантПлюс*. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJI;n=97202#0>
3. *Батин В.В.* Правовая природа договора условного депонирования (эскроу) // *Безопасность бизнеса*. 2013. № 2. С. 19–22.
4. *Маляревская Ю.Н.* Банковское дело. Англо-русский толковый словарь. М.: Олма-пресс, 2005. 736 с.

Literatura

1. *Abramova E.A.* Special'ny'j bankovskij schet: pravovaya priroda i klassifikaciya // *Pravo i e'konomika*. 2016. № 7. S. 46–54.
2. *Adel'shin R.N.* Osobennosti pravovoj kvalifikacii sdelok e'skrou // *Konsul'tant-Plyus*. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJI;n=97202#0>
3. *Batin V.V.* Pravovaya priroda dogovora uslovnogo deponirovaniya (e'skrou) // *Bezopasnost' biznesa*. 2013. № 2. S. 19–22.
4. *Malyarevskaya Yu.N.* Bankovskoe delo. Anglo-russkij tolkovy'j slovar'. M.: Olma-press, 2005. S. 736.

O.V. Efimova

The Special Contract of the Bank Block Account

The ongoing reform of the civil legislation of the Russian Federation causes the existence of new civil law phenomena. Bank blocked account classified as special due to the nature of banking operations performed on it became one of the new phenomena. However, the contents of the rights and obligations of the parties to the bank blocked account cause the controversy over the legal nature of the examined accounts in literature.

Keywords: bank block account; the bank account agreement; the depositor; agent-escrow.

А.Д. Калмыкова

Гражданское общество и публичная власть: особенности взаимодействия

Статья посвящена актуальному вопросу развития современной российской государственности: взаимодействию публичной власти и гражданского общества. Сделан вывод, что в современных условиях публичная власть и гражданское общество уже не противопоставляются, но, напротив, сближаются.

Ключевые слова: гражданское общество; публичная власть; государство; политические партии.

В современных условиях, когда продолжается реформирование и активное развитие системы государственной власти в Российской Федерации, возникает множество теоретических и практических вопросов, которые лежат в плоскости государственно-общественного взаимодействия. Одним из этих вопросов, требующих своего разрешения, является вопрос о соотношении публичной власти и формирующегося гражданского общества.

Актуальность исследования вопросов взаимодействия публичной власти и гражданского общества определяется следующими факторами:

- 1) формирование гражданского общества является важной составной частью процесса построения правового государства;
- 2) публичная власть выступает системообразующим и структурирующим фактором общественного развития;
- 3) механизм современной демократии предусматривает тесное взаимодействие органов власти и институтов гражданского общества как гарантии реализации принципа народовластия.

В современной юридической доктрине достаточно подробно разработаны основные положения, касающиеся сущности и структуры гражданского общества, а также путей его формирования. Эти положения могут быть выражены в следующих пунктах, имеющих непосредственное отношение к проблеме настоящего исследования:

1) гражданское общество понимается как альтернативная государству структура, которая выступает своего рода арбитром в контексте баланса публичных и частных интересов;

2) система, в совокупности обозначенная как гражданское общество, состоит из значительного числа различных и по форме, и по направлениям деятельности элементов, или институтов;

3) важным структурным элементом гражданского общества выступают политические партии;

4) наличие гражданского общества выступает необходимой предпосылкой правовой государственности.

Публичная власть является производной от публичного интереса. Публичный интерес, в свою очередь, формируется как сумма частных интересов. Но эта сумма приобретает новое качество, и понятие публичного интереса всегда было политизировано, за ним нередко скрывались злоупотребления властью [3: с. 10].

Представляется необходимым посмотреть на публичные интересы более широко. Не следует отождествлять их только с государственными интересами, стоит признать наличие собственных интересов и у общества, причем общественные интересы могут иметь не меньшее значение, чем государственные.

Современные ученые, исследовавшие вопросы взаимодействия гражданского общества и государства, полагают, что эти структуры взаимозависимы, и гражданское общество не может существовать без государства [4: с. 56].

Примерно то же самое можно сказать и о взаимодействии гражданского общества с публичной властью. При этом следует учитывать, что понятие «публичная власть» шире, чем понятие «государственная власть», следовательно, точек соприкосновения с гражданским обществом у публичной власти больше.

Взаимодействие гражданского общества и публичной власти можно охарактеризовать как противоречивое. Противоречие определяется, прежде всего, разными методами деятельности.

Деятельность гражданского общества — это сфера частного права и связанной с ним координации отношений равноправных субъектов.

Публичная власть, как следует из ее названия и природы, функционирует в сфере публичных правоотношений, которые основаны на субординации и подчинении.

Гражданское общество выражает интересы большого числа частных лиц, в то время как публичная власть защищает публичный интерес. Но частные и публичные интересы не являются противоположными, они взаимосвязаны и взаимозависимы. Представляется, что публичный интерес складывается как одновекторная совокупность частных интересов.

Когда мы говорим о публичной власти, то, как правило, имеем в виду государственную власть и местное самоуправление. Но существует точка зрения, что в публичную власть следует включать еще и так называемую общественную власть [1: с. 357–362].

Ученые полагают, что выделение общественной власти и включение ее в состав публичной власти имеет большое значение. Во-первых, тем самым признается существование и существенная роль общества как силы, влияющей на власть. Во-вторых, общество и государство влияют друг на друга и дополняют друг друга в своем воздействии на личность. В-третьих, общество через свои институты влияет на государство, обеспечивая свои интересы и защищая интересы личности [2].

Расширение понятия публичной власти приводит к тому, что публичная власть и гражданское общество уже не противопоставляются, но, напротив, сближаются. Фактически сегодня можно говорить о начале процесса конвергенции публичной власти и гражданского общества.

Значение данного процесса состоит в том, что общество через свои институты может помогать государству в реализации его функций, а также оказывать влияние на него. В связи с этим в политико-правовую практику введен такой термин, как «консультативная демократия», которая подразумевает сочетание и использование возможностей всех разновидностей публичной власти [2].

Возникает закономерный вопрос о том, насколько публичная власть вписывается в конституционную систему разделения властей. По нашему мнению, речь должна идти о взаимных ограничениях: государство ограничено в своем вмешательстве в дела общества, в свою очередь, гражданское общество ограничено в своем воздействии на государство и его политику.

Взаимодействие публичной власти и гражданского общества проявляется в следующем:

1. В соответствии с Конституцией Российской Федерации, единственным источником власти в нашей стране является многонациональный народ России; отсюда следует, что в основе полномочий публичной власти лежит воля народа, и эта же воля проявляется в деятельности гражданского общества.

2. Политические партии являются неотъемлемым элементом политической системы современного государства, важным звеном в механизме осуществления публичной власти. Они аккумулируют в себе волю определенной части населения страны и реализуют ее во властных отношениях. Одновременно политические партии, которые не находятся у власти, выступают как полноценный институт гражданского общества. Таким образом, можно согласиться с позицией В.В. Лапаевой, которая пишет, что «с одной стороны, партия предстает как институт гражданского общества, то есть как структурный элемент сферы частных отношений, не зависящих от государственной власти, а с другой — она выступает как часть государственно-политической системы» [5: с. 182].

Таким образом, можно рассматривать политические партии как связующее звено между публичной властью и гражданским обществом. Более того, политические партии представляют собой едва ли не единственный институт гражданского общества, который имеет право участвовать в политической жизни и борьбе за власть. Другие институты гражданского общества не имеют возможности такого непосредственного воздействия на публичную власть.

3. Гражданское общество может выступать эффективным средством контроля за деятельностью публичной власти. Неограниченная и неконтролируемая власть порождает злоупотребления, что непосредственным образом негативно влияет на народовластие.

В целом можно констатировать особую роль политических партий в системе взаимодействия публичной власти и гражданского общества. Именно политические партии выступают связующим звеном, которое объединяет различные уровни общественно-властного взаимодействия.

Это вытекает из дуалистической природы политических партий. С одной стороны, политическая партия является добровольным общественным объединением, созданным по инициативе граждан, то есть институтом гражданского общества. С другой стороны, главным назначением политических партий является участие в политической жизни общества, в легитимном механизме конструирования властных структур.

Исторически государство и имманентно присущая ему публичная власть противопоставлялись гражданскому обществу. Сейчас это противопоставление уходит в прошлое, уступая место иным подходам. По мнению Ю.А. Тихомирова, «государство есть особый институт общества, которому оно поручило выполнение общих дел. Собственно гражданское общество, основанное на равенстве прав граждан и их публичном приоритете, является производителем материальных и духовных благ и призвано заботиться о безопасности всех и каждого, решать общественные вопросы и контролировать государственные институты» [7: с. 36].

Принятие такой концепции порождает неизбежность общественного контроля — контроля общества за публичной властью.

Институты общественного контроля можно разделить на две основные группы: институты, выявляющие общественное мнение, и институты, непосредственно выполняющие функцию общественного контроля. К числу последних относятся политические партии, общественные объединения, профсоюзы, саморегулируемые организации, творческие союзы [6: с. 131].

Таким образом, институты общественного контроля также выступают связующим звеном между публичной властью и гражданским обществом. Более того, институты гражданского общества фактически и есть институты общественного контроля. В итоге можно констатировать фактическое и содержательное единство гражданского общества и публичной власти.

Литература

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2014. 864 с.
2. Авакьян С.А., Арбузкин А.М., Кененова И.П. и др. Современные проблемы организации публичной власти: монография. М.: Юстицинформ, 2014. 596 с.
3. Байтеева М.В. Гражданское общество и государство: генезис и проблемы развития: монография. Казань: Отечество, 2008. 382 с.
4. Грудцына Л.Ю., Иванова С.А., Пашенцев Д.А. Развитие институтов гражданского общества в системе частноправовых отношений: монография. М.: Юркомпани, 2015. 116 с.

5. Лапаева В.В. Право и многопартийность в современной России. М.: Норма, 1999. 304 с.
6. Стародубова О.Е. Общественный контроль: правовая поддержка // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 130–136.
7. Тихомиров Ю.А. Гражданское общество в фокусе права // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 35–45.

Literatura

1. Avak'yan S.A. Konstitucionnoe pravo Rossii: uchebny'j kurs: v 2 t. T. 1. M.: Norma, 2014. 864 s.
2. Avak'yan S.A., Arbuzkin A.M., Kenenova I.P. i dr. Sovremennyy'e problemy' organizacii publichnoj vlasti: monografiya. M.: Yusticinform, 2014. 596 s.
3. Bajteeva M.V. Grazhdanskoe obshhestvo i gosudarstvo: genezis i problemy' razvitiya: monografiya. Kazan': Otechestvo, 2008. 382 s.
4. Grudczy'na L.Yu., Ivanova S.A., Pashencev D.A. Razvitie institutov grazhdanskogo obshhestva v sisteme chastnopravovy'x otnoshenij: monografiya. M.: Yurkompani, 2015. 116 s.
5. Лапаева В.В. Право и многопартийность в современной России. М.: Норма, 1999. 304 с.
6. Стародубова О.Е. Общественный контроль: правовая поддержка // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 130–136.
7. Тихомиров Ю.А. Гражданское общество в фокусе права // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 35–45.

A.D. Kalmykova

Civil Society and the Public Sector: Features of Interaction

The article is devoted to the development of the modern Russian state: the interaction of public authority and civil society. It is concluded that in modern conditions the public authorities and civil society are not opposed but on the contrary are moving closer.

Keywords: civil society; public authority; a state; political parties.

С.В. Бочкарев

Проект Конституции 1848 г. Э. Лабулэ (перевод с французского и комментарий)

В статье анализируются политико-правовые взгляды Э. Лабулэ на конституционное строительство во Франции в 1848 г. Представлен проект Конституции Э. Лабулэ, впервые переведенный автором на русский язык.

Ключевые слова: Конституция; права и свободы; законодательство; исполнительная власть; законодательная власть; Э. Лабулэ.

Эдуард Рене Лефевр де Лабулэ (Édouard René Lefebvre de Laboulaye) (1811–1883) — французский ученый, историк, правовед, политический деятель.

Э. Лабулэ родился 18 января 1811 г. в Париже. В 1833 г. закончил колледж Людовика Великого в Школе правоведения, где получил степень лиценциата права. В 1842 г. Э. Лабулэ был принят в коллегия практикующих адвокатов апелляционного суда Парижа. Спустя три года избирается действительным членом Академии наук Франции за научное исследование по истории права собственности на землю. Поворотный момент в деятельности Э. Лабулэ связан с революцией 1848 г., когда он начинает заниматься государственно-правовой проблематикой и политическими вопросами.

В феврале 1848 г. во Франции было сформировано Временное правительство. 23 апреля 1848 г. прошли выборы в Учредительное собрание, которое провозгласило Францию республикой и сформировало конституционную комиссию, состоящую из 18 человек, для разработки проекта Конституции.

19 июня проект Конституции был представлен Учредительному собранию, которое передало его для обсуждения в 15 бюро, образованных депутатами. Окончательный текст Конституции с учетом многочисленных правок был принят Учредительным собранием 4 ноября 1848 г.

Э. Лабулэ не был депутатом Конституанты и не участвовал в работе конституционной комиссии. Однако проект Основного закона, представленный конституционной комиссией 19 июня, обусловил его желание предложить

свой проект Конституции (далее — проект). Э. Лабулэ издает «Рассуждения по поводу Конституции» (*Considérations sur la Constitution*), где, с одной стороны, критикует представленный комиссией проект Конституции, а с другой стороны, взяв за основу законопроект комиссии, обнародует собственный.

Авторов, представивших проект Основного закона, Э. Лабулэ называет мечтателями, которые навязывают Франции свои догмы, но о стране не заботятся. В то время как у законодателя нет «никакой другой миссии, чем для устранения препятствий, которые мешают свободе индивида» [2: с. 111]. Воплощение свободы зависит от воли государства, а точнее, от ее конституционного закрепления. В своих работах Э. Лабулэ несколько раз дает определение Конституции. В «Рассуждениях по поводу Конституции» Основной закон, по мнению французского правоведа, это «лучшее распределение сильных сторон общества для достижения определенной цели, которая признается законодателем, а после него нацией» [2: с. 24–25]. В более поздней его работе «Французская администрация и законодательство», Конституция — это «гарантия свободы, граница, раздельная линия общественных властей» [1: с. 22]. Таким образом, для Э. Лабулэ Конституция предназначена, прежде всего, для структурирования общества посредством государственно-правовых институтов при гарантиях соблюдения свободы.

Основами общества являются собственность и индивидуальная (личная) свобода. По мысли Э. Лабулэ, это естественные права, поскольку «Бог, создав человека свободным, мудрым, ответственным, связав с другими людьми, предоставив ему землю, он дал эти права, которые любой законодатель обязан соблюдать» [2: с. 45]. Однако права и свободы не надо фиксировать в декларациях прав. Обращаясь к конституционной истории Франции и к проекту Конституции, представленному комиссией, Э. Лабулэ подчеркивал, что права и свободы не нуждаются в закреплении в декларациях, поскольку «в их напыщенных преамбулах, без законодательной полезности, любое перечисление является незначительным» [2: с. 50]. Посредством деклараций государство лишь признает права, но их не предоставляет.

Тем не менее некие максимы в формулировке Э. Лабулэ необходимо закрепить в Конституции, поскольку «они не из напрасных определений без положительных применений, а живые распоряжения, которые господствуют над всем законодательством; у этих постановлений есть... значимость, такая, что справедливо их помещать выше каприза временного большинства» [2: с. 116]. Этими максимами были: отмена рабства, цензуры, смертной казни по политическим вопросам и т. д. (ст. ст. 70, 72, 73 проекта).

Э. Лабулэ относил к конституционно-правовым принципам те, которые должны регулироваться органическими законами [2: с. 117]: избирательным, муниципальным, о судебной власти и т. д. (ст. ст. 14, 50, 55 проекта). С точки зрения современного конституционного права в преамбуле проекта текстуально закреплялись два основных принципа — народного суверенитета и разделения властей (ст. ст. 2–4 проекта).

Свой подход к структуре и содержанию проекта Конституции Э. Лабулэ называет американским. Действительно, влияние Конституции США 1787 г. на проект весьма заметно: наименование палат парламента (ст. 5 проекта), учреждение должности вице-президента (ст. 49 проекта), процедура принятия законодательных актов (ст. 29 проекта). Следует отметить, что Э. Лабулэ в 50–60-е гг. XIX в. изучал политическую историю США, читал соответствующий университетский курс, который был опубликован в трех томах, являлся председателем французского общества борьбы против рабства, автором идеи передачи США в дар от французского народа статуи Свободы.

Особое внимание в своем проекте французский исследователь уделил исполнительной власти и ее главе — президенту республики. Э. Лабулэ подчеркивал, что необходимо «обеспечить полную независимость исполнительной власти» [2: с. 91]. Для этого предлагалось, во-первых, предусмотреть ответственность всех агентов исполнительной власти, включая президента (ст. 47 проекта), во-вторых, предоставить президенту право назначать членов правительства (ст. 44 проекта), в-третьих, наделить президента правом суспензивного вето (ст. 29 проекта).

Наконец, в проекте Конституции предусматривалась бикамеральная структура парламента. Э. Лабулэ последовательно выступал за создание второй палаты, считая, что «единственная ассамблея, чем бы она ни была, конституантой или законодательным органом, будет вести страну к анархии и революции. Нет необходимости приводить примеры этой истины; я думаю, что было бы невозможно назвать обратный пример. Единственная Палата, на мой взгляд, была самой большой ошибкой революции, источником наших бед и расстройств» [3: с. 161–162]. Соответственно, вторая палата «обеспечит достаточное спокойное обсуждение и голосование законов, для того, чтобы замечания президента были серьезно рассмотрены, подробно обсуждены, и чтобы истинные интересы страны расцвели» [2: с. 94]. Э. Лабулэ предусматривал особый характер формирования состава Сената, отмечая, что таким образом «мы организуем единственную истинную аристократию, которую такая страна, как наша, может принять, т. е. талант и опыт, который вызывает уважение и послушание» [2: с. 122].

«Придать содержание идеям, которые я отстаивал», — так Э. Лабулэ охарактеризовал собственный проект Конституции [2: с. 115].

Проект Конституции [2: с. 125–135]

1. Французская республика едина и неделима.
2. Суверенитет принадлежит совокупности французских граждан; он неотъемлем и неотчуждаем. Никакая часть народа, никакой индивид не может взять на себя его осуществление.
3. Вся государственная власть исходит от народа [ни одна должность не может присваиваться тем, кто ее осуществляет].
4. Разделение властей [на законодательную, исполнительную и судебную] является первым условием свободного правления.

Глава I. Законодательная власть

5. Законодательный корпус состоит из Палаты представителей и Сената.

6. Избрание представителей основывается на численности населения [один представитель от пятидесяти тысяч избирателей].

7. В течение десяти лет Законодательный корпус, исходя из предоставленного ему списка населения, определяет число представителей, которые должны быть посланы каждым департаментом; в течение всего этого периода в распределении не может быть произведено никаких изменений.

8. Избирательное право — прямое и всеобщее.

9. Избирателями являются все французы в возрасте от двадцати одного года, пользующиеся своими гражданскими и политическими правами [уплачивающие налог на недвижимое имущество, размер которого будет определен избирательным законом, но размер налога не может быть меньше... франков, ни больше... франков].

10. Голосование является тайным.

11. Избрание представителей будет происходить по избирательным участкам в административном центре кантона и в специально обозначенных округах.

12. Палата представителей избирается на три года и обновляется лишь в полном своем составе.

13. Сенат состоит из ... членов. Каждый департамент назначает сенатора путем прямого и всеобщего голосования; также сенаторов выбирают от сельского хозяйства, промышленности, коммерции, армии, флота, магистратуры, медицины, науки и искусства.

14. Распределение назначаемых представителей по основным направлениям общественной деятельности, а также установление порядка и условия проведения выборов определяется органическим законом.

15. Сенат избирается на девять лет; он обновляется на треть каждые три года.

16. Каждая Палата проверяет полномочия своих членов и принимает решение о правомочности выборов.

17. Законодательный корпус заседает постоянно; тем не менее он может прервать заседания на определенный срок, который не может превышать шести месяцев.

18. Представители и сенаторы могут переизбираться неограниченное число раз.

19. Члены Законодательного корпуса являются представителями не только избравшего их департамента, но и всей Франции.

20. Они не могут быть связаны императивным мандатом.

21. Они неприкосновенны. Они никогда не могут быть преследуемы, обвиняемы и судимы за мнения, которые высказали в Палате.

22. Они не могут быть привлечены к ответственности или арестованы по уголовному делу, за исключением случаев задержания на месте преступления, до тех пор пока не последует разрешение со стороны Палаты.

23. Мандат депутата несовместим с обязанностями, от которых исполняющее их лицо может отказаться по собственному желанию [или требует присутствия парламентария в Палате, запрещая ему исполнять служебные обязанности на расстоянии более чем 20 км от Парижа].

24. Избирательный закон определит, осуществление каких функций является исключением и совместимы с парламентским мандатом.

25. Каждый представитель [каждый сенатор] получает вознаграждение, от которого он не может отказаться [это вознаграждение также для всех членов Законодательного корпуса].

26. Заседания [двух] Палат публичны; однако каждая из них может сформировать тайный комитет по желанию некоторого количества его членов, которое определено регламентом.

27. Законодательный корпус принимает законы и декреты; декреты регулируют только местные и частные интересы.

Присутствие членов каждой Палаты в количестве одним человеком больше половины необходимо для того, чтобы голосование законов было действительным; регламент каждой Палаты определяет количество членов для действительности декретов.

28. Право законодательной инициативы принадлежит каждой из двух Палат как в налогообложении, так и в любых других вопросах.

29. Любой проект, вотированный Сенатом и Палатой представителей, прежде чем стать законом, будет представлен Президенту: если он одобряет законопроект, то подписывает его; если не одобряет, то возвращает его со своими возражениями в ту Палату, откуда исходит законопроект; она будет обсуждать законопроект снова. Если большинство в две трети голосов выносит решение в пользу законопроекта, он направляется вместе с возражениями Президента в другую Палату, которая также будет его обсуждать, и если она одобрит законопроект двумя третями голосов, то он станет законом; во всех указанных случаях, голосование должно быть в форме высказывания «да» или «нет», а имена участвующих в голосовании зарегистрированы в *Монитере*.

30. Если в течение десяти дней [не считая воскресных] Президент не возвращает законопроект, который был ему представлен, этот законопроект становится законом, как если бы он его подписал.

31. Палата представителей использует право импичмента только по политическим причинам; Сенат имеет право рассматривать эти дела.

32. Состав политических преступлений и процедуры для обвинения, следствия и суда определяются органическим законом.

Глава II. Исполнительная власть

33 Президент наделен исполнительной властью.

34. Президентом может быть избран француз по рождению, не моложе тридцати лет.

35. Президент избирается путем прямого и всеобщего избирательного права, тайным голосованием и абсолютным большинством голосов.

36. Протоколы выборов направляются непосредственно в Законодательный корпус, который немедленно выносит решение о выборах и провозглашает Президента республики.

Если ни один из кандидатов не получил большинство голосов, палаты на совместном заседании избирают Президента путем тайного голосования и абсолютным большинством голосов из трех кандидатов, получивших наибольшее число голосов.

37. Президент избирается на четыре года [может быть переизбран во второй раз, но по истечении восьми лет], он может быть переизбран лишь через четыре года.

38. Он располагает военной силой, но не вправе лично ею командовать.

39. Он не может распустить Законодательный корпус или приостановить каким-либо образом действие Конституции и законов.

40. Президент представляет страну перед иностранными державами. Он принимает посланников и аккредитованных послов. Он поддерживает внешнеполитические отношения, ведет переговоры, заключает предварительные договоры; но ни один договор не может быть окончательно заключен, пока он не ратифицирован Законодательным корпусом.

41. Он имеет право помилования после получения рекомендации министра юстиции [за исключением случаев, когда приговор вынесен Сенатом по обвинению Палаты представителей].

42. Он обнародует законы от имени французского народа; обнародование должно состояться в течение десяти дней, за исключением случаев, предусмотренных ст. 29.

43. Президент проживает в правительственной резиденции. Расходы на его содержание берет на себя Республика [он получает постоянное содержание до выборов Законодательного корпуса и его постоянный оклад в размере не менее] в размере 600 000 франков.

44. Президент назначает и смещает по собственному желанию министров.

Он, сообразуясь с указаниями министров, назначает и смещает дипломатических представителей, генералов и командующих сухопутными и морскими вооруженными силами, префектов, командующего силами Национальной гвардии Сены, мэра Парижа, управляющих колониями, Алжиром, Банком Франции, генеральных прокуроров и других высших должностных лиц.

Он назначает и освобождает от должности второстепенных правительственных агентов по предложению компетентного министра.

45. По мотивированному предложению Совета министров он имеет право отозвать мэров и гражданских должностных лиц исполнительной власти, избранных гражданами. Он имеет право приостановить их полномочия без объяснения причин на срок, который не должен превышать трех месяцев.

46. Акты, издаваемые Президентом, действительны без подписи министра только в том случае, если они заключают в себе назначение или смещение министров.

47. Президент, министры, агенты и лица, наделенные государственной властью ответственны каждый в своей области за все деяния правительства и администрации.

Закон определит случаи привлечения к ответственности и способ преследования.

48. Министры имеют право участвовать в работе Парламента; их выслушивают всякий раз, когда они того просят.

49. Вице-президент назначается на четырехлетний срок Законодательным корпусом по представлению Президента в течение месяца, который следует за его избранием.

В отсутствие Президента вице-президент его замещает.

Если пост Президента становится вакантным вследствие кончины, отставки или в каком-либо ином случае, в течение месяца происходят выборы нового Президента.

Глава III. Внутренняя администрация

50. Настоящее деление государства на департаменты, округа, кантоны и коммуны сохраняется, и оно может быть изменено только законом.

51. Закон определит изменения, которые будут произведены в администрации департаментов, округов и коммун; он установит полномочия генеральных и муниципальных советов.

52. Генеральные и муниципальные советы избираются путем прямой подачи голосов всех граждан, проживающих в данных департаментах или коммунах [уплачивающие прямой налог, размер которого определит закон, но который в любом случае не должен быть меньше... франков и не больше... франков].

53. Генеральные и муниципальные советы могут быть распущены Президентом по мотивированному предложению Совета министров [доклад министров будет помещен в *Монитере*].

Глава IV. Судебная система

54. Правосудие отправляется от имени народа. Оно безвозмездно. Заседания происходят публично, если только публичность заседаний не представляет опасности для спокойствия и нравственности общества.

55. Закон о судебной системе установит порядок назначения судей всех разрядов и рангов.

56. Судьи первой инстанции, апелляционного и кассационного судов назначаются пожизненно. Они не могут быть смещены или отставлены иначе, как по решению суда по причинам и согласно правилам в соответствии с законодательством.

Закон о судебной системе установит возраст, с которого судьи могут быть отправленными на пенсию.

57. Военные и военно-морские советы, торговые трибуналы, прюдомальные советы и другие специализированные суды сохраняют свои текущие обязанности, пока они не будут изменены законом.

58. В каждом департаменте будет действовать административный суд, отвечающий за вынесение решений по административным спорам.

59. Высший административный суд будет выносить решения по любым административным спорам на всей территории Франции.

60. Состав и полномочия административных судов, а также последующие процедуры определяются органическим законом.

61. Споры о подведомственности между административными судами и судебными властями должны решаться судом, состав которого будет определять закон.

62. Закон определит состав и полномочия счетной палаты, а также трибунала, в котором будет рассматриваться обжалование ее решений.

Глава V. Вооруженные силы

63. Вооруженные силы состоят из национальной гвардии, сухопутных и военно-морских сил.

64. Каждый француз, за исключением случаев, предусмотренных законом, должен лично нести военную службу или службу в национальной гвардии.

65. Национальная гвардия состоит из всех граждан государства, имеющих право носить оружие, которые не входят в состав действующей армии.

Специальный закон установит для национальной гвардии порядок избрания своих начальников.

66. Правительство обеспечивает внутреннюю безопасность и внешнюю защиту государства; оно распределяет сухопутные и военно-морские силы по установленным правилам, но национальная гвардия может быть мобилизована только в силу закона.

67. Специальные законы регулирует режим призыва на военную службу в сухопутные и военно-морские силы, срок службы, дисциплину, форму суда и вид наказания.

68. Вооруженные силы призваны к беспрекословному подчинению; ни одна вооруженная часть не может ни обсуждать какие-либо вопросы, ни выносить по ним постановления.

69. Иностранные войска не могут быть введены на французскую территорию без предварительного согласия Законодательного корпуса.

Глава VI. Общие положения

70. Уничтожается смертная казнь за политические преступления.

71. Конфискация не может никогда применяться.

72. Рабство не может существовать на любой французской территории.

73. Печать в любом случае не может подвергаться цензуре.

74. Все граждане могут свободно публиковать свои мнения [по правилам, установленным законом].

75. Дела о преступлениях печати или по любым другим средствам публикации подлежат рассмотрению исключительно суда присяжных.

76. Присяжные сами решают дела о потерях и убытках, причиненных действиями или преступлениями печати.

77. Все политические преступления, не входящие в компетенцию суда Сената, рассматриваются судом присяжных.

78. Суд присяжных по-прежнему применяется в уголовных делах.

79. Каждый может исповедовать свою религию, и государство оказывает равное покровительство отправлению всех религиозных культов.

Только священнослужители, признанные законом, имеют право на получение содержания от государства.

80. Свобода обучения осуществляется под гарантии законов и под надзором государства.

81. Жилище каждого гражданина неприкосновенно. Проникнуть в него можно лишь согласно форме и в случаях, предусмотренных законом.

82. Никто не может быть судим судом, которому он не подлежит. Не может быть образовано особых комиссий, чрезвычайных судов, какими бы названиями или основаниями они не прикрывались.

83. Никто не может быть арестован или задержан иначе, как в силу предписаний закона.

84. Всякое вооруженное скопление народа является покушением на Конституцию; оно должно быть немедленно рассеяно с помощью вооруженной силы.

85. Всякое невооруженное скопление народа также должно быть рассеяно — сначала приказом командующего, а в случае необходимости путем применения вооруженной силы.

86. Так как собственность есть право неприкосновенное и священное, то никто не может быть лишен ее иначе, как в случае установленного законом общественного интереса и при условии справедливого и предварительного возмещения, определенного специальным судом.

87. Ни один налог не может взиматься иначе, как в силу закона.

88. Прямой налог устанавливается только на год; косвенные налоги могут устанавливаться на несколько лет.

89. Орден Почетного легиона сохраняется.

90. Территории Алжира и колоний объявляются французскими территориями и управляются особыми законами.

Глава VII. Изменение Конституции

91. Нация всегда имеет право изменить или внести изменения в Конституцию.

Если одна из Палат выразит желание, чтобы Конституция была реформирована в целом или в какой-нибудь ее части, пересмотр производится следующим образом: желание Парламента получает свое окончательное выражение

в соответствующей резолюции только тогда, когда оно соберет три четверти голосов в каждой из палат.

Собрание по пересмотру Конституции избирается только на ограниченное время и не вправе заниматься ничем, кроме пересмотра Конституции, для которого оно создано.

Глава VIII. Временные предписания

92. Действующие кодексы, законы и правила остаются в силе до тех пор, пока они законным порядком не будут отменены.

93. Все существующие органы власти будут продолжать оставаться в должности до публикации соответствующих органических законов.

Литература

1. *Лабулэ Э.* Французская администрация и законодательство. СПб.: Издание Н.И. Ламанского, 1870. 460 с.

2. *Laboulaye E.* Considérations sur la Constitution. Paris: A. Durand, Franck, 1848. 135 p.

3. *Laboulaye E.* Le Parti libéral. Son programme et son avenir. 8-e éd. Paris: Charpentier et C, 1871. 344 p.

Literatura

1. *Labule' E'.* Francuzskaya administraciya i zakonodatel'stvo. SPb.: Izdanie N.I. Laman-skogo, 1870. 460 s.

2. *Laboulaye E.* Considérations sur la Constitution. Paris: A. Durand, Franck, 1848. 135 p.

3. *Laboulaye E.* Le Parti libéral. Son programme et son avenir. 8-e éd. Paris: Charpentier et C, 1871. 344 p.

S.V. Bochkarev

The Draft Constitution of 1848 by E. Laboulaye (Translated from French)

The article analyzes the political and legal views of E. Lobule on the constitutional development in France in 1848. The draft Constitution by E. Lobule translated into the Russian language for the first time is represented.

Keywords: Constitution; rights and freedoms; legislation; executive power; legislative power; E. Laboulaye.

Д.А. Пашенцев

**Обзор научной конференции
памяти профессора Ф.М. Рудинского,
прошедшей 27 апреля 2017 г.
в Юридическом институте
Московского городского
педагогического университета**

Научная конференция памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского проводится в Юридическом институте Московского городского педагогического университета ежегодно. В 2017 г. она состоялась 27 апреля. В работе конференции приняли участие не только граждане России, но и представители зарубежных государств: Армении, Белоруссии, Болгарии, Таджикистана, Украины, что определило международный статус мероприятия.

Помимо МГПУ в конференции участвовали представители ведущих отечественных вузов и научных учреждений, таких как Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Институт государства и права РАН, Санкт-Петербургский юридический университет МВД России, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Российский университет правосудия, Московский городской университет управления Правительства Москвы, Финансовый университет при Правительстве РФ, Всероссийская академия внешней торговли, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российский государственный социальный университет, Российский университет юстиции, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Томский государственный педагогический университет, Московский университет МВД России, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, Московский институт государственного управления и права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Рязанский государственный радиотехнический университет и другие.

Среди зарубежных учебных заведений наиболее широко были представлены Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (Белоруссия)

и Таджикский национальный университет. Также в работе конференции участвовали ученые из Таджикской национальной академии наук и Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

Проблематика конференции определяется тем, что Феликс Михайлович Рудинский основал и возглавил на юридическом факультете Московского городского педагогического университета кафедру прав человека и стал основателем научной школы по данному направлению. В связи с этим часть докладов участников конференции традиционно была посвящена различным аспектам, связанным с правами человека и их реализацией.

Работа конференции проводилась в рамках нескольких секций: «Современные проблемы и перспективы развития Российского государства»; «Формирование правовой компетенции студентов в рамках юридической клиники»; «Реализация конституционных прав граждан»; «Перспективы развития и совершенствования отраслей частного права»; «Актуальные проблемы уголовного права и уголовного процесса»; «Актуальные проблемы управления глобальными процессами в целях устойчивого развития: право, права человека, юридическая наука и образование»; «Право на образование: международное и национальное измерение»; «Актуальные вопросы правового статуса участников образовательных отношений».

Работа сразу нескольких секций была посвящена такому важному вопросу, как право на образование и образовательное право, что особенно актуально в связи с теоретическими исследованиями и практической деятельностью ученых Юридического института МГПУ. В институте вопросам образовательного права уделяется большое внимание. Открыта магистерская программа по образовательному праву, которая пользуется большим спросом среди практических работников системы образования города Москвы. Подготовлено и опубликовано несколько учебников и учебных пособий, а также монографий по образовательному праву.

Большой интерес вызвал доклад профессора И.Н. Куксина «Юридическое образование: опыт и проблемы реализации». Ученый отметил, что, анализируя нынешнее состояние высшего юридического образования, можно констатировать, что оно находится в упадке. Его качество заметно снизилось не только от преподавания в школах и вузах, но и от тех государственных реформ, от которых оно в первую очередь и страдает. Следует отказаться от слепого копирования западных образцов образования, а сосредоточиться надо на развитии и совершенствовании своей российской модели. По глубокому убеждению автора, переход на двухуровневую систему образования ведет к утрате наших национальных традиций в области юридического образования. Подписав Болонскую декларацию, Россия полностью восприняла западную модель образования без каких-либо оговорок. Есть все основания полагать, что реализация Болонской декларации в Российской Федерации оказывает существенное влияние на переориентацию образования из системного в мозаично-фрагментарное.

Ученый ставит вопрос: какие меры необходимо предпринимать, чтобы восстановить престижность образования в России? И отвечает, что направлений много, но среди их множества следует указать на первостепенные.

В ближайшей перспективе необходимо отказаться от компетентностного подхода и выстраивания основ системы образования страны по западным образцам.

На законодательном уровне необходимо закрепить такие принципы образовательной политики, как фундаментальность знаний, патриотизм, высокая нравственность политики образования, обучение с учетом базовых национальных нравственных ценностей.

Доцент Ю.В. Куракина в своем докладе рассмотрела образовательные отношения и сделала вывод, что образовательные отношения и педагогические отношения не являются тождественными категориями, они обладают индивидуальными признаками, позволяющими наиболее полно охарактеризовать социальные отношения, возникающие в связи с реализацией права на образование.

Старший преподаватель Юридического института МГПУ А.И. Николаев в своем выступлении акцентировал внимание на том, какие тенденции в сфере образования порождает процесс формирования информационного общества. Среди таких тенденций он называет следующие: повышается свобода доступа граждан к образовательным ресурсам посредством сети Интернет; расширяются возможности использования новых образовательных технологий в процессе обучения; активно используются возможности онлайн-обучения; информация становится более доступной; появляется возможность сравнивать степень эффективности различных образовательных моделей.

Одной из наиболее многочисленных по составу участников стала секция «Актуальные проблемы управления глобальными процессами в целях устойчивого развития: право, права человека, юридическая наука и образование». Модераторами секции выступили профессор А.И. Кривенький и доцент С.А. Бурьянов. Большой интерес участников секции вызвал доклад профессора из Санкт-Петербурга И.Л. Честнова, который высказал ряд интересных и новых положений с позиций постклассической теории права, касающихся роли права в условиях глобализации. По мнению ученого, знаковая природа права включает, во-первых, конструирование правовой реальности, т. е. приращение некоторым социальным явлениям и процессам юридического значения; во-вторых, фиксацию (закрепленность) права в соответствующих формах его нормативности (нормативные правовые акты, судебные прецеденты, правовые обычаи, нормативные договоры и др.); в-третьих, знаковость реализации (хотя и не всегда сознательную) права через осмысление юридически значимой ситуации, мотивацию и совершение соответствующих действий. Весь этот процесс инновационного и традиционного воспроизводства правовой реальности опосредован знаковостью, а последняя существует только через ее интерпретацию. Тем самым бытие права имманентно интерпретационно.

Вышеизложенное, по мнению И.Л. Честнова, дает основание заключить, что право в современном «постклассическом» глобальном мире — это продукт

действий (как дискурсивных, так и «фактических», не существующих отдельно друг от друга) власти по конструированию того, что с ее точки зрения следует считать юридически значимым, всегда обусловленным историческим и социокультурным (включая политические, экономические и т. п. ограничения) контекстом, закрепленным в соответствующей форме и реализации сконструированных норм права в практиках правоприменителя и широких народных масс. Конструирование права, по большому счету, это не что иное, как придание некоторым социальным отношениям, которые власть, принимая во внимание отношение к ним населения, считает наиболее важными, юридической формы, включая формы реализации норм права.

Заведующий кафедрой конституционного права Таджикского национального университета А.М. Диноршоев в своем выступлении рассказал об особенностях правового регулирования свободы совести в Республике Таджикистан. Выступавший отметил, что на сегодняшний день в Республике Таджикистан действуют более 4 тыс. религиозных объединений.

Целый ряд выступлений участников конференции был посвящен историко-правовым проблемам. Например, профессор из Санкт-Петербурга А.А. Дорская рассмотрела развитие системы прав человека в контексте российских правовых традиций. По мнению докладчика, российские правовые традиции и развивающаяся система прав человека вступают в некоторые противоречия друг с другом, находясь при этом в постоянном взаимодействии. Можно сказать, что у России сложились определенные традиции в правозащитной сфере, опирающиеся как на собственный правовой опыт, так и на международные правовые стандарты. В то же время российские правовые традиции отражены в ряде международных документов и приобрели универсальный характер.

В работе секции «Современные проблемы и перспективы развития российского государства» приняли участие известные ученые: доктор юридических наук, профессор М.Н. Марченко (МГУ им. М.В. Ломоносова), доктор юридических наук, профессор В.М. Сырых (Российский университет правосудия), доктор юридических наук, профессор В.Н. Протасов (Российский университет юстиции).

Модератором этой секции выступил заслуженный юрист РСФСР, профессор В.А. Северухин. В своем выступлении он рассказал о правовых проблемах современного Российского государства.

Обозначив и классифицировав основные проблемы, докладчик сделал вывод, что их можно решить без социальных потрясений. По его мнению, постепенное развитие институтов гражданского общества окажет воздействие на политическую систему, и мы сможем обеспечить полноценную работу принципа разделения властей и привести действующее законодательство в соответствии с конституционными требованиями.

В целом научная дискуссия, развернувшаяся в рамках конференции, носила исключительно творческий характер. В ходе обсуждения прозвучавших докладов было высказано немало интересных мыслей и идей, которые, как мы надеемся, станут основой для новых научных публикаций.

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензия на монографию Н.М. Ладнушкиной, Д.А. Пашенцева, С.И. Феклина «Образовательное право: вопросы теории и практики» (Рязань: Концепция, 2017. 240 с.)

В современных условиях, когда в Российской Федерации продолжается образовательная реформа, можно наблюдать имеющееся несоответствие между повышенным интересом общественности к вопросам, связанным с системой образования и образовательным правом, и сравнительно небольшим количеством публикаций монографического характера по ключевым аспектам образовательного права. Рецензируемая работа в этом отношении представляет собой исключение. Она написана на достаточно высоком теоретическом уровне и в то же время содержит немало ценного практического материала, связанного с действующим законодательством об образовании и практикой его реализации.

Высокий уровень монографии в немалой степени определяется составом авторов, среди которых присутствуют ученые, сочетающие научную деятельность с практической работой по консультированию в сфере образования.

Монография написана сотрудниками Московского городского педагогического университета, который в последнее время уверенно вошел в число лидеров в сфере обучения образовательному праву. В университете открыта и успешно работает магистратура «Образовательное право», которая выпускает квалифицированные кадры для работы в московском образовательном пространстве. На страницах научного журнала «Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки» регулярно публикуются статьи по проблемам образовательного права. Фактически речь идет о том, что в Юридическом институте МГПУ уже сложилась целая научная школа по образовательному праву.

Рецензируемая монография затрагивает и решает важные теоретические вопросы, связанные с развитием современной системы образования. Авторы

справедливо подчеркивают роль образования в современном мире, рассматривают образование как один из основных факторов общественного прогресса и повышения уровня жизни.

Первая глава монографии посвящена месту образовательного права в правовой системе России. В этой главе авторы анализируют содержание конституционного права на образование, показывают этапы становления и развития законодательства об образовании в нашей стране, дают характеристику государственной политике в сфере образования. Отдельное внимание уделяется характеристике источников образовательного права.

Во второй главе монографии рассматривается правовой статус образовательной организации. Проанализированы организационно-правовые основы создания, реорганизации, изменения типа и ликвидации образовательной организации. Рассматриваются локальные нормативные акты образовательных организаций, а также нормативные основы управления образовательной организацией.

Третья глава посвящена государственному контролю и надзору в сфере образования. Авторы рассматривают историю становления контроля и надзора в сфере образования, анализируют нормативно-правовые основы государственного контроля и надзора в сфере образования и тенденции развития контроля и надзора в сфере образования.

Четвертая глава раскрывает правовой статус участников образовательных отношений. Проанализирован правовой статус обучающихся и их родителей в образовательной организации, правовой статус педагогических работников образовательной организации, правовой статус руководителя образовательной организации.

В монографии достаточно подробно проанализирован Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Авторы полагают, что он несовершенен с точки зрения юридической техники, отдельные статьи перегружены, многие нормы для реализации требуют принятия подзаконных нормативных актов.

Важным достоинством рецензируемой монографии можно считать наличие анализа судебной практики по вопросам, связанным с образованием. Примеры из судебной практики позволяют читателю лучше понять основные мысли авторов, прокладывают логичный переход от теории к практике.

Сложно поспорить с авторами монографии, когда они утверждают, что совершенствование правового регулирования образования должно начинаться с поиска ответов на ряд ключевых вопросов: в чем состоит предназначение образования; каковы цели образования; как должны взаимодействовать между собой субъекты образовательных отношений; какова роль государства в развитии образования; как должны соотноситься публично-правовое и частно-правовое регулирование в образовательном праве.

По мнению авторов монографии, практическая реализация принятых нормативных правовых актов в сфере образования осложнена присутствием целого ряда объективных и субъективных факторов. Для преодоления

имеющихся трудностей предлагается усилить борьбу с бюрократизацией образования; сделать акцент на развитии демократических начал в образовании, автономии образовательных учреждений и академических свободах. Необходим учет общественного мнения, в первую очередь мнения академического сообщества по вопросам реформирования образования.

Таким образом, рецензируемая монография представляет собой интересное и полезное юридическое исследование важных вопросов теории и практики образовательного права. Она будет полезна как преподавателям, так и практическим работникам системы образования, а также студентам и аспирантам.

А.А. Дорская

**Рецензия на монографию
А.Д. Керимова, И.Н. Куксина
«Сильное государство как определяющий
фактор общественного прогресса»
(М.: Норма: Инфра-М, 2017. 96 с.)**

Российское государство в XXI веке сталкивается со многими вызовами, на которое оно обязано реагировать. Эти вызовы имеют четко обозначенные контуры. События на Украине, санкции в отношении Российской Федерации, ближневосточные конфликты, расширение НАТО, реорганизация западных институтов международного влияния, расширение поля действия радикального ислама, соперничество либерального и патриотического блоков внутри страны, деятельность НКО и различных фондов, финансируемых из-за рубежа, — вот далеко не полный список существующих и вероятных угроз для России. Суверенитет многих государств, в том числе и Российского государства, сегодня постоянно подвергается атакам со стороны международного финансового капитала, государств-лидеров, одержимых манией расширения сферы влияния за счет других стран. Исходя из обозначенных проблем, возникает вопрос: каким быть государству Российскому на современном этапе его развития?

Ответ на поставленный вопрос и пытаются дать авторы рецензируемой монографии. Ясно, что сегодня жизнь ставит вопросов больше, чем имеется ответов. Но тем не менее данную монографию следует прочесть хотя бы по двум причинам: во-первых, она посвящена не сиюминутным конъюнктурным вопросам, а носит концептуальный, стратегический характер, а во-вторых, содержит элементы социального прогнозирования. Авторы с учетом современных реалий обосновывают перспективы дальнейшего развития и функционирования государственных институтов. В работе затрагиваются острейшие проблемы современного общественного и государственного развития: дефицит энергоресурсов, загрязнение окружающей среды, резкая дифференциация доходов населения, рост межнациональных и межконфессиональных конфликтов, международный терроризм, ограничения государственного суверенитета и др. Несмотря на изобилие научных источников, работающих по всем указанным проблемам, авторы не ограничились описанием этих проблем, а сделали небезуспешную попытку увязать их с государственным управлением, усложняющимися социальными процессами и, как

вывод, с необходимостью разработки целостной политико-правовой концепции сильного государства.

Многогранность объектов исследования обусловила необходимость изложения материалов с позиций политологии, социологии, истории и юриспруденции. Структурно работа состоит из четырех глав.

В *первой* главе авторы обосновывают необходимость сильного государства. Следует признать справедливыми идеи о том, что сегодня общественная жизнь характеризуется усложнением современных процессов и их ускорением. Авторы также совершенно справедливо полагают, что государство — единственный социальный институт, который способен выражать общую волю, т. е. публичный интерес. Авторами выдвигается и обосновывается тезис о том, что только сильное государство способно быть в реальности социальным, способно обеспечить социальную справедливость.

Анализируя проблему свободного рынка, авторы справедливо указывают, что абсолютно свободный рынок не является благом для современного общества, и это поняли уже давно во всех прогрессивных государствах. Соответственно, делают вывод авторы, в современном обществе необходим государственный контроль за этим рынком правовыми средствами. И вполне справедливым является утверждение авторов о том, что саморегулирующийся рынок в условиях современности невозможен, да и в прошлом такой рынок, в строгом смысле слова, не существовал.

Затрагивая проблему глобализации, авторы показывают ее теневые стороны и доказывают необходимость усиления современного государства, так как в условиях глобализации страны становятся контролируемы не национальным, а глобальным иностранным капиталом. При этом капиталисты не берут на себя никакой социальной ответственности за жизнь и благополучие населения этих стран.

Эффективно противостоять современным вызовам, таким как терроризм, экологические проблемы, болезни, неблагоприятная демография, может, как верно отмечают авторы, только сильное государство, так как только оно способно обеспечить устойчивое развитие современного общества.

Вторая глава посвящена роли сильного государства в обеспечении прав человека. Авторы пытаются развенчать довольно распространенный в научной литературе тезис о том, что сильное государство представляет опасность для частного интереса, в особенности для сферы прав человека. Однако сильное государство не синоним тоталитарного государства. Не отрицая того, что подлинный публичный интерес должен, как правило, ставиться выше частного в любом обществе, авторы доказывают, что признание прав человека само по себе есть признание того, что частное в некоторых случаях может быть важнее публичного. Речь идет о разумном балансе, когда это касается прав человека. В ряде случаев частный интерес ввиду его ценности должен иметь приоритет над публичным интересом.

В заключении второй главы монографии авторы приходят к выводу о том, что наиболее перспективным является «максимальное сочетание и наиболее

полное обеспечение интересов и государства, и отдельного индивида» (с. 56). По их мнению, только сильное государство в состоянии обеспечить и общественную пользу, и права отдельных индивидов.

В *третьей* главе исследуются вопросы соотношения общей воли, имеется в виду — народа, и сильного государства. В главе ставятся два основных вопроса: «выражает ли, и если да, то в какой мере, государство в лице своих властных институтов волю народа и должно ли оно формировать или способствовать формированию этой воли?» (с. 57).

В современных условиях, отмечают авторы, зачастую граждане государства не способны сформировать свое мнение по многим важным вопросам. В большинстве случаев люди рассматривают реальность через призму своих интересов (в том числе классовых), и, более того, формируют свое мнение только в отношении того, что так или иначе затрагивает их интересы, а в остальных случаях они довольствуются готовыми мнениями.

Однако вне зависимости от способности народа осознать «народное благо», объективно оно существует и превращается в публичный интерес, защитником которого может быть только государство. На основе этого положения авторами подтверждается не бесспорная позиция о том, что «государство в лице своих властных органов в первую очередь вырабатывает и выражает, главным образом путем принятия законов и других нормативных актов, собственную волю, которая с большим основанием, чем какая бы то ни было другая воля, может быть признана совпадающей с народной (за исключением, разумеется, воли, выявленной в ходе общенационального голосования или массовых выступлений) и (или) отвечающей интересам населения страны» (с. 68).

Как вывод из третьей главы следует, что сильное государство должно стать во главе процесса выработки общей воли, соответствующей публичному (общему благу) интересу, а не навязанной или внушенной народу определенными классами и социальными группами, преследующими свои, отличные от публичного, интересы, ибо только государство способно адекватно выражать публичный интерес.

В *четвертой* главе раскрываются основные характеристики сильного государства, которые представляют собой попытку дать общую концепцию сильного государства. В ней авторы отвечают на вопросы: «Что есть сильное государство? Каковы его наиболее существенные признаки, отличительные черты? Каковы основные критерии, позволяющие рассматривать его в качестве такового?» (с. 73).

По мнению авторов, сильным государством является государство, которое обладает значительным властным потенциалом.

Сильное государство должно иметь монополию на насилие, и эта монополия должна быть действительной и обеспечиваться эффективным функционированием всех силовых структур (с. 74–75). Полагаю, что с этим утверждением также можно согласиться.

Современное государство должно эффективно мобилизовывать общество для решения насущных проблем последнего, а «для этого необходима власть

над умами» (с. 77). Авторы определяют эту власть как власть «духовную» в широком, а не в узкорелигиозном смысле слова (с. 78). И в этом плане полагают, что для обеспечения такого идеологического приоритета государства в обществе государственная власть должна опираться на светских и духовных интеллектуалов, «светскую и церковную интеллигенцию» (с. 79). Духовная власть, в понимании авторов, не сводится к власти церковных институтов. Напротив, отмечается в исследовании, что эффективно привлекая Церковь к своей деятельности, и, так сказать, «заигрывая» с ней, иногда слишком очевидным образом, власти недостаточно эффективно работают со светской интеллигенцией.

Следует поддержать утверждение, что «сильное государство немислимо без государственной идеологии» (с. 86). В этой части следует солидаризоваться с авторами, которые утверждают, что «российская правящая элита (по крайней мере, ее часть) прекрасно осознавая это, предпринимает некоторые, к сожалению, пока еще явно неудачные попытки по формированию государственной идеологии» (с. 87).

Анализ четвертой главы убеждает, что в ней авторам удалось обозначить четкие контуры сильного государства. И это повышает теоретическую значимость данного труда, представленного научной общественности.

Подводя итог, следует отметить, что концепция сильного эффективного государства в российской правовой и политической науке весьма востребована. Она востребована и в идеологическом плане, так как Россия с ее интеллектуальным, технологическим и культурным потенциалом просто не может позволить себе быть слабым государством. Сегодня это особенно важно, и это должны понять и наши западные партнеры.

Лейтмотив рецензируемой книги соответствует ее названию, т. е. сильное государство является фактором общественного прогресса.

Особенностью и достоинством монографии является использование обширного источниковедческого материала: трудов мыслителей древности, основоположников классической юриспруденции, дореволюционных работ российских юристов и философов, а также трудов российских ученых советского и постсоветского периодов.

Материалы изложены простым и доступным языком, присутствуют размышления авторов, в том числе их видение путей разрешения национальных и международных проблем.

В то же время следует отметить дискуссионный характер отдельных положений и выводов авторов монографии.

Логика оглавления, т. е. структура монографии. Сначала идет первая глава «Для чего необходимо сильное государство», а затем четвертая глава «Основные характеристики сильного государства». Если следовать логике научных исследований, вначале все же целесообразно дать понятие исследуемого явления (оно может быть выведено через его основные характеристики или признаки), а затем, по-видимому, уже давать главу «Для чего необходимо сильное государство».

В названии монографии, а также по ходу изложения материала, фактически проводится идея о том, что только сильное государство может являться определяющим фактором общественного прогресса. Однако опыт истории свидетельствует о том, что ряд государств (Испания, Португалия, Великобритания, Голландия, Германия — 1933–1945 гг.) и некоторые другие, являясь в определенные периоды истории «сильными», вряд ли могут быть отнесены к этой категории как определяющие факторы общественного прогресса. Может быть высказана и иная точка зрения. Понятие «сильное государство» — фактически парная категория к понятию «слабое государство». По-видимому, можно вести речь о факторе общественного прогресса применительно к сильному государству лишь в том случае, если оно может быть отнесено к числу демократических государств. Кстати, в лексике международно-правового общения термин «сильное государство» в оборот не введен.

Нельзя также не учитывать современную тенденцию, когда небольшие государства (по территории, уровню развития экономики и другим показателям), которые формально можно было бы, по утверждению авторов, монографии отнести к числу «слабых», объединяются в различного рода союзы, дающие им возможность приобретать черты и преимущества «сильных государств». Исследование этой тенденции в контексте проблемы «сильного государства», на наш взгляд, имеет большие научные перспективы.

Кроме того, отдельные частные замечания. С. 19 — термин «российский политический класс»; с. 82 — «правлящий класс нашей страны». Эти термины нуждаются в уточнении. С. 36 — «...потребительская общественно-экономическая формация»; этот термин, думается, еще не введен в научный оборот.

Общий вывод. Рецензируемая монография «Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса» д. ю. н., профессора А.Д. Керимова и д. ю. н., профессора И.Н. Кукунина выполнена на высоком профессиональном уровне, носит творческий характер, отличается новизной и доказательностью ряда идей. Монография действительно представляет теоретический и практический интерес для специалистов в сфере юриспруденции, политологии, социологии и истории. Данная работа может быть также рекомендована для студентов и аспирантов юридических вузов.

В.А. Северухин

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
2017, № 2 (26)**

Бабаева Юлия Григорьевна — кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы.

E-mail: autbene@bk.ru

Бочкарев Сергей Вадимович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

E-mail: pkb-spb@yandex.ru

Булгакова Оксана Александровна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы.

E-mail: BulgakovaOA@edu.mos.ru

Головина Анна Александровна — кандидат юридических наук, научный сотрудник отдела теории законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

E-mail: aagolovina@mail.ru

Дорская Александра Андреевна — доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Ефимова Ольга Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин Юридического института МГПУ.

E-mail: alisa03@mail.ru

Ефремова Ольга Валентиновна — старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

E-mail: eov2209@mail.ru

Звонарев Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института МГПУ/

E-mail: ZvonarevAV@mgpu.ru

Калмыкова Анастасия Дмитриевна — аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ.

E-mail: KalmykovaAD@mgpu.ru

Кривенький Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права и прав человека Юридического института МГПУ.

E-mail: KrivenkiiAI@mgpu.ru

Куксин Иван Николаевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ.

E-mail: proffkuk-1944@yandex.ua

Лавицкая Марина Ивановна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Правовое обеспечение в сфере науки и технологий» Московского политехнического университета.

E-mail: marinalv2010@yandex.ru

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института МГПУ.

E-mail: dp-70@mail.ru

Ростокинский Александр Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ.

E-mail: arostokinskiy@yandex.ru

Северухин Владимир Александрович — кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института МГПУ.

E-mail: SeveruhinVA@mgpu.ru

Терновая Ольга Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела гражданского законодательства иностранных государств Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

E-mail: ternovaya16@yandex.ru

Тимофеев Станислав Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права юридического факультета Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета.

E-mail: timofeev@rggu.ru

Тымчик Владимир Ильич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы.

E-mail: BulgakovaOA@edu.mos.ru

AUTHORS

of «Vestnik Moscow City University»,
a Series of «Legal Sciences», 2017, № 2 (26)

Babaeva Yuliya Grigorievna — Ph.D. (Law), deputy head of the department of Jurisprudence, Moscow City Government University of Management.

E-mail: autbene@bk.ru

Bochkarev Sergey Vadimovich — Ph.D. (Law), docent, docent of the department of International Law, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg.

E-mail: pkb-spb@yandex.ru

Bulgakova Oksana Aleksandrovna — Ph.D. (Law), docent, docent of the department of Jurisprudence, Moscow City Government University of Management.

E-mail: BulgakovaOA@edu.mos.ru

Golovina Anna Aleksandrovna — Ph.D. (Law), researcher of the department of Theory of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: aagolovina@mail.ru

Dorskaya Alexandra Andreevna — doctor in Law, Ph.D. (History), professor, head of the department of International Law, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg.

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Efimova Olga Vladimirovna — Ph.D. (Law), docent, head of department of Civil Law Disciplines, Law Institute, Moscow City University.

E-mail: alisa03@mail.ru

Efremova Olga Valentinovna — senior lecturer of the department of Civil Law Disciplines, Orel Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

E-mail: eov2209@mail.ru

Zvonarev Andrey Vladimirovich — Ph.D. (History), docent of the department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Moscow City University.

E-mail: ZvonarevAV@mgpu.ru

Kalmykova Anastasiya Dmitrievna — postgraduate student of the department of State and Legal Disciplines, Law Institute, Moscow City University.

E-mail: KalmykovaAD@mgpu.ru

Krivenkiy Aleksandr Ivanovich — doctor in History, professor, head of the department of International Law and Human Rights, Law Institute, Moscow City University.

E-mail: KrivenkiiAI@mgpu.ru

Kuksin Ivan Nikolaevich — doctor in Law, professor, professor of the department of Criminal Law Discipline, Law Institute, Moscow City University.

E-mail: proffkuk-1944@yandex.ua

Lavitskaya Marina Ivanovna — doctor in History, docent, professor of the department of Legal Support in the Sphere of Science and Technologies, Moscow Polytechnic University.

E-mail: marinalv2010@yandex.ru

Pashentsev Dmitriy Alekseevich — doctor in Law, professor, professor of the department of Theory and History of State and Law, Law institute, Moscow City University

E-mail: dp-70@mail.ru

Rostokinskiy Alexander Vladimirovich — doctor in Law, head of the department of Criminal Law Disciplines, Law institute, Moscow City University.

E-mail: arostokinskiy@yandex.ru

Severukhin Vladimir Aleksandrovich — Ph.D. (Law), professor, head of the department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Moscow City University.

E-mail: SeveruhinVA@mgpu.ru

Ternovaya Olga Anatolyevna — Ph.D. (Law), docent, senior researcher of the department of Civil Law of Foreign States, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: ternovaya16@yandex.ru

Timofeev Stanislav Vladimirovich — doctor in Law, professor, head of the department of Financial Law, Law faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State Humanitarian University.

E-mail: (timofeev@rggu.ru).

Tymchik Vladimir Ilyich — doctor in Law, professor, professor of the department of Jurisprudence, Moscow City Government University of Management.

E-mail: BulgakovaOA@edu.mos.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи (после списка литературы) указывается автор, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных пунктов автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgri.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к главному редактору *Дмитрию Алексеевичу Пашенцеву* (Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16, кафедра теории и истории государства и права Юридического института Московского городского педагогического университета).

Телефон редакции: 8 (499) 959-55-51.

E-mail: dp-70@mail.ru

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Юридические науки»
№ 2 (26), 2017

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62496 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор *Д.А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т.П. Веденеева

Редактор:

С.П. Пузырьков

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М.В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А.В. Бармин, О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 19.05.2017 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Объем: 8 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.